

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Тема номера:

ГОД КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА УШИНСКОГО

2023 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2072-8360 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала

«Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д-р ист. наук, проф., ГУП

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д-р ист. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – д-р полит. наук, доц., ГУП

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д-р ист. наук, проф., ГУП;

Журавлев В. В. – д-р ист. наук, проф., ГУП;

Захаров В. Н. – д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д-р ист. наук, проф., ГУП (научный руководитель журнала);

Сулашкин С. С. – д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д-р ист. наук, проф., ГУП

Штоль В. В. – д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Московского государственного областного университета (www.istpolitmgou.ru); www.vestnik-mgou.ru.

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. 146 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

**ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)**

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences, 2023, no. 2. 146 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ГОД КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА УШИНСКОГО

<i>Багдасарян В. Э., Куренкова Е. А.</i> Исторический процесс в воззрениях К. Д. Ушинского . . .	8
<i>Вяземский Е. Е.</i> Вклад великого русского педагога К. Д. Ушинского в отечественную педагогику и образование	18
<i>Фукс А. Н., Ковригин В. В.</i> Значение наследия К. Д. Ушинского для современного русского исторического образования	27
<i>Комарова Н. М.</i> Традиции православной педагогики в контексте исторической ретроспективы	33

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Завадский Д. А.</i> Народное почитание святого Георгия Победоносца и традиции двоеверия в России в XIX в.	44
<i>Путилин И. А., Реснянский С. И.</i> Идеи мессианского назначения России в письмах Ф. И. Тютчева	56
<i>Рахматулина Е. Ю.</i> Формирование республиканской художественной коллекции в Казахской АССР/ССР 1930-х гг.	66
<i>Мазалецкая Е. Н.</i> Деятельность ярославского отделения ВООПИиК по привлечению молодёжи к сохранению памятников истории и культуры в 1970-е гг.	79

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ашрафьян К. Э.</i> Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 1: введение в хронологию открытия, освоения и христианизации Флориды в XVI в.	86
<i>Рудь А. А.</i> Становление социально-политических взглядов Ф. А. фон Хайека.	99
<i>Хазанов А. М., Гасратян С. М.</i> Сирийско-израильские отношения и проблема Голанских высот	109

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Чернов А. В.</i> Ионическая конституция 1799 г. в отечественной историографии	120
<i>Черемных О. А.</i> Конфликт России и Китая 1911 г. в освещении «Вестника Европы».	130

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Капустин А. С.</i> Компаративный анализ вовлечения в террористические организации на примере ДАИШ и Талибан, запрещённых в России	138
--	-----

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: THE YEAR OF KONSTANTIN DMITRIEVICH USHINSKY

- V. Baghdasaryan, E. Kurenkova.* Historical Process in the Views of K. D. Ushinsky. 8
- E. Vyazemsky.* Contribution of the Great Russian Educator K. D. Ushinsky
to Russian Pedagogy and Education 18
- A. Fuks, V. Kovrigin.* The Significance of K. D. Ushinsky's Legacy for Modern
Historical Russian Education 27
- N. Komarova.* Traditions of Orthodox Pedagogy in the Context of Historical Retrospective . . . 33

DOMESTIC HISTORY

- D. Zavadsky.* Popular Worship of St. George and Traditions of Double Belief in Russia
of 19th Century 44
- I. Putilin, S. Resnyansky.* The Ideas of Messianic Purpose of Russia
in Fyodor Tyutchev's Letters. 56
- E. Rakhmatulina.* Formation of the Republican Art Collection in the Kazakh ASSR/SSR
of the 1930s 66
- E. Mazaletskaya.* The Activity of Yaroslavl Branch of VOPIK for Attraction Young People
to the Preservation of Cultural and Historical Monuments in the 1970-s. 79

WORLD HISTORY

- K. Ashrafyan.* The Chronology of the Discovery and Development of Florida
in the 16th Century. Part 1: Introduction to the Chronology of the Discovery,
Development, and Christianization of Florida in the 16th Century 87
- A. Rud.* Establishment of F. A. Von Hayek's Socio-Political Views. 99
- A. Khazanov, S. Gasratyan.* Syrian-Israeli Relations and the Golan Heights Problem. 109

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- A. Chernov.* The Septinsular Republic's Constitution of 1799 in Russian Historiography 120
- O. Cheremnykh.* The Conflict Between Russia and China in 1911 in the Coverage
of "Herald of Europe". 130

POLITICAL SCIENCE

- A. Kapustin.* Comparative Analysis of Involvement in Terrorist Organizations
on the Example of Daesh and the Taliban, Prohibited in the Russia 138

ТЕМА НОМЕРА: ГОД КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА УШИНСКОГО

Образование по своей сущности является цивилизационным воспроизводством социума. Через систему образования каждый народ транслирует свои ценности, свой жизненный опыт. В этом отношении особое значение имеет восстановление национальных основ образовательных моделей и педагогических школ. Об этом говорил, в частности, президент Российской Федерации В. В. Путин, призывавший взять лучшее из системы образования советского времени.

Советское образования после всех экспериментов продолжало традиции российского дореволюционного образования, которое, в свою очередь, основывалось на фундаменте христианской педагогики. В этой преемственной связи особенно важной и даже осевой фигурой является фигура Константина Дмитриевича Ушинского.

Именно через Ушинского, с одной стороны, осуществляется связь с христианской педагогикой. Константин Дмитриевич был христианским мыслителем, о чём не принято было говорить в советское время, но без чего невозможно адекватно раскрыть его педагогические и общественные воззрения. С другой стороны, он являлся столпом педагогической мысли, к которому апеллировало советское образование. Таким образом, в связке времён в представлении истории педагогики роль Ушинского действительно оказывается ключевой.

Но интересы Константина Дмитриевича не ограничивались сферой педагогики. Само развитие педагогической мысли было сопряжено в его представле-

нии с философскими, социологическими, историческими, культурологическими знаниями. Педагогика никогда не развивалась и не может развиваться как оторванная от других гуманитарных и обществоведческих наук сфера.

Многое из творческого наследия Ушинского приобретает сегодня новую актуализацию. С одной стороны, речь, конечно, идёт о восстановлении идентичной для России педагогической системы. Сам Константин Дмитриевич в своих исследованиях показывал вариативность национальных образовательных систем, отличие их друг от друга, отражение в них народного духа соответствующих сообществ.

Образовательные системы формируются не только посредством факторов, непосредственно связанных с образованием, но также истории, культуры, религии. Ни немецкая, ни французская, ни английская, ни американская модели образования не могут быть перенесены в Россию. При такой экстраполяции пришлось бы переносить на российскую почву весь историко-культурный нарратив соответствующих государств, включая немецкое лютеранство, французский католицизм, британское англиканство, американский кальвинизм.

По многим вопросам педагогики было бы целесообразным выдвигать формулы возвращения к Ушинскому. Надо напомнить, в частности, что целевой ориентир образования – не овладение компетенциями или освоение предметов, а достижение счастья ребёнка. Причём счастье, как указывал Ушинский, трактуется в разных культурах сообразно со

своими национальными традициями. Для русской культуры таким ориентиром счастья должно стать основанное на христианской традиции стремление к душевному успокоению. Сегодня во время деятельностного убыстрения вопрос о душевном успокоении не может даже быть включён в повестку обсуждения. А между тем антропологический кризис становится всё более очевидным и требует системных решений.

Актуальными звучат и слова Ушинского о приоритетности воспитания перед получением знаний и профессиональных навыков.

Поднимались им и другие темы, которые можно было бы легко включить в современный дискурс. Ушинский, в част-

ности, говорил о патриотизме, противопоставляя его эгоизму. Злободневной была и тема раскола славянского мира, противостояния западных славян и русских. По-видимому, именно Ушинскому принадлежит роль первооткрывателя цивилизационного подхода, эстафету в развитии которого далее уже примет Н. Я. Данилевский.

Сегодня в контексте позиционирования России как государства-цивилизации фигура Ушинского оказывается одним из наиболее контекстных образов, стоящего на цивилизационно-ценностных позициях российского учёного. С этими и другими вопросами читатель ознакомиться в новом тематическом номере «Вестника».

УДК 93

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-8-17

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ВОЗЗРЕНИЯХ К. Д. УШИНСКОГО

Багдасарян В. Э., Куренкова Е. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструировать исторические воззрения К. Д. Ушинского, определить их место в развитии российской общественной мысли.

Процедуры и методы. Ядро источниковой базы составили труды Ушинского, включая опубликованные материалы лекций и дневниковых записей. Исследование опиралось на методологию интеллектуальной истории. Проводилось сопоставление исторических воззрений Ушинского с современными ему взглядами на мировую и российскую историю.

Результаты. Исторические взгляды Ушинского представлены в комплексном виде и раскрыты как оригинальное явление в развитии русской общественной мысли XIX в. **Показываются потенциалы** идей Ушинского в перспективах переосмысления исторического процесса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования целесообразно использовать в образовательной и просветительской деятельности, включить в рекомендуемую литературу к курсам истории российской общественной мысли, истории исторической науки и истории педагогики.

Ключевые слова: Ушинский, исторические взгляды, исторический процесс, цивилизация, государство, христианство, русское славянство, педагогика

HISTORICAL PROCESS IN THE VIEWS OF K. D. USHINSKY

V. Baghdasaryan, E. Kurenkova

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reconstruct the historical views of K. D. Ushinsky, to determine their place in the development of Russian social thought.

Methodology. The main source base of the study was the works of Ushinsky, including published materials of lectures and diary entries. The study was based on the methodology of intellectual history. Ushinsky's historical views were compared with the views on world and Russian history contemporary to him.

Results. Ushinsky's historical views are presented in a complex form and disclosed as an original phenomenon in the development of Russian social thought in the 19th century. The potential of Ushinsky's ideas is shown in the prospects of rethinking the historical process.

Research implications. It is advisable to use the research materials in educational activities, to include them in the recommended literature for courses on the history of Russian social thought, the history of historical science and the history of pedagogy.

Keywords: Ushinsky, historical views, historical process, civilization, state, Christianity, Russian Slavism, pedagogy

Введение

Существуют две традиции осмысления феномена историографии: *узкое* – как исследования профессиональных историков, и *широкое*, понимаемое в качестве воззрений на историю и исторический процесс вне зависимости от принадлежности к научному цеху. Имеют значение оба подхода: первый – для отражения достижений исторической науки, второй – для понимания развития исторического сознания. В фокусе второго подхода могут рассматриваться взгляды на историю политиков, государственных и общественных деятелей, мыслителей. Исследования такого рода в отечественной историографии уже имеют достаточную прецедентность. Среди видных фигур общественно-дискурса в истории России находится и фигура Константина Ушинского.

Константин Дмитриевич Ушинский вошёл в мировую историю как педагог, хотя его интересы в сфере общественных наук не ограничивались педагогикой. К тому же для XIX в. педагогические знания было принято представлять в контексте интегрированного видения гуманитарных и обществоведческих дисциплин, среди которых не последнее место занимала история. В этом отношении уместна постановка задачи реконструкции исторических воззрений Ушинского. Такая реконструкция должна помочь лучше понять и его педагогические взгляды.

Нельзя сказать, что обществоведческие воззрения Ушинского совершенно не изучались. Не обнаруживается исследований его взглядов на историю, но философские, социальные, культурологические идеи учёного всё же стали предметом самостоятельного изучения, хотя и не в должной для такой фигуры мере [1–5].

Философия в СССР, как известно, выстраивалась на противопоставлении материализма и идеализма. Соответственно, доказать, что взгляды Ушинского, зачисляемого в предтечи советской педагогики, имели материалистический

характер, или что сам педагог эволюционировал в направлении материализма. При решении этой задачи приходилось купировать неудобные стороны его воззрений, такие как, например, веру в Бога. Очевидно, что это было существенным деформированием, принципиально искажавшим мировоззрение мыслителя.

Но деформации воззрений Ушинского под идеологическую схему продолжались и в постсоветское время. Открытие религиозности педагога привело к попыткам представить его в качестве мыслителя православно-консервативного толка. Безусловно, православная традиция сыграла свою определяющую роль в формировании педагогических подходов Ушинского. Но многое в своих представлениях о трансцендентном он почерпнул из немецкой классической философии. На Украине Ушинского пытаются зачислить в круг украинских националистов, поставить в один ряд с Н. М. Костомаровым и Т. Г. Шевченко. Но равно как Константин Дмитриевич не был религиозным фундаменталистом, не являлся он и приверженцем национализма, никогда не выступал с позиций ксенофобии.

В основу источниковой базы исследования легли труды Ушинского, включая материалы лекций. Большое подспорье в этом отношении составляет издание Собрания сочинений Ушинского (1948–1952 гг.). Содержащиеся в Собрании сочинений оценки в отношении прошлого, акцентированного ранее, не изучались и представляют собой достаточный массив для реконструкции исторических взглядов педагога.

Методологически исследование исторических взглядов Ушинского осуществлялось на основе подходов, выработанных в рамках направления интеллектуальной истории. Реконструируемые воззрения Ушинского на историю соотносятся с общим направлением развития общественной мысли в контексте соответствующего времени.

Природа человека и переосмысление теории прогресса

Ушинский исходил из идеи о трёхсоставной природе человека, опередив в этом отношении своё время. В XIX столетии человек представлялся как одномерное или двухмерное существо. Три ипостаси человеческого бытия выстраивались Ушинским сообразно с логикой эволюционного восхождения. Первой ступеньке соответствовала *жизнь животного*, определяемая биологическими потребностями. Вторая ступень соответствует *сущности человека-животного*, испытывающего потребность в общественных коммуникациях, и имеющая уже социальную природу. Третья ступень – *сфера достижения духовного состояния*. И именно духовная ипостась оказывается, согласно Ушинскому, движущей силой человеческого развития. Животные, рассуждал он, побуждаемые инстинктами не могут в принципе развиваться. Не способны к развитию и народы, пребывающие в состоянии дикости. Фактором перехода народов на ступень духовную им рассматривалось принятие теми христианства. И только обретя уровень духовного бытия, у народов появился импульс развиваться, идти в направлении к идеалу. Такое понимание Ушинским прогресса отличало его от других прогрессистов, связывающих его либо с материальным приращением, либо с социальными трансформациями¹.

Религия как ось мировой истории

Ушинский в целом уделял значение религии гораздо больше, чем это было принято в среде секуляризованной общечеловечности XIX в. Педагогика Ушинского опиралась на христианский фундамент и ориентиры. Главным ориентиром, полагал педагог, должно быть стремление к счастью в том понимании, каком даёт его

¹ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 63–65.

христианство – душевный покой. И история, считал он, должна быть сопряжена с историей религии. «Может ли история, – спрашивал Ушинский, – быть сколько-нибудь историей, не излагая истории религий? Она в таком случае упустила бы громадную и самую важную нить событий и добровольно отказалась бы от объяснения происхождения бесчисленных фактов жизни человечества»².

Определяющее значение для мировой истории Ушинский отводил возникновению христианства. До христианства в Римской империи имело место разделение человека и лица (персоны). Не всякий человек являлся персоной. Христианство сняло это разделение, установив принцип фундаментального равенства человечества. «Нет ни эллина, ни иудея, ни свободного, ни раба...», – эти слова апостола были глубоко восприняты в русской мысли. На позициях антропологического равенства стоял и Ушинский. И эта позиция предопределяла содержание его «педагогической антропологии»³.

История Европы – христианский, а не античный фундамент

Ушинский в осмыслении исторического процесса испытывал влияние схем, заложенных немецкой классической философией. Но в то же время он критиковал немецкую мысль за навязываемые схемы. В качестве такого навязываемого ошибочного взгляда на прошлое он оценивал идею о том, что история Европы началась с Древней Греции и Древнего Рима. Согласно этой позиции в классическом образовании огромное внимание уделялось античной европейской истории, греческому и латинскому языкам. По мнению Ушинского, история цивили-

² Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 9. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 560.

³ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 54.

лизаций Древней Греции и Древнего Рима завершилась. В основе истории Европы находилось не греко-римское, а христианское начало. Фиксация того, что фундаментальной основой для Европы является христианство, подводило к необходимости ревизии всей образовательной системы. Ушинский использовал соответствующую аргументацию в полемике, связанной с перегруженностью программы классического образования древними языками, которую педагог призывал подвергнуть пересмотру¹.

От родового быта к государственному

Как и представители государственной школы в отечественной историографии, Ушинский связывал развитие с переходом от родового быта к государству. Им выделялось 4 ступеньки естественной эволюции: *род, племя, гражданское общество, государство*. Гражданское общество понималось не как признак правового государства, а как осознание себя в качестве граждан соответствующей общностью. Сообразно с воззрениями Ушинского наивысшего выражения эволюция форм общественного быта достигала в государстве. Это соотносилось с доминировавшими в XIX столетии представлениями, опиравшимися в значительной мере на гегелевские философию истории и философию права. Но переход к государству не был акцентирован Ушинским на правовом устройении, в отличие от С. М. Соловьева или Б. Н. Чичерина. Главное для него в этом переходе состояло в развитии человека. От этого видения оставался только один шаг до «педагогической антропологии»².

Государство и человек: патриотизм vs эгоизм

Ряд положений творческого наследия Ушинского как будто формулировался под современную актуальную повестку. К таким относится, в частности, дискуссия об отношении государственного и общественного. В рамках либерального дискурса, как известно, государство противопоставляется человеку, воспринимается как институт, подавляющий индивидуума. Ушинский считал, что индивидуальное как в сути своей эгоистическое должно подчиняться государственному как исходящему из интересов всех, а потому – патриотичному. Ушинский говорил о фундаментальном значении патриотизма, фактически предвосхищая определение его в качестве национальной идеи. Обратимся к одному из фрагментов его лекций в рамках курса камералистики, прочитанных ещё в Ярославском лицее: «Человек является в государстве двояким: или лицом отдельным, самостоятельным, преследующим свои частные, эгоистические интересы, которые неразрывно связаны с его исключительной личностью, и сами исключают интересы других лиц; или членом одного живого организма – государства, выполняющим общую цель его, с пожертвованием даже своими частными интересами. В первой сфере двигателем является эгоизм, во второй – патриотизм. Первая сфера есть частная, эгоистическая, гражданская; вторая – публичная, общественная, государственная. Первая подчиняется последней, но последняя, своим существованием, предполагает существование первой, и без неё не может быть; но гражданская сфера только в государственной находит своё полное осуществление»³.

¹ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения Н. И. Пирогова // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 49–50.

² Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 64.

³ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 52.

Государственность как продукт Нового времени

В Европе переход к государственному быту Ушинский датирует Новым временем. Им обращается внимание на отсутствие в средние века самих базовых понятий государственностроительства. До XVI столетия отсутствовало понятие «Отечество». То, что позже будет по отношению к средневековью интерпретироваться как «любовь к Отечеству», было, как указывал Ушинский, любовью к своей общине, к своему сословию, своему званию. Под понятием «народ» в средние века также понималось совсем не то, что будет пониматься в Новое время. Средневековое понимание народа в интерпретации Ушинского сводилось к племенному. Но с Нового времени, писал Ушинский, все изменилось принципиально: «Всё пало перед государством, и вся жизнь Европы заключилась внутри государств, подчиняясь, подчиняясь в каждом из них своему особенному развитию»¹. В рамках процесса формирования государства сложилась и система народного образования.

Позиция Ушинского об отсутствии в средние века государств, безусловно, нуждается в пояснении. Государство понималось им, равно как и многими в XIX столетии, как национальная государственность. Период же до возникновения государства-нации рассматривался как система феодального, племенного, общинного, но не государственного быта. К настоящему времени этот некогда популярный взгляд на государствогенез утратил свои позиции².

От национального государства к национальной системе образования

Интересные исторические экскурсы Ушинский совершал при обзоре станов-

ления национальных систем воспитания. В работах по истории педагогики им были показаны различия педагогических систем в странах мира, вытекающих, в свою очередь, из специфики исторического пути. Ушинским прослеживалось, в частности, влияние религии на становления национальных моделей педагогики в Германии, Франции, Англии и США. По его оценке, реформационные процессы были предопределены институционализацией национальных государств. Объективно с формирования национального государства надстоящее над ним папство должно было потерять свои позиции. В этом отношении, полагал Ушинский, Лютер, Людовик XI, кардинал Ришелье и Генрих XVIII решали, в сущности, одну задачу³.

Петр I как победа государственного начала в России

Ушинским высоко оценивалась деятельность Петра I. Эта оценка сопрягалась с его видением исторического значения феномена государства. Ушинский считал, что создание государства – это главное достижение человечества в его развитии, переходе от родового и патриархального быта к государственному. В патриархальном быте, в отличие от славянофилов, он не находил нравственной идиллии. Славяне, соглашался он с аргументами западников, действительно не могли выйти за рамки патриархального, общинно-родового быта. Но русские отличаются от остальных славян. Именно при Петре Великом ими был осуществлён форсированный переход от патриархального к государственному бытию. И это достижение оценивалось им в качестве принципиальной ценности. Обращает при этом на себя внимание отказ считать государственными народами южных и западных славян. Следует напомнить,

¹ Ушинский К. Д. Школьные реформы в Северной Америке // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 74.

² Там же. С. 73–74.

³ Ушинский К. Д. Школьные реформы в Северной Америке // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 172–173.

что по состоянию на середину XX столетия никто из них суверенной государственностью не обладал, и Российская империя была единственным славянским государством в мире¹.

Славянство западное и славянство русское: историческое размежевание

Ушинский использует в своих лекциях понятие «русское славянство». Идентификатор «русское славянство» означал, что в рамках него и великороссы, и малороссы, и белорусы мыслились им как единый народ. Вопреки имеющим место на современной Украине попыткам представить Ушинского украинским националистом, он являлся сторонником идеи единой русской общности. Русское славянство он отделял от Запада, полагая, что произошедший между ними раскол – фундаментальный и непреодолимый. Начало разделения Ушинский связывал с походами готов, разрезавших как бы надвое славянский мир. Окончательное разделение связывалось им с принятием западными и восточными славянами разных христианских конфессий. Значение православия в историческом становлении русского славянства как единой общности он считал принципиально значимым. В этих рассуждениях Ушинского содержатся и адресации к современным конфликтам, в которых степень недружественности к России западнославянских государств оказывается экстремальной².

Исторические и неисторические народы: мировая миссия России

Ушинский вслед за Гегелем полагал, что существуют исторические и неисторические народы. К неисторическим народам относятся либо те, которые не

достигли исторической субъектности – слишком слабые для её реализации или ещё недождавшиеся своей очерёдности, либо те, которые выпали из истории. Призвание творить историю может передаваться от одного народа к другому. В этом отношении Ушинский принимает в целом гегелевскую историческую схему, но со значительными коррекциями. Мировая история начинается на Востоке и связывается с Китаем. Далее эстафету перенимают последовательно Древняя Греция и Древний Рим. После их падения исторический дух переходит к Германии, представляемой Европу в целом. На этом у Гегеля достигается финал истории: Мировой Дух завершает познание самого себя. Но у Ушинского движение истории идёт не по прямой, а по кругу. После Германии вектор исторического движения разворачивается в сторону России. Россия, соединив Запад и Восток, Европу и Азию, и должна завершить исторический процесс³.

Ушинский дистанцировался как от западнической, так и от славянофильской партий. И те, и другие не понимали всемирного предназначения России как моста между Европой и Азией. Этот мост понимался им не в географическом, а именно в историческом смысле – как завершение цикла истории Восток–Запад–Восток. Западники настаивали на исторической завершенности истории и не видели миссии России. Славянофилы, напротив, делали акцент на российской самодостаточности и не замечали её преемственной связанности с Западом, равно как и с Востоком⁴.

Индивидуальная самобытность развития народов: народный дух

Особое значение во взглядах на общественное развитие отводилось Ушинским

¹ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 116–117.

² Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 118.

³ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 79–80, 106.

⁴ Там же. С. 79–80.

понятию «народность». Использование им этого понятия отличалось как от официального дискурса в рамках уваровско-погодинской триады, так и от трактовки в качестве части народа – несостоявшегося этноса. Для Ушинского народность есть народ в его историко-культурной индивидуальности. Она сопряжена с народным духом. Между тем народ может и утратить свой специфичный народный дух, и, соответственно, перестать быть народностью, оставаясь лишь населением. Представление о народном духе в системе воззрений Ушинского содержало, таким образом, 2 составляющие: идею о духовном начале как движущей силе исторического развития и идею об индивидуальной самобытности развития народов (национальных культур).

Ушинский у истоков цивилизационной теории

Как свидетельствует исследователь культурологической компоненты в творчестве Ушинского О. А. Янутш, зафиксировано 3 случая использования им понятия «культура» [5]. При этом он активно оперировал категорией «цивилизация». Причём обнаруживается её использование в двух значениях – единственном и множественном. Употребление понятия «цивилизация» в единственном значении соотносилось с традицией просветительского взгляда на всемирную историю. Исторический процесс, согласно с воззрениями просветителей, раскрывался 3 стадиями общественных состояний: дикость, варварство и цивилизация. Цивилизация существовала в исключительном виде, соотносясь в их представлениях с нормами и принципами функционирования европейского сообщества. Взгляд о 3 стадиях общественного бытия разделял и Ушинский. И дикость, и варварство были понятиями использованного им обществоведческого языка. Рамки цивилизации в её прогрессистском значении им расширялись с включением в неё всего христианского сообщества.

Одновременно Ушинский использовал понятие «цивилизация» в значении вариативного развития мира. Фигурирует в его трудах, в частности, и «русская цивилизация». Понимание существования различных цивилизаций приводило к выводу о нецелесообразности подражания и экстраполяции. Рассмотрение цивилизаций в семантике множественности и вариативности позволяет определять Ушинского в качестве предшественника Н. Я. Данилевского и в этом смысле первооткрывателя цивилизационного подхода. Безусловно, отдельные мысли Ушинского о цивилизационных различиях человечества не могут идти в сравнение с систематизированным исследованием, представленным Данилевским в труде «Россия и Европа». Но бесспорно и то, что Ушинский выдвинул соответствующие идеи хронологически раньше. Не исключено и то, что Данилевский был знаком с идеями своего предшественника.

Географический фактор истории: три компонента российского цивилизационногенеза

Чем определяются различия в духе народов? Ушинский не был оригинальным, заявляя, что в основе этих различий лежат географическая среда и вся совокупность исторического прошлого. Идеи об определяющем влиянии природного фактора имели большую популярность в европейской общественной мысли XIX в. Соответствующая линия, определяемая как географический детерминизм, шла от Ш. Монтескье. Ушинский критически высказывался об идеях французского просветителя, но принимал ассоциируемую с его именем объяснительную модель генезиса народов.

В истории России Ушинский выделял 3 силы, каждая из которых соотносилась с соответствующей природной стихией. Первой силой выступали *славяне*, несшие дух равнинного ландшафта. Исходно они происходили с территории малоросской равнины, являлись для неё автохтонны-

ми жителями. Ушинским не принималась продолжавшая доминировать в XIX столетии теория балканско-дунайского генезиса славян. Положение в научной дискуссии о том, что прародиной славян являлась территория будущей Руси, получит распространение уже позже.

Продвигаясь за пределы своего исходного расселения, колонизуя новые территории, славяне несли с собой дух равнины. В этом смысле российское государство формировалось в своём ядре как государство равнинное.

Природной стихией *финнов* Ушинский определял пространства болот. Для финнов характерен, считал он, дух бродяжничества. Эта их черта оказала влияние в определённых аспектах на русское мировосприятие.

Третий компонент представляли *кочевые народы Востока*. Их природная стихия – степи. Продвигаясь на запад, они несли с собой максимально, насколько это было возможно, степной дух. Многочисленные завоеватели с Востока – гунны, авары, печенеги, половцы, болгары, венгры – представляли собой, в интерпретации Ушинского, симбиоз людей степи и людей болот¹.

Русская колонизация: стихия равнины

Ушинский говорил о противоборстве природных стихий. Наиболее фундаментальной силой он оценивал *стихию равнины*. Славянская равнинная колонизация осуществлялась медленнее, чем завоевания степняков, но была более основательной. Ушинский отмечал большие успехи в славянизации финнов и малоуспешность в славянизации азиатского номада. Возможно, полагал он, это было связано с тем, что главными векторами российской политики в прошлом были Запад и Север. Ушинский был не един-

¹ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 107–110.

ственным из представителей общественной мысли XIX в., рассуждавших о необходимости переориентации российской политики в восточном направлении. К таким же выводам после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пришёл, к примеру, и Ф. М. Достоевский².

Исторические парадоксы: крестовые походы

Ушинский мог поражаться историческим фактам, обнаруживать в них парадоксы жизни. Пример такого восприятия можно обнаружить в обращении в дневниковых записях педагога к феномену крестовых походов. Непосредственно к педагогической деятельности этот вопрос не относился, но пишет он о нём повышенно эмоционально, как о важной для себя проблеме. Парадоксальность крестовых подходов Ушинский видит в том, что движение по их организации охватило Европу в период, когда она ввиду раздробленности, была к ним менее всего готова. Тогда же, когда возможности системной организации появились, папские призывы к крестовым походам уже не побуждали европейцев. Откуда, задавал себе вопрос автор дневника, такое стремление к крестовым походам при раздробленности и такая апатия в отношении к ним в период начавшейся консолидации. Ушинский рассуждал, что, вероятно, одно и другое связаны, но ответа на поставленный вопрос не давал³.

Заключение

Обращение к материалам творческого наследия Дмитрия Константиновича Ушинского позволяет выявить в нём значимую компоненту взглядов на мировой исторический процесс. По своему видению истории он занимал особое место в русской общественной мысли, несводи-

² Там же. С. 114–115.

³ Ушинский К. Д. Дневник с 1844–1845 гг. // Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1950. С. 25–26.

мое к какому-либо из существовавших направлений. Исторические воззрения Ушинского соотносятся с его педагогическими взглядами, ряд положений в разработанной им теории педагогики (педагогической антропологии) производны от осмысления прошлого. На исторические взгляды Ушинского большое влияние оказала немецкая классическая философия. Но он её критически переосмыслил в направлении акцентировки особой исторической миссии России. Ушинский в равной степени дистанцировался и от западного, и от славянофильского направления общественной мысли, полагая, что и западники, и славянофилы существенно деформируют мировое историческое предназначение России. В восприятии исторического процесса он разделял идею прогресса, но рассматривал её в ракурсе духовного развития. Особое значение в истории человеческого в качестве фактора перехода к цивилизационному бытию Ушинский отводил христианству. По степени субъектности народы, сообразно с гегелевской традицией, делились им на исторические и неисторические. Ключевым переходом в истории Ушинский считал переход к от

родо-патриархального быта к государственности, датируя его Новым временем и раскрывая в качестве системы национального государства.

Существенное внимание уделялось раскрытию влияния географического фактора на формирование народного духа, находящего своё проявление в том числе в генезисе национальных моделей образования. Генезис российской системы раскрывался им через конфликт и взаимодействие 3 стихий и связанных с ними народов: равнины – русские, болота – финны, степи – азиатские кочевники.

Ушинский являлся предшественником Н. Я. Данилевского в развитии цивилизационного подхода и, вероятно, первым (или одним из первых) в русской общественной мысли представил взгляд о множественности и вариативности цивилизаций.

По степени оригинальности и значимости исторические воззрения Ушинского, наряду с его педагогическими воззрениями, целесообразно включить в общий нарратив репрезентации истории русской общественной мысли.

Дата поступления в редакцию 20.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаричева М. А. К. Д. Ушинский о подготовке учителей: аксиологическая модель // Историко-педагогический журнал. 2019. № 3. С. 145–153.
2. Зацепин А. В. Философские воззрения русского педагога К. Д. Ушинского // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 2. С. 34–38.
3. Попова Ю. В. Философско-антропологические воззрения в педагогической системе К. Д. Ушинского // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2014. № 3. С. 505–508.
4. Щепетнова Е. Н., Липич В. В. Педагогическая система К. Д. Ушинского: современный взгляд // Достижения науки и образования. 2020. № 15. С. 3742.
5. Янутш О. А. Культурологические взгляды К. Д. Ушинского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 343–353. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.310

REFERENCES

1. Zakhariŭsheva M. A. [K. D. Ushinsky about preparation of teachers: axiological model]. In: *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal* [Historical and Pedagogical Journal], 2019, no. 3, pp. 145–153.
2. Zatsepin A. V. [Philosophical views of the Russian teacher K. D. Ushinsky]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2007, iss. 2, pp. 34–38.
3. Popova Yu. V. [Philosophical and anthropological views in the pedagogical system of K. D. Ushinsky]. In: *Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy* [Problems

- of ensuring security in the elimination of the consequences of emergency situations], 2014, no. 3, pp. 505–508.
4. Shchepetnova Ye. N., Lipich V. V. [Pedagogical system of K. D. Ushinsky: modern view]. In: *Dostizheniya nauki i obrazovaniya* [Achievements of science and education], 2020, no. 15, pp. 3742.
 5. Yanutsh O. A. [Culturological views of K. D. Ushinskij]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology], 2017, vol. 33, iss. 3, pp. 343–353. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.310
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Государственного университета просвещения;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vardan E. Baghdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean, Faculty of History, Political Science and Law, Department Head, Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

Evgeniya A. Kurenkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, State University of Education;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э., Куренкова Е. А. Исторический процесс в воззрениях К. Д. Ушинского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 8–17.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-8-17

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E., Kurenkova E. A. Historical process in the views of K. D. Ushinsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 8–17.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-8-17

УДК 37

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-18-26

ВКЛАД ВЕЛИКОГО РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГА К. Д. УШИНСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ПЕДАГОГИКУ И ОБРАЗОВАНИЕ¹

Вяземский Е. Е.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация**Государственный университет просвещения**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Рассмотреть жизненный путь великого российского педагога К. Д. Ушинского и его влияния на русскую педагогическую мысль.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют материалы ретроспективного анализа деятельности К. Д. Ушинского.

Результаты. Проведён целостный анализ педагогического наследия Ушинского. Раскрыт вклад К. Д. Ушинского в становление отечественной педагогической науки. Анализ научного наследия Ушинского позволяет считать его идеологом и организатором научно-педагогического обеспечения становления российской народной школы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области педагогики, школьными учителями при подготовке к урокам.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, педагогика, урок, национальное образование, школа

CONTRIBUTION OF THE GREAT RUSSIAN EDUCATOR K. D. USHINSKY TO RUSSIAN PEDAGOGY AND EDUCATION²

E. Vyazemsky*Moscow Pedagogical State University**ul. Malaya Pirogovskaya 1-1, Moscow 119991, Russian Federation**State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To consider the life path of the great Russian teacher K. D. Ushinsky and his influence on Russian pedagogical thought.

Methodology. The main content of the study is the materials of a retrospective analysis of K. D. Ushinsky's activities.

Results. A holistic analysis of Ushinsky's pedagogical heritage has been carried out. His contribution to the formation of Russian pedagogical science is revealed. The analysis of Ushinsky's scientific

© CC BY Вяземский Е. Е., 2023.

¹ Публикация осуществлена по результатам доклада на международном научно-общественном форуме в честь 200-летнего юбилея со дня рождения К. Д. Ушинского «Отечественная школа педагогики и традиционные духовно-нравственные ценности» (Государственный университет просвещения, 16 февраля 2023 г.)

² The publication was made based on the results of the report at the international scientific and public forum in honor of the 200th anniversary of the birth of K. D. Ushinsky "The National School of Pedagogy and Traditional Spiritual and Moral Values" (State University of Education, February 16, 2023).

heritage allows us to consider him an ideologist and founder of scientific and pedagogical support for the formation of the Russian folk school.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of pedagogy, and school teachers in preparation for lessons.

Keywords: K. D. Ushinsky, pedagogy, lesson, national education, school

Введение

200-летний юбилей классика отечественной педагогической мысли К. Д. Ушинского стал историческим поводом для провозглашения 2023 г. Годом педагога и наставника, что подчёркивает особую роль и значимость труда тех, кто воспитывает молодые души.

Великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский умер в расцвете творческих сил (на 48 году жизни), но за это короткое время сумел создать целый пласт научно-педагогических трудов, отличающихся не только по важности, но и по глубине и широте понимания проблем педагогической теории и практики образования. Научное наследие Ушинского привлекает внимание учёных и педагогов-практиков – всех, кто имеет отношение к вопросам теории и практики воспитания гражданина России, кто озабочен поиском путей воспитания настоящего гражданина Отечества.

К. Д. Ушинского обоснованно считают основоположником российской научной педагогики, идеологом российской народной школы. С именем Ушинского в истории отечественного образования связано выделение педагогики из общественной мысли, формирование её как самостоятельной отрасли научных знаний – создание первой педагогической системы [3; 8]. Великого педагога также называют «гуманистическим реалистом», хорошо дополнившим «гуманистический идеализм» Н. И. Пирогова [5, с. 63].

Научное наследие педагога-патриота Ушинского позволяет считать его педагогом-философом, выдающимся автором и организатором научно-педагогического обеспечения становления российской народной школы. Он интегрировал в педагогику достижения антропологических

наук, сумел сделать педагогическую науку синтетической, включающей многообразие достижений других наук. Ушинский внёс значительный вклад не только в развитие педагогики как науки, но и в российскую национальную культуру. Его идеи, выраженные в педагогических, публицистических и литературно-художественных сочинениях, способствовали формированию патриотического общественно-педагогического мировоззрения поколения российских педагогов, чья деятельность пришлась на период обновления российской школы, придания ей национально-патриотического характера.

К. Д. Ушинский выстроил стройную систему взглядов на педагогику, которая выросла не на пустом месте. Её автор опирался на всё лучшее, что было к тому времени сделано в педагогической теории и практике: опыт народной педагогики, педагогические идеи древнегреческих философов, гуманизм эпохи Возрождения, педагогические идеи Я. А. Коменского, Дж. Локка, И. Г. Песталоцци, классиков немецкой педагогики И. Ф. Гербарта и Ф. В. А. Дистервега. «Новизна педагогической системы К. Д. Ушинского», – как отмечают исследователи, – «прежде всего, в её доминанте – идее педагогической антропологии (главный научный труд Ушинского – «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии»)» [6, с. 9].

Главное место в теоретическом наследии Ушинского занимает его теория воспитания. «Не отделяя обучения от воспитания, К. Д. Ушинский отдавал приоритет воспитанию, в основу которого должен быть положен принцип народности, понимаемый как соответствие духовно-нравственной традиции православия...» (речь идёт, конечно, о вос-

питании русских детей). Педагог считал патриотическое чувство самым высоким, наиболее сильным нравственным чувством в человеке [3, с. 179].

Следуя принципу развивающего обучения, ведущему начало от И. Ф. Гербарта, Ушинский протестовал против разделения функций воспитания и обучения, указывая на единство этих двух начал в формировании гармонично развитой личности [7, с. 202–203].

Особое внимание К. Д. Ушинский уделял организации учебной деятельности в начальной школе, где, по его мнению, целесообразно сочетание всех видов уроков воедино. Важнейшей его заслугой стала разработка проблем начального обучения детей [4, с. 362].

Ушинский охватил своим творчеством практически все основные аспекты педагогической теории, разработал лучшую для того времени методику начального обучения [4, с. 364].

Последователями идей К. Д. Ушинского стали такие видные теоретики и практики русской народной школы, как В. И. Водовозов, Н. Ф. Бунаков, Н. А. Корф, В. Я. Стоюнин, Д. Д. Семенов, Д. И. Тихомиров, С. А. Рачинский и др.

Педагогический путь К. Д. Ушинского

Согласно официальным данным К. Д. Ушинский родился в 1823 г. в г. Туле в относительно небогатой дворянской семье. В российской педагогической историографии указывался другой год рождения, 1824 г., но новейшие исследования внесли ясность. В настоящее время отечественными историками и краеведами на основе анализа всего комплекса источников совершенно точно и неоспоримо доказано, что Константин Дмитриевич родился именно 19 февраля (3 марта) 1823 г.¹

¹ Богуславский М. В. Обратная сторона медали Ушинского. Восстановим правильную дату рождения выдающегося педагога // Учительская газета. 2021. 31 августа. С. 1.

Отец будущего педагога получил дворянский титул за заслуги в военной и гражданской сферах, а мать, будучи родом из дворян, воспитывала двоих детей. Личность матери для маленького Константина всегда была примером – он часто об этом вспоминал. Её активность и самоотверженное служение воспитанию детей стали для К. Д. Ушинского образцом педагогического труда.

Анализируя в дальнейшем влияние матери на свои взгляды в области педагогики, К. Д. Ушинский отмечал, что именно благодаря её деятельности он сформировал в своём сознании целевые установки педагогики как науки и как практики – формирование в детях лучших качеств. Эти идеи великий русский педагог воплотил в своей практической деятельности по изменению традиций женского образования в Смольном институте.

В 1935 г. Ушинский поступил в Новгород-Северскую гимназию. Директор гимназии доктор философии, член ряда европейских учёных обществ И. Ф. Тимковский был уникальным человеком и педагогом, умевшим прививать гимназистам любовь к русской словесности. Ему удалось сформировать коллектив заинтересованных педагогов-единомышленников. Серьёзная гимназическая подготовка позволила Ушинскому в 1840 г. стать студентом юридического факультета Московского императорского университета. Начался новый этап жизни, наполненный встречами с глубокими яркими людьми, творческими поисками, дискуссиями. В этот период в университете преподавали известные профессора, выдающиеся деятели науки: историк Т. Н. Грановский, профессор философии, государства и права, сторонник научной педагогики П. Г. Редкин и др. Их лекции пользовались популярностью не только среди студентов, но и у более широкой общественности. П. Г. Редкин повлиял на мировоззрение Ушинского и выбор им сферы педагогической деятельности как желанной профессии [2].

К. Д. Ушинский был незаурядным студентом: владел иностранными языками, обладал способностями к познанию как гуманитарных, так и естественных наук: философии, юриспруденции, географии, экономики, этнографии, физиологии, антропологии. В 1844 г. К. Д. Ушинский заканчивает юридический факультет Московского императорского университета.

В возрасте 23 лет К. Д. Ушинский был назначен исполняющим обязанности профессора Демидовского Ярославского юридического лицея. В своей педагогической деятельности Ушинский затрагивал аспекты нравственного воспитания, справедливо полагая, что лицеисты должны обладать развитыми нравственными качествами. В своих лекциях педагог утверждал, что свобода – естественное состояние человека, свободное общество есть условие всестороннего развития человека, а человек имеет неотъемлемое право на личное достоинство. Однако общественно-научные взгляды Ушинского по понятным причинам не получили одобрения начальства. Поэтому в 1849 г. он был вынужден оставить профессорскую кафедру в лицее. Ушинский переезжает в Петербург, но быстро найти работу не может.

Пережив сложный этап поиска работы, он смог поступить на службу в Министерство внутренних дел на скромную должность помощника столоначальника в Департаменте иноземных вероисповеданий (1850–1854). Это назначение для великого русского педагога фактически означало крах всех его идеалов гражданского служения Отечеству на поприще педагогики.

В 1850–1855 гг. К. Д. Ушинский успешно занимается литературной деятельностью, сотрудничая с журналами «Современник» и «Библиотека для чтения». В 1854 г. Ушинский вновь получает возможность заняться любимым делом – служить педагогике и образованию. Он назначен учителем русской словесности и законоведения в Императорский Гатчин-

ский Николаевский сиротский институт, в котором он вскоре становится заведующим учебной частью.

В эпоху Великих преобразований педагогический талант Ушинского оказался востребованным. Его педагогические идеи после ряда публикаций в профильных журналах стали популярны. В 1857 г. вышла его первая педагогическая статья «О пользе педагогической литературы»¹. Педагогическая наука, по мнению Ушинского, базируется на соединении теории с историческим опытом народного воспитания. Поставленная им проблема поиска соотношения научно-теоретического знания и личностного практического опыта значима для педагогики. Эта проблема и сегодня является по-прежнему актуальной. Его идеи способствовали реализации народного начала в педагогике.

Гатчинский институт находился под особым покровительством императрицы Марии Александровны, которая обратила внимание на идеи и педагогическую работу К. Д. Ушинского. Императрица попросила его предложить идеи по воспитанию наследника престола цесаревича Николая Александровича. Свои педагогические идеи Ушинский сформулировал в «Письмах о воспитании наследника русского престола» (1859).

Доверие со стороны императорской семьи благотворно повлияло на его профессиональное положение. В 1859 г. Ушинский назначается инспектором классов Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища (Смольного института) – привилегированного сословного образовательного учреждения, в котором он прослужил до 1862 г. В Смольном институте Ушинский осуществил реформы: ввел в действие новый учебный план, рациональные методы обучения, организовал проведение предметных уроков и опытов по дисциплинам естественно-научного цикла. Пение, иностранные языки, руко-

¹ О пользе педагогической литературы. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1895. 29 с.

делие – учебные предметы, которые ранее составляли основу обучения, – отошли на второй план. Приоритетное внимание стало уделяться изучению русского языка, литературы, естественных наук¹.

Продолжая трудовую деятельность в Смольном институте, К. Д. Ушинский пишет свои знаменитые работы: «Детский мир»² (1861) и «Родное слово»³ (1864). Эти книги касались взглядов великого русского учёного-педагога на обучение родному языку, и по ним учились десятки тысяч русских детей.

Важно, подчёркивал К. Д. Ушинский, не только преподавать детям грамматические конструкции, словесные формы, но и сочетать это с изучением конкретных явлений окружающего мира, которые доступны для их понимания. Идея Ушинского и сегодня актуальна для образовательной деятельности.

В марте 1860 г. К. Д. Ушинский был назначен главным редактором официального печатного органа власти в системе образования – «Журнала Министерства народного просвещения». Должность редактора К. Д. Ушинский занимал недолго – до осени 1861 г.

Решительные реформы образовательного процесса в Смольном институте, которые предпринял великий русский педагог, вызвали противодействие со стороны ряда влиятельных лиц. В 1862 г. К. Д. Ушинский был отправлен в отставку. Этот факт сильно подорвал здоровье великого педагога. В этот драматический

момент помощь императорской семьи фактически спасла его жизнь. По инициативе императрицы Марии Александровны Ушинский был причислен к Первому отделению Императорской канцелярии с сохранением содержания и направлен за границу в Европу для лечения.

В 1862–1867 гг. К. Д. Ушинский жил в Швейцарии, где изучал традиции европейского образования. Этому периоду деятельности посвящена серия статей «Педагогическая поездка по Швейцарии» (1862–1863)⁴, в которых Ушинский неоднократно делал акцент на негативных последствиях бездумного копирования зарубежного опыта в русском образовании.

В Россию Ушинский вернулся в 1868 г. В 1868 г. в Санкт-Петербурге отдельным изданием вышел первый том главного педагогического труда К. Д. Ушинского – «Человек как предмет воспитания, или Очерки педагогической антропологии»⁵, а на следующий год – второй (1869). Эту работу, которая стала главным научным делом его жизни, Ушинскому завершить не удалось. Помешала его смерть в 1870 г.

Научно-педагогическое наследие К. Д. Ушинского

Рассмотрим научно-педагогическое наследие Ушинского, его вклад в отечественную педагогику и образование. Мирозрение Ушинского сформировалось как сложный синтез философских и научных идей в процессе критического изучения колоссального опыта материала первоисточников – духовного опыта европейских народов, отечественной общественной и научной мысли [3, с. 154].

Звезда Ушинского как автора научно-образовательных статей для педагогов возшла в предреформенный период. В созданном в атмосфере либерализма

¹ Докладная записка инспектора классов К. Д. Ушинского в Совет Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища с проектом преобразования учебной системы // Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге XIX – начало XX века. Сборник документов. СПб.: Лики России, 2000. С. 198–202.

² Ушинский К. Д. Предисловие к первому изданию «Детского мира» // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. Проблемы русской школы. М.: Педагогика, 1974.

³ Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для учащихся // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. Проблемы русской школы. М.: Педагогика, 1974.

⁴ Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. Проблемы русской школы. М.: Педагогика, 1974.

⁵ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. М.: Просвещение, 2021.

и гласности «Журнале для воспитания» Ушинский публикует свои программные статьи «О пользе педагогической литературы», «Три элемента школы», «О народности в общественном воспитании». Эти статьи «делают имя скромного инспектора классов Гатчинского сиротского дома известным всей педагогической России. Ушинский становится сначала вровень с Н. И. Пироговым, а потом и опережает его во влиянии на умы» [1, с. 25].

В педагогической теории Ушинского основополагающей стала идея народности воспитания – признание творческой силы народа в историческом процессе и его права на полноценное образование. Идея народности Ушинского предполагала развитие инициативы общественности в организации и управлении школьным делом¹.

В фокус его внимания попали проблемы семейного и школьного воспитания. Базисом педагогики, по мнению К. Д. Ушинского, должно стать семейное воспитание. Именно оно закладывает первичные основы нравственности. По мнению Ушинского, «общественное воспитание только тогда оказывается действительным, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого»².

В статье «О нравственном элементе в русском воспитании» (1860) К. Д. Ушинский говорит о необходимости связи педагогики и религии. Между религиозным и гражданским воспитанием не должно быть непроходимой стены, наоборот – необходимо их сближение. Элементы религиозного знания придают особое звучание нравственным принципам в образовании гражданском.

В статье «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова»³ (1862), которая является одной из его лучших теоретических статей, Ушинский высказал свою позицию по определению «основной идеи» образования. К этой идее он, в частности, относил своё понимание того, что является предметом воспитания, какова цель воспитания. Важнейшую задачу педагогики Ушинский видел в разработке соответствующей национальному характеру модели образования, в формулировании обоснованной воспитательной идеи. По мнению Ушинского, сформулировать воспитательную идею нельзя без раскрытия тесной связи между воспитанием и философскими науками, и которую так упорно не хотят понять многие у нас.

В статье «Труд в его психическом и воспитательном значении»⁴ (1860) Ушинский предпринял попытку обосновать значимость труда как фактора психического развития ребенка.

Одной из важнейших задач в сфере образования, по мнению педагога, является гражданское и патриотическое воспитание, воспитание уважения к своему отечеству. Печатные работы Ушинского – «О народности в общественном воспитании» (1857), «Родное слово» (1861), «О необходимости сделать русские школы русскими» (1867), «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» (1870) – раскрыли его взгляды на вопрос о национальной специфике воспитания молодёжи. Одной из важнейших идей в этих статьях является идея уважения к своему отечеству. В статье «О необходимости сделать русские школы русскими» (1867) он пишет: «Ещё недавно мы старались во всём подражать иностранцам; теперь – другая мода. Но, право, нам не

¹ Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б. М. Бим-Бад. М.: БРЭ, 2002. С. 414.

² Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 1: Теоретические проблемы педагогики. М.: Педагогика. 1974. С. 123.

³ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения Н. И. Пирогова // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 1: Теоретические проблемы педагогики. М.: Педагогика. 1974.

⁴ Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 1: Теоретические проблемы педагогики. М.: Педагогика. 1974.

мешало бы занять вместо всех прочих одну черту из западного образования – черту уважения к своему отечеству; а мы её-то именно, её, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили. Не мешало бы нам занять её не затем, чтоб быть иностранцами, а лишь затем, чтоб не быть ими посреди своей родины»¹.

«Изюминкой» педагогической концепции К. Д. Ушинского является идея народности образования и педагогики. Инициатива общественности в организации и управлении образовательной организацией должна стать главенствующей силой, а национальный характер, традиции – главным инструментом воспитания.

Антропологический подход позволил Ушинскому на высоком научном уровне решать фундаментальные педагогические проблемы теории и практики обучения и воспитания. При решении дидактических проблем Ушинский предлагал исходить из особенностей психологии детского возраста. Им были проанализированы психологические механизмы внимания, интереса, памяти, воображения, эмоций, воли, мышления учащихся, что позволило ему предложить педагогические подходы, способы учёта этих факторов в процессе обучения и воспитания.

С помощью антропологического подхода Ушинский разработал дидактическую систему, которая учитывает принципиальные вопросы отбора содержания обучения, формы его реализации с учётом особенностей детского возраста.

Ушинский утвердил в российской дидактике принцип единства обучения и воспитания, который сегодня является одним из самых важных разделов педагогики и теории образования. Значительное внимание в школьном образовании великий русский педагог уделял

родному языку. В свои книги первоначального классного чтения «Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы (назначается для детей от 8 до 12 лет» (1861) и «Родное слово, для детей младшего возраста, год первый. Азбука» (1864) Ушинский, кроме отрывков из художественных произведений родной литературы и устного народного творчества, включил так называемые «деловые» статьи, содержащие сведения по природоведению, географии и истории страны.

Разрабатывая дидактическую систему обучения, Ушинский пришёл к выводу о необходимости создать в России новую систему педагогического образования, основанную на данных антропологических наук. Он также предложил создать в каждом университете педагогический факультет.

Заключение

Сегодня, в XXI в., научные труды К. Д. Ушинского не только не устарели, но и приобрели новое звучание. Великий русский педагог, по сути, заложил основы той национальной педагогики, которая существует до сих пор и ещё много столетий будет развиваться.

Педагогические труды Ушинского – «О народности в общественном воспитании» (1857), «Детский мир» (1861), «Родное слово» (1864), «О необходимости сделать русские школы русскими» (1867), «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1868–1869), «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» (1870) и многие другие – раскрыли глубину его взглядов на образование и воспитание молодёжи на основе национальных ценностей и традиций, его подходы к воспитанию гражданина своего Отечества.

Труды Ушинского «О народности в общественном воспитании» (1857), «Человек как предмет воспитания. Опыт пе-

¹ Ушинский К. Д. О необходимости сделать русские школы русскими // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2: Проблемы русской школы. М.: Педагогика. 1974. С. 209.

дагогической антропологии» (1868–1869) свидетельствовали о вкладе автора в фундаментальную разработку теоретико-педагогических и социально-педагогических проблем педагогической науки¹.

Наследие К. Д. Ушинского позволяет нам сделать обоснованный вывод, что он был одним из наиболее крупных представителей отечественной педагогической мысли дореволюционной России. Пример его жизни как педагога-практика, его научное наследие для современных педагогов России могут стать стимулом для поиска новых педагогических подходов, моделей обучения и воспитания школь-

ников и студентов на базе отечественных традиций, гражданско-патриотических идеалов и ценностей, которые обеспечат российскому образованию лидирующие позиции в современном мире.

Завершая наш краткий очерк вклада К. Д. Ушинского в отечественную педагогику и образование, напомним строку из его юношеского дневника, когда он мучительно размышлял о своём предназначении: «Страдать и умереть за истину». Эти слова стали пророческими. В них выражен смысл его жизни.

Дата поступления в редакцию 28.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский М. В. Подвижники и реформаторы российского образования. Историко-биографические очерки. М.: Просвещение, 2005. 191 с.
2. Вяземский Е. Е., Евладова Е. Б. «Страдать и умереть за истину». Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871) // Судьбы творцов Российской науки / отв. ред. А. В. Сурин, М. И. Панов. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 267–273.
3. История педагогики. Ч. 2. С XVII до середины XX вв. / под ред. А. И. Пискунова. М.: ТЦ «Сфера», 1997. 304 с.
4. История педагогики и образования / под ред. А. И. Пискунова. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 512 с.
5. Лебедев А. М. Педагог русских педагогов – К. Д. Ушинский // Русский язык в школе. 2014. № 5. С. 61–68.
6. Паладьев С. А. Феномен педагогического наследия К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 8–13.
7. Старикова Л. Д. История педагогики и философии образования. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 434 с.
8. Степашко Л. А. Философия и истории образования. М.: Издательство Флинта, 1999. 272 с.

REFERENCES

1. Boguslavsky M. V. *Podvizhniki i reformatory rossiyskogo obrazovaniya. Istoriko-biograficheskiye ocherki* [Devotees and reformers of Russian education. Historical and biographical essays]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2005. 191 p.
2. Vyazemsky E. E., Evladova E. B. [“Suffer and die for the truth.” Konstantin Dmitrievich Ushinsky (1824–1871)]. In: Surin A. V., Panov M. I., eds. *Sudby tvortsov Rossiyskoy nauki* [The fate of the creators of Russian science]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 267–273.
3. Piskunov A. I., ed. *Istoriya pedagogiki. Ch. 2. S XVII v. do zakrytiya XX v.* [History of pedagogy. Part 2. From the 17th century to the close of the 20th century]. Moscow, TC “Sfera” Publ., 1997. 304 p.
4. Piskunov A. I., ed. *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya* [History of Pedagogy and Education]. Moscow, TC “Sfera” Publ., 2001. 512 p.
5. Lebedev A. M. [Teacher of Russian teachers – K. D. Ushinsky]. In: *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2014, no. 5, pp. 61–68.
6. Paladiev S. A. [The phenomenon of K. D. Ushinsky’s Pedagogical Heritage]. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 1, pp. 8–13.
7. Starikova L. D. *Istoriya pedagogiki i filosofii obrazovaniya* [History of pedagogy and philosophy of education]. Rostov n/D, Fenix Publ., 2008. 434 p.
8. Stepashko L. A. *Filosofiya i istorii obrazovaniya* [Philosophy and history of education]. Moscow, Izdatelstvo Flinta Publ., 1999. 272 p.

¹ Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. В. В. Давыдов. М.: БРЭ, 1993. С. 396.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вяземский Евгений Евгеньевич – доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания истории Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры инновационных технологий исторического, обществоведческого и правового образования Государственного университета просвещения; e-mail: viazemskiy@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny E. Vyazemsky – Dr. Sci. (Education), Cand. Sci. (History), Prof., Department of Methods of Teaching History, Moscow Pedagogical State University, Department of Innovative Technologies of Historical, Social Science and Legal Education, State University of Education; e-mail: viazemskiy@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вяземский Е. Е. Вклад великого российского педагога К. Д. Ушинского в отечественную педагогику и образование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 18–26.
DOI: [10.18384/2310-676X-2023-2-18-26](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2023-2-18-26)

FOR CITATION

Vyazemsky E. E. Contribution of the great Russian educator K. D. Ushinsky to Russian pedagogy and education. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 18–26.
DOI: [10.18384/2310-676X-2023-2-18-26](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2023-2-18-26)

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-27-32

ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ К. Д. УШИНСКОГО ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Фукс А. Н., Ковригин В. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть значение наследия трудов К. Д. Ушинского для развития системы российского образования, влияние педагогической мысли великого русского педагога на современную школу в условиях серьёзных внешних и внутренних вызовов.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют материалы ретроспективного взгляда авторов на творчество и наследие К. Д. Ушинского.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о резком повышении актуальности исследований К. Д. Ушинского в современности в условиях внутренних и внешних вызовов в части национальной школы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области педагогики и образования, школьными учителями при подготовке к урокам.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, педагогика, национальная школа, образование, воспитание

THE SIGNIFICANCE OF K. D. USHINSKY'S LEGACY FOR MODERN HISTORICAL RUSSIAN EDUCATION

A. Fuks, V. Kovrigin

State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To address the significance of the legacy of K. D. Ushinsky's works for the development of the Russian education system as well as to consider the influence of the pedagogical thought of the great Russian teacher on the modern school in the conditions of serious external and internal challenges.

Methodology. The main content of the study is the materials of the authors' retrospective view of the work and legacy of K.D. Ushinsky.

Results. According to the results of the study, the authors concluded that the relevance of K.D. Ushinsky's research in modern times has significantly increased in the context of internal and external challenges concerning the national school.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of pedagogy and education, and by school teachers in preparation for lessons.

Keywords: K. D. Ushinsky, pedagogy, national school, education, upbringing

Введение

В 2023 г. мы отмечаем 200-летний юбилей великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского, который родился 19 февраля 1823 г. К этому событию приурочен Год педагога и наставника. Это подчёркивает особую значимость педагогического труда. Сегодня как никогда актуальны слова Н. М. Карамзина о том, что история есть великая наставница и поучительница поколений. Этими словами известный русский историк акцентирует значимость исторического знания.

Современная российская школа сегодня сталкивается с серьёзными внешними и внутренними вызовами, что актуализирует историю как инструмент формирования исторического сознания и патриотических чувств подрастающего поколения. Отечественное образование в последние десятилетия проделало большой путь к пониманию того, что бездумное копирование всего зарубежного, особенно западного, далеко не всегда идёт на пользу отечественной педагогике. А ведь об этом ещё полтора столетия назад говорил К. Д. Ушинский.

Жизненный путь и творческое наследие великого русского педагога многообразны. Закончив в 1844 г. юридический факультет Московского университета, он вскоре получил назначение в Демидовский юридический лицей Ярославля исполняющим обязанности профессора камеральных, административных и экономических наук. К. Д. Ушинский занимался литературной деятельностью и сотрудничал с журналами «Современник» и «Библиотека для чтения». В педагогической деятельности и публикациях К. Д. Ушинский особо подчёркивал необходимость нравственного начала отечественного образования [1].

Большую роль в развитии взглядов К. Д. Ушинского сыграла его деятельность в роли инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и Смольного института, где он провёл ряд

преобразований. В практику были введены учебные планы, большее внимание в них стало уделяться рациональным методам обучения и предметам, обеспечивающим связь теории с практикой. В знаменитых работах «Детский мир» и «Родное слово» К. Д. Ушинский излагает свои взгляды на преподавание русского языка, которое должно быть связано с окружающим миром. Изучение родного языка должно быть живым, опирающимся на реальные предметы окружающего мира, а не превращаться в запоминание одних только грамматических конструкций.

Постепенно формируются *10 педагогических принципов* К. Д. Ушинского в области педагогики, которые в дальнейшем станут ядром его педагогической концепции: своевременность, постепенность, ограниченность, постоянство, твёрдость усвоения, ясность, самостоятельность учащегося, отсутствие чрезмерной напряжённости и чрезмерной лёгкости, нравственность, полезность. Эти принципы «народной школы» великого русского педагога не только не теряют своего значения, но и приобретают особую актуальность в современных непростых условиях.

В жизни К. Д. Ушинского был период жизни за границей. В 1862 г. из-за неприятия его реформ многими ретроgrадами в системе образования он был отправлен в отставку с поста руководителя Смольного института, что подорвало его здоровье. В Европу он поехал с целью лечения. Находясь в Швейцарии, большую часть времени он посвящает изучению местного школьного дела. Ушинский отмечает как достоинства, так и недостатки школьной зарубежной системы, особо предупреждая о негативных последствиях копирования европейского опыта на почве русской народной школы. К сожалению, спустя 150 лет эти идеи были забыты, и в 90-е гг. XX в. **российская система образования** зачастую бездумно начинает подстраиваться под западную. Сегодня настала пора возвращения русской национальной школы [2].

Личность Константина Ушинского можно охарактеризовать как высокообразованную, обладающую острым умом и глубокими знаниями в области педагогики. Его идеи и теории были необычайно передовыми для своего времени, и он внес огромный вклад в развитие образования и науки в России.

Константин Дмитриевич Ушинский был выдающимся общественным деятелем, который внёс значительный вклад в развитие общества и культуры в России: работал в правительственных комитетах, изданиях газет и журналов, организовывал научные конференции и симпозиумы, занимался созданием новых образовательных учреждений, участвовал в разработке программ и методик обучения, проводил научные исследования в области педагогики. Он также являлся членом многих общественных организаций, которые занимались развитием образования и культуры в России.

К. Д. Ушинский также активно участвовал в общественной жизни России, выступая за свободу слова, права на образование и культуру, защищая права простых людей. Он был одним из первых российских общественных деятелей, которые поддерживали идеи свободы и равенства, а также боролись за права женщин. Ушинский был настоящим гуманистом, который понимал, что образование и знания являются основой для развития и благополучия общества.

Кроме того, К. Д. Ушинский был известен своей литературной деятельностью, в т. ч. как писатель, переводчик и издатель. Он издавал множество книг и журналов по различным темам, включая педагогику, философию, литературу и искусство.

В целом общественная деятельность К. Д. Ушинского была многообразной и охватывала множество областей жизни. Он был человеком широких взглядов и интересов, который всегда стремился к улучшению общества и культуры в России. Его идеи и достижения продолжают влиять на современную общественную

деятельность и культуру в России и за её пределами.

Константин Дмитриевич Ушинский умер в 1871 г., оставив после себя богатое наследие в области педагогики и науки. Его идеи и теории до сих пор актуальны и используются в образовательных учреждениях не только в России, но и по всему миру.

К. Д. Ушинский был одним из наиболее значимых педагогов России в XIX в. Его идеи и теории по-прежнему востребованы в нашей современной педагогике и воспитании. Ушинский разработал свою педагогическую концепцию, которая была нацелена на формирование личности ребёнка в соответствии с особенностями его индивидуальности и потребностей.

После смерти Ушинского его идеи и теории продолжали развиваться и совершенствоваться в трудах его последователей. В частности, Л. Н. Толстой, который был близким другом Ушинского, продолжил развивать его идеи в своих педагогических трудах. Толстой выдвинул концепцию свободной школы, которая предусматривала, что ученики должны иметь право выбора, какие знания они хотят получать и в какой форме. Эта концепция была тесно связана с идеями Ушинского: на первое место в процессе обучения выдвигалась индивидуальность ребёнка.

Другим учеником Ушинского был Н. Г. Чернышевский, который также продолжил развивать идеи своего учителя. Чернышевский уделял особое внимание воспитанию моральных качеств учеников и развитию их интеллектуальных способностей.

Важное место в развитии идей Ушинского занимает также труд Д. И. Писарева, который считал, что образование должно быть обязательно для всех, а не только для элитных слоёв общества. Он выступал за создание школ для всех слоёв населения, включая детей бедных семей.

Таким образом, идеи и теории К. Д. Ушинского продолжают развивать-

ся в трудах его последователей и современных педагогов. Его наследие до сих пор актуально и является важным ресурсом для развития современной педагогики и образования.

Основные идеи концепции воспитания детей К. Д. Ушинского

Педагогические идеи К. Д. Ушинского были актуальны и в XIX в., и в XX в. Можно выделить несколько этапов такого влияния:

1. классно-урочная система (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г.¹);

2. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г.²;

3. Постановление ЦК КПСС «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» от 20 июня 1972 г.³

Главная цель советской образовательной системы, декларируемая во многих документах той эпохи – формирование гармоничной всесторонне развитой личности. Эта цель соответствует педагогическим взглядам К. Д. Ушинского. Именно он впервые в отечественной педагогике стал говорить о значимости все-

стороннего развития личности в системе образования [3].

Одной из важнейших идей Константина Ушинского в области педагогики была идея «родного слова». Он считал, что язык является не только инструментом общения, но и ключевым элементом формирования личности ребёнка.

Ушинский утверждал, что родной язык должен быть основой образования и воспитания, т. к. только через него ребёнок может полностью понять окружающий мир и выразить свои мысли и чувства. Он подчёркивал, что родной язык необходимо изучать и совершенствовать с детства, поскольку это позволит ребёнку не только успешно учиться, но и самореализовываться в будущем.

Ушинский также считал, что важно сохранять культурное наследие родного языка и культуру народа в целом. Он подчёркивал, что язык является неотъемлемой частью национальной идентичности, любовь к своему языку и культуре помогает ребёнку понять своё место в мире и развить гордость за свою страну и народ.

Идея «родного слова» Константина Ушинского имеет огромное значение для современной педагогики и образования. Она напоминает о необходимости сохранять и развивать культурное наследие и национальную идентичность, а также обращает внимание на важность изучения родного языка и его использования в образовательном процессе. Всё это позволяет не только улучшить качество образования, но и сохранить культурное и языковое многообразие нашей планеты⁴.

Концепция педагогического мышления Константина Ушинского была одной из наиболее значимых и влиятельных в истории педагогической науки. Ушинский считал, что главной задачей педагога является формирование гражданина,

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: [сайт]. https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3988.htm (дата обращения: 06.01.2023).

² Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934.16 мая.

³ Постановление ЦК КПСС «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» от 20 июня 1972 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: [сайт]. https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7833.htm (дата обращения: 06.01.2023).

⁴ Ушинский К. Д. Вопрос о душе в его современном состоянии. М., 1866. 213 с.; Ушинский К. Д. Руководство к преподаванию «Родного слова». М.: Просвещение, 2021. 132 с.; Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. М.: Просвещение, 2021. 574 с.

готового к жизни в обществе и способного к саморазвитию.

Одной из главных идей концепции Ушинского была необходимость индивидуализации обучения. Он считал, что каждый ребёнок уникален, и обучение должно быть настроено под его индивидуальные потребности и возможности. Для этого педагог должен тщательно изучить каждого ученика и создать для него индивидуальный план обучения.

Кроме того, Ушинский подчёркивал важность создания педагогической среды, в которой ребёнок будет чувствовать себя комфортно и безопасно. Педагог должен быть не только учителем, но и наставником, доверенным другом и психологом для своих учеников.

Ещё одной важной идеей концепции Ушинского была необходимость привлечения родителей в образовательный процесс. Он считал родителей ключевыми партнёрами педагога в воспитании и обучении детей, и только в таком симбиозе можно достичь наилучших результатов.

Наконец, Ушинский говорил о важности этики и морали в образовании. Он считал, что обучение должно быть направлено не только на получение знаний, но и на формирование характера и нравственных ценностей учеников [4].

В целом концепция Ушинского была и остаётся актуальной до сих пор. В её основе – индивидуальный подход к каждому ученику, создание комфортной и безопасной педагогической среды, взаимодействие педагога с родителями и формирование нравственных ценностей. Всё это сегодня является ключевыми принципами современного образования.

Педагогические идеи К. Д. Ушинского получили своё развитие в теории развивающего обучения В. В. Давыдова и Д. Б. Эльконина. Можно сказать, что данная теория стала средством практического воплощения актуальных идей великого русского педагога. В. В. Давыдов и Д. Б. Эльконин предложили логику учебного процесса через формирование у учащихся умения

учиться – развитие их универсальных учебных действий, теоретического мышления и аналитических способностей [5].

Сегодня никакие инновационные технологии не заменят яркого, эмоционального и живого слова учителя. Его убеждённость, мировоззрение и пример подрастающим поколениям – лучшие инструменты воспитания любви к Отечеству, что ярко подчёркивал наш соотечественник К. Д. Ушинский.

К. Д. Ушинский также уделял особое внимание развитию эмоциональной и нравственной сферы учащихся. Он считал, что обучение должно быть не только интеллектуальным, но и нравственным. Призывал воспитывать детей в духе доброты, справедливости и уважения к другим людям.

Заключение

Современная школа часто использует идеи Ушинского в своей педагогической практике. Она стремится к созданию комфортной образовательной среды, которая стимулирует интерес к обучению и развивает творческие и критические способности учащихся. Также современная школа уделяет внимание развитию эмоциональной и нравственной сферы учащихся, в т. ч. через введение специальных программ по развитию социальных навыков и эмоционального интеллекта.

Кроме того, идеи К. Д. Ушинского остаются актуальными и в области профессиональной подготовки педагогов. Многие педагогические вузы включают в свою программу изучение трудов Ушинского, чтобы будущие учителя могли ознакомиться с его идеями и принципами.

Государственный университет просвещения бережно хранит традиции педагогики К. Д. Ушинского. Практическое их воплощение реализуется в педагогической практике студентов. Среди особых требований к урокам, проводимым будущими учителями, – всё те же 10 принципов педагогики К. Д. Ушинского.

Дата поступления в редакцию 20.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев В. И. К. Д. Ушинский о целях и задачах национального образования // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2019. № 2. С. 5–11.
2. Обносов В. Н. Педагогика как искусство: современные аргументы в пользу позиции К. Д. Ушинского // Наука и образование. 2019. Т. 2. № 2. С. 150.
3. Попов А. С., Попова Т. И. К вопросу философских воззрений К. Д. Ушинского // Наука и образование. 2019. Т. 2. № 2. С. 162.
4. Тюлина А. С. К. Д. Ушинский о культурологических основаниях формирования профессиональной культуры // Образование и общество. 2022. № 5. С. 9–13.
5. Черникова А. В., Елисеева Е. В. Воспитательное-образовательное значение родного языка в педагогическом наследии К. Д. Ушинского // Вопросы педагогики. 2021. № 5. С. 296–290.

REFERENCES

1. Belyaev V. I. [K. D. Ushinsky about the purposes and tasks of national education]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo humanitarno-tehnologicheskogo universiteta* [Vestnik of State University of Humanities and Technology], 2019, no. 2, pp. 5–11.
2. Obnosov V. N. [Pedagogics as art: modern arguments in favor of K. D. Ushinsky's position]. In: *Nauka i obrazovaniye* [Science and education], 2019, vol. 2, no. 2, p. 150.
3. Popov A. S., Popova T. I. [To the question of philosophical views of K. D. Ushinsky]. In: *Nauka i obrazovaniye* [Science and Education], 2019, vol. 2, no. 2, p. 162.
4. Tyulina A. S. [K. D. Ushinsky about the culturological bases for the formation of professional culture]. In: *Obrazovaniye i obshchestvo* [Education and society], 2022, no. 5, pp. 9–13.
5. Chernikova A. V., Eliseeva E. V. [Educational and educational value of the native language in the pedagogical heritage of K. D. Ushinsky]. In: *Voprosy pedagogiki* [Questions of Pedagogy], 2021, no. 5, pp. 296–290.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Историко-филологического института, заведующий кафедрой методики преподавания истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Ковригин Вадим Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander N. Fuchs – Dr. Sci. (History), Prof., Director, Institute of History and Philology, Department Head, Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, State University of Education;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, State University of Education;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фукс А. Н., Ковригин В. В. Значение наследия К. Д. Ушинского для современного российского исторического образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 27–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-27-32

FOR CITATION

Fuks A. N., Kovrigin V. V. The significance of K. D. Ushinsky's legacy for modern historical Russian education. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 27–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-27-32

УДК 37.014.52(09)

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-33-43

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ

Комарова Н. М.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Ретроспективный обзор основных этапов развития православной педагогической традиции от эпохи становления Древнерусского государства до формирования современной педагогической науки на рубеже XIX–XX вв.

Процедура и методы. В основу исследования положен комплекс материалов, отражающих эволюцию русской православной педагогической культуры, важнейшее место среди которых занимают памятники древнерусской нравоучительной литературы и переводные сочинения византийских церковных писателей. Методической базой работы стала методика исторической компаративистики.

Результаты. Проведённый анализ убедительно показал устойчивость важнейших идейных положений православной педагогической модели в условиях трансформации общественно-политических и идеологических установок.

Теоретическая и/или практическая значимость. По итогам исследования сделан вывод о необходимости возрождения и дальнейшего развития практического опыта применения православной педагогической модели в современной российской школе.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, духовность, народная педагогика, народность, нравоучительная книжность, православная педагогика, религиозность, христианство

TRADITIONS OF ORTHODOX PEDAGOGY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL RETROSPECTIVE

N. Komarova

State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To present retrospective review of the main development stages of the Orthodox pedagogical tradition from the era of the formation of the Old Russian state to the formation of modern pedagogical science at the turn of the 19th–20th centuries.

Methodology. The study is based on a set of materials reflecting the evolution of Russian Orthodox pedagogical culture, the most important place among which is occupied by monuments of ancient Russian moral literature and translated works of Byzantine church writers. The methodological basis of the work was the methodology of historical comparative studies.

Results. The analysis convincingly showed the stability of the most important ideological provisions of the Orthodox pedagogical model in the context of the transformation of socio-political and ideological attitudes.

Research implications. Based on the results of the study, it was concluded that it is necessary to revive and further develop the practical experience of using the Orthodox pedagogical model in a modern Russian school.

Keywords: spiritual and moral education, spirituality, folk pedagogy, nationality, moralizing bookishness, Orthodox pedagogy, religiosity, Christianity

Введение

Проблемы формирования и развития православной педагогической системы в России неоднократно становились предметом пристального внимания исследователей. Среди работ современных авторов, занимающихся изучением данного направления педагогической мысли особо выделяются труды российских учёных, представляющих государственно-патриотическое направление развития отечественной педагогической науки. В числе исследователей, посвятивших свои труды изучению влияния православия на развитие отечественной педагогики, следует отметить А. А. и А. П. Гагаевых [5], А. Н. Джурицкого [7], С. Ю. Дивногорцеву [8–11], М. Н. Костикову [17–20], В. М. Меньшикова [21], А. В. Мудрика¹, Н. П. Рязанцеву [33], М. С. Стародубцеву [39], Н. Л. Чупахину [40] и др. Авторами наиболее интересных работ, посвящённых анализу духовно-нравственных традиций, принципов и форм христианского воспитания и отечественного православного образования являются: Г. З. Агафонова [1], В. Г. Безрогов², Л. Н. Беленчук³ [2], Е. П. Белозерцев [3–4], архим. Георгий (Шестун)⁴ [6], архим. Зиновий [13], прот. Г. Каледа [14], В. М. Кларин [16], И. В. Метлик [22–24], Н. Д. Никандров [25–27], А. А. Остапенко [28–29], Т. И. Петракова [30–32], В. М. Петров⁵, В. А. Сластенин [34–35],

В. В. Смирнов [36–37], О. Л. Янушкявичене [41–42] и др. Вышеназванные исследователи отмечают, что отечественная педагогическая школа сформировалась в результате сложного процесса длительной эволюции различных идей и представлений о духовном строительстве и нравственном совершенствовании личности, опирающихся на прочный фундамент традиций русского православия.

С судьбоносного акта Крещения Руси начинается не только русская культура, но и русская православная педагогика. Вместе с христианством на русскую землю приходит просвещение, ставшее результатом подлинного расцвета книжной мудрости. Книги принесли из Византии на Русь образовательные традиции, основанные на лучших образцах античной культуры. Эти заимствования не привели к зависимости зарождающейся национальной школы от непонятного основной массе населения греческого языка, как это произошло в странах Западной Европы с латынью. В 863 г. братья-монахи Кирилл и Мефодий создали «кириллицу» – славянскую азбуку, которая, хотя и основывалась на традициях греческого алфавита, но учитывала фонетический строй и ритмику старославянского языка. Именно этот старославянский извод древнерусского языка с понятным для русского человека правописанием и произношением стал не только языком церковных ритуалов, но и, что чрезвычайно важно, языком просвещения. Под влиянием православия колоссальный массив христианской нравоучительной дидактической словесности стал доступным для самых широких слоёв населения Древней Руси.

Древнем мире и средневековой России: учеб. пособие. Орехово-Зуево, 1992. 81 с.

¹ Мудрик А. В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов. М.: ИЦ «Академия», 2000. 200 с.

² Антология педагогической мысли христианского Средневековья: учеб. пособ. в 2 тт. / сост. В. Г. Безрогов, О. И. Варьяш. М.: Аспект Пресс, 1994. 749 с.

³ Беленчук Л. Н. История отечественной педагогики: учеб. пособ. М., 2013. 120 с.; Хрестоматия по истории педагогики Т. 1 / сост. Л. Н. Беленчук, Е. Н. Никулина. М., 2016. 360 с.

⁴ Шестун Е. Православная педагогика: учеб. пособ. М.: Про-Пресс, 2002. 575 с.

⁵ Петров В. М. Семейно-школьное воспитание в

**Становление древнерусской
православной педагогической
системы на основе синтеза
христианской дидактической
литературы Византии и традиционных
духовно-нравственных традиций
славянского мира**

Составитель «Повести временных лет», рассуждая о влиянии книжного слова на духовное и нравственное просвещение общества, писал: «Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных. Се бо суть реки, напаяюще вселенную, се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неищетная глубина: сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть...»¹.

Книжное слово воспринималось на Руси как священное начало, незатронутое низменными и пошлыми мотивами. А потому и нравоучительные произведения русских книжников отличались особой благодатностью, отражавшей, в первую очередь, стремление к единению с Богом, а не творческое самовыражение. Их характеризует особая молитвенность и соборность, за которыми отчётливо просматривается коллективный разум православной церкви. Русский книжник – прежде всего педагог и наставник, передающий сокровища духовного наследия православной мудрости молодому поколению. Блестящий проповедник и поэт-гимнограф Кирилл Туровский, прозванный своими современникам «златословесным учителем» и «вторым Златоустом... воссиявшим паче всех на Руси», образно называл книжника «словесным пахарем», трудящимся во славу Божию: «Ныня рагаи слова словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысленных браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя

духовное всыпающе, надежами будущих благ веселяться...» [12, с. 416–417].

Основой развития русской православной педагогики послужила обширная по объёму и разнообразию жанров переводная книжность Древней Руси. Значительное место среди появившихся на Руси переводных памятников занимали многочисленные и самые разнообразные по своему характеру «проповеди», «поучения», «слова», «оглашения» и «беседы» отцов Церкви. Первое место среди них по праву занимает Иоанн Златоуст. Произведения этого знаменитого церковного витии составили наиболее популярные и широко известные на Руси назидательные нравоучительные сборники, такие как Златоуст, Маргарит, Златоструй, Измарагд, Златая цепь и т. п.

Рассуждая о необходимости религиозного воспитания детей, Златоуст подчёркивал: «Безумно полагать, будто обучение религии ещё не нужно для детей: этот возраст, в особенности, нуждается в нём, т. к. он легко воспринимает всё, что слышит, и на юной душе всё отпечатлевается, как печать на воске. Жизнь ребёнка уже с первого момента начинает наклоняться или к добру, или к злу. Если же на самом пороге жизни станем охранять дитя от дурного и направлять на лучший путь, добро сделается его внутренним качеством и станет как бы его природой, так что он сам добровольно не перейдет ко злу» [38, с. 64].

Задача нравственного воспитания ребёнка подталкивает Иоанна Златоуста к утверждению особой ответственности и обязанности родителей не только и не столько в умственном образовании, но, прежде всего, в развитии духовных начал личности: «Меньше заботьтесь о том, чтобы ваши дети учились хорошо говорить, чем чтобы учились хорошо жить» [38, с. 65]. При этом нравственное воспитание ребёнка мыслится им как процесс постепенного, осторожного возвращения добродетели, требующего от наставников особого трепетного отношения:

¹ Повесть временных лет. Ч. 1 / под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л. 1950. С. 102.

«Величайшее приобретение (богатство) для детей, если они сделаются господами всех прихотей и страстей, поэтому и с детьми надо так же осторожно и бережно обращаться, как с огнём» [38, с. 65].

Значительно опережая своё время, Иоанн Златоуст говорит о необходимости учитывать индивидуальные и возрастные особенности ребёнка, делая акцент на доступности и последовательности как основных принципах организации воспитания: «Высшее искусство воспитания состоит в том, чтобы сперва спуститься до понимания воспитываемого, а потом уже возвышать его. Есть большая польза в снисхождении во всё. Так, например, учимся мы и искусствам не всё вдруг воспринимая от учителя» [38, с. 69]. **Сам процесс нравственного восхождения ученика к духовному идеалу** Златоуст умело иллюстрирует евангельскими примерами: «Смотри, как Христос всегда раскрывал не всё вдруг, но сначала ставил своего слушателя в затруднение, чтобы он сам доискивался смысла сказанного; и затем, не умея помочь себе, тщетно напрягая свой разум, он с гораздо большим рвением принимал искомое, когда оно раскрывалось ему, и тем более возбуждался к внимательному слушанию. Таким же образом поступай и при воспитании» [38, с. 69].

В числе других авторитетных византийских проповедников большое распространение на Руси получили сочинения Григория Назианзина, Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Синайского и др. Практически в каждом сочинении духовных подвижников восточной церкви, помимо наставлений, побуждающих людей к нравственной благообразной добродетельной жизни, подчёркивается особая роль в деле православного воспитания духовных наставников.

Так, святитель Василий Великий учил: «В жизни человеческой весьма нужен и полезен совет, потому что никто не мо-

жет сам один удовлетворить себе во всё, но имеет нужду в помощниках ещё более при избрании полезного, чем при отправлении телесных нужд». «Как же не искать нам «дивных советников», когда идёт дело о душе и о полезном для души?» – вопрошает Василий¹. Согласно представлениям Василия Великого «великий и опытный учитель» должен прежде всего «очистить душевное око, чтобы, сняв, подобно какому-либо гною, всякое омрачение, производимое невежеством, мог я взирать на красоту Божией славы». Эту миссию учителя святой отец почитал «делом, стоящим немало труда и приносящим немаловажную пользу»². Убедая своих слушателей в необходимости вручить себя духовному руководству опытных наставников, святитель Василий Великий опирается на собственный опыт. «Для меня, как рассуждаю, нужны, – говорит он, – во-первых, узда для юности и потом побуждения на поприще благочестия. А это может доставить такой разум, который то удерживает, что во мне есть бесчинного, то возбуждает, что в душе есть медлительного»³. Настаивая на том, что ученик есть «духовное чадо учителя», святитель Василий Великий говорит о важных качествах такого наставника, где на первом месте стоят добродетель, «смирennemудрие» и твёрдый нрав, чтобы «когда и молчит, пример его дел служил уроком, поучающим сильнее всякого слова».

Мысль Василия, что «учение о том, как надобно жить христианину, не столько требует словесного наставления, сколько ежедневного примера»⁴, многократно повторяли и развивали авторы многих оригинальных древнерусских сочинений дидактического характера.

¹ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. II. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1902. С. 118; Часть V. С. 335.

² Там же. Ч. VI. С. 268–269.

³ Там же. С. 268–269.

⁴ Там же. С. 271.

**Русская агиография
и нравоучительная литература
Московского государства XV–XVII вв.
как сфера идеального воплощения
духовно-нравственных начал
православной педагогической модели
формирования личности**

Наиболее яркое отражение эти идеи нашли в обширной русской житийной литературе. «Житие блаженных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского», «Житие преп. Евфросиньи игуменьи Полоцкой», «Житие Сергия Радонежского», «Житие Стефана Пермского» и др. памятники русской агиографии стали подлинными учебниками добродетельной жизни для многих поколений носителей православных традиций. Не случайно уже в эпоху становления Московского государства именно житийная литература воспринимается как мощнейший инструмент назидательного воздействия на общество. В качестве примера можно привести масштабный просветительский проект составления фундаментального 12-томного свода «Великих Четвх-Миней», позволивший митрополиту Макарию снискать честь и славу великого подвижника русской книжной культуры и выдающегося педагога-наставника. Именно благодаря митрополиту Макарию и созданной им школе книжность Московской Руси приобрела в XVI столетии черты унифицированного литературного стиля, отмеченного особой торжественностью, избытком риторических оборотов и пространных цитат, свидетельствующих о трепетном отношении к многовековому опыту нравственного строительства православного человека.

Воплощением идеи собирания и обобщения древних традиций русской православной дидактики стал знаменитый «Домострой» – комплекс нравоучительных текстов, призванных утверждать нравственные начала в повседневной жизни добропорядочного христианина. Само

название этого произведения – «Книга глаголемая Домострой, имеет в себе вещи зело полезны, поучение и наказание всякому христианину – мужу, и жене, и чадом, и рабом, и рабыням» – говорит о его дидактическом характере.

По меткому наблюдению П. Ф. Каптерева, «русский народ был глубоко набожен, религиозен по-своему, на свой особенный лад, предан церкви, от всего сердца почитал святыми все её обряды и установления. Поэтому ему более подходила такая педагогическая система, которая отличалась религиозным духом, носила ореол святости, утверждалась на слове Божиим» [15, с. 112]. Вся назидательная система Домостроя покоится на прочном фундаменте традиций православных поучений и назидательных текстов. В её основе – «Псалтирь», «Апостол», поучения Василия Великого и Иоанна Златоуста, пророка Исайи, «Слослов» патриарха Геннадия, отеческое наставление Ксенофонта, завещание Феодоры, нравоучительные и назидательные пассажи переводных повестей «О Варлааме и Иосафе», «О Акире Премудром», «Поучение Владимира Мономаха детям» и др.

**Пути развития православной
педагогической мысли в условиях
глобальных преобразований
Российского государства и общества в
конце XVII – первой половине XVIII вв.**

Традиции православной педагогики, окончательно оформившиеся на почве развития древнерусской книжности, сохранили своё значение и в условиях широко развернувшегося процесса обмирщения русской культуры и европеизации уклада жизни русского общества в конце XVII – начале XVIII вв. Чрезвычайно важно, что в это переломное время не были утрачены важнейшие элементы самобытности русской системы воспитания – народность и религиозность. В немалой мере этому способствовали талантливые церковные писатели и педа-

гоги из числа обосновавшихся в Москве выходцев из малороссийских и белорусских земель. Эти представители семьи братских славянских народов, испытавших мощное политическое и идеологическое давление со стороны правящей элиты польско-литовского государства и римско-католической церкви, прочно связали свою жизнь и духовное творчество с судьбой православной Российской державы. В их числе – один из ярчайших представителей отечественной педагогической мысли XVII в. Симеон Полоцкий. В своём творчестве он уделяет большое внимание вопросам просвещения и воспитания, используя поэтическую форму для того, чтобы привлекать «слухи и сердца» людей к нравственному совершенствованию и духовному развитию. Силлабический стих Симеона стал мощным орудием воспитательного воздействия, умело используемым в целях распространения просвещения, культуры и нравственных идеалов. Ощущая себя носителем и хранителем религиозно-нравственных ценностей православного мира, Симеон Полоцкий придаёт своему творчеству ярко выраженный нравоучительный характер, приобщая своих читателей и слушателей к категориальным основам православного мировоззрения. Так, в поэтическом сборнике «Вертоград многоцветный» просветитель собрал целый комплекс стихотворных произведений, раскрывающих яркие и понятные читателю идеи народной педагогики. Одна из них – обязанность человека трудиться на благо общества – развивает фундаментальный элемент апостольского учения:

*«Не хотящим же трудов полагати,
не подобает хлеба подаяти:
«Праздный да не яст», апостол сказаше,
Иже от Христа правде учен бяше...»¹*

В эпоху глубинных преобразований традиционных общественных институтов, до основания сотрясавших ветхое здание старой русской церкви, заметную роль в деле сохранения лучших традиций православной педагогики сыграл один из сподвижников царя-реформатора, выдающийся просветитель и педагог петровской эпохи Феофан Прокопович. В его понимании образование и воспитание юношества должно быть подчинено идее общественной пользы: «...учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание. Но сие накрепко наблюдать подобает, чтоб было учение доброе и основательное»². Развивая мысли своих предшественников, Феофан Прокопович говорит об особой роли учителя. Превознося созидательную миссию мудрого наставника, он предостерегает от пагубного влияния лжеучителей, не способных развить способности ученика: «...неосновательные мудрецы не токмо бесполезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви, пред властью надмеру смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их и пролезть на степень честный. Равного чина людей ненавидят, и если кто во учении похваляем есть, того всячески тщатся перед народом и у властей обнести и охулити...»³. Именно благодаря Феофану Прокоповичу поддержку и всестороннее содействие в приобретении профессиональных знаний и образования получили многие выдающиеся российские учёные и педагоги XVIII столетия. В их числе был и ярчайший исследователь-энциклопедист, основатель Московского университета М. В. Ломоносов.

¹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 15.

² Полное собрание Законов Российской империи. Духовный регламент. Т. IV. СПб., 1830. С. 317.

³ Там же. Т. IV. СПб., 1830. С. 320.

Православная педагогика и государственная светская школа

Несмотря на наблюдаемое в XVIII в. смещение акцентов от традиционной православной педагогики в сторону государственной светской школы, её идейное наследие сохранилось и даже преумножилось. В педагогических воззрениях Ломоносова и его современников отчётливо проявляются черты традиционного православного воспитания. «Колумб российской науки» считал необходимым воспитывать в юношестве высокие нравственные начала – такие добродетели, как «мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, благодарность, великодушие, терпение, незлобие, простосердечие, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, скромность». Ломоносов призывал молодёжь следовать христианским заповедям, подчёркивая, что там, «где добродетели господствуют, тут порокам нет места»¹.

Православная практика духовно-нравственного строительства личности не утратила своего громадного значения и в эпоху формирования современной научной педагогики. Именно трудами педагогов отечественной народной школы, православных богословов и философов, таких как К. Д. Ушинский, С. А. Рачин-

ский, Н. И. Ильминский, П. Ф. Каптеров, барон Корф, епископ Феофан, архиепископ Амвросий, К. П. Победоносцев, А. Ф. Лосев, В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, И. В. Киреевский, Н. А. Бердяев и др., создавался прочный нравственный фундамент современной российской теории воспитания и обучения².

Заключение

Благодаря заложенным православной педагогикой принципам духовного строительства и нравственного воспитания личности отечественная школа сумела выдержать испытания системного кризиса 1990-х гг. и в настоящее время возвращается на исторически обоснованный магистральный путь своего развития, гарантируя уверенное движение в сторону общественного прогресса на основе сохранения и укрепления традиционных ценностей. Этому в значительной мере способствует современный вектор государственной политики Российской Федерации в сфере образования и культуры, чётко обозначенный важнейшими документами, определяющими ближайшие и долгосрочные перспективы развития российского общества³.

Дата поступления в редакцию 20.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова Г. З. Духовно-нравственные традиции отечественного начального образования второй половины XIX – начала XX вв. (на примере церковноприходских школ): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары. 2006. 22 с.
2. Беленчук Л. Н. Духовно-нравственное просвещение как основа образования в трудах святителей первой половины XIX века // Проблемы современного образования. 2017. № 5. С. 151–162.
3. Белозерцев Е. П. О национально-государственном образовании в России // Педагогика. 1998. № 3. С. 30–35.
4. Белозерцев Е. П. О смысле, содержании и результатах русского образования // Русская школа. Духовно-нравственные проблемы воспитания / сост. Л. Н. Погодина. М.: Русское слово, 1996. С. 55–73.
5. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Педагогика русской богословской мысли. М.: РИОР: Инфра-М, 2016. 191 с.

¹ Ломоносов М. В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1991. С. 17.

² Протоиерей Евгений Шестун. Православная педагогика: учеб. пособие. М.: Про-Пресс, 2002. 576 с.

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Консультант-Плюс.

6. Георгий (Шестун), игум. Православная педагогика. М.: ПРО-ПРЕСС, 2010. 671 с.
7. Джурицкий А. Н. Педагогика и образование в России и в мире на пороге двух тысячелетий: сравнительно-исторический контекст. М.: МПГУ: Прометей, 2011. 151 с.
8. Дивногорцева С. Ю. Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России: дис. ... док. пед. наук. М., 2011. 420 с.
9. Дивногорцева С. Ю. Развитие идеи церковной школы в русской педагогике на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. № 4. С. 70–80.
10. Дивногорцева С. Ю. Становление и развитие православной педагогической культуры в России. М.: ПСТГУ, 2010. 261 с.
11. Дивногорцева С. Ю. Православная педагогическая культура в России: историко-теоретический анализ. Saarbruecken, 2011. 394 с.
12. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIII. М.–Л., 1957. С. 409–426.
13. Зиновий (Корзинкин Анатолий Алексеевич; митрополит Саранский и Мордовский). Духовно-нравственная концепция воспитания личности и современное образование: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 1999. 20 с.
14. Каледа Г. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях // Журнал Московской патриархии. 1994. № 7-8. С. 29–49.
15. Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004. 560 с.
16. Кларин В. М. Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов XIX–XX вв. М., 1996. 123 с.
17. Костикова М. Н. Вероисповедная политика Министерства Народного Просвещения Российской Империи в XIX в.: дис. ... док. пед. наук. Курск. 2002. 426 с.
18. Костюкова Т. А. Об актуальности проблемы духовного просвещения в системе светского образования // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: сб. трудов конф. / отв. ред. Т. А. Костюкова. Томск: Томский государственный педагогический университет, 1996. С. 10–12.
19. Костюкова Т. А. Религия и воспитание // Образование в Сибири. 1994. № 1. С. 136–140.
20. Костюкова Т. А. Философские основания религиозного воспитания // Образование в Сибири. 1996. № 1. С. 26–34.
21. Меньшиков В. М., Слостенин В. А. Российская школа в контексте европейского образования (историко-теоретический анализ). Курск, 1999. 176 с.
22. Метлик И. В. Религия в школе: Опыт изучения проблемы // Народное образование. 1990. № 12. С. 36–42.
23. Метлик И. В. Формирование мировоззрения старшеклассников в процессе освоения религиозных знаний: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 19 с.
24. Метлик И. В. Религия и образование в светской школе. М.: Планета-2000, 2004. 384 с.
25. Никандров Н. Д. Нравственные уроки православия // Педагогика. 1997. № 3. С. 3–10.
26. Никандров Н. Д. Православие – судьба России: Размышления на пороге третьего тысячелетия // Интегральная педагогика. 2000. № 1. С. 41–48.
27. Никандров Н. Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. М.: Педагогическое общество России, 2000. 304 с.
28. Остапенко А. А. Моделирование многомерной педагогической реальности: дис. ... док. пед. наук. Краснодар. 2005. 424 с.
29. Остапенко А. А., Зелинский К. В. Методологические основания православной педагогики // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 4. С. 673–692.
30. Петракова Т. И. Ценностный потенциал базового образования в духовно-нравственном воспитании учащихся. М.: Академия, 1998. 94 с.
31. Петракова Т. И. Духовные основы нравственного воспитания. М.: Импэто, 1997. 96 с.
32. Петракова Т. И. «Святые Отечества»: факультативный курс для нач. классов // Воскресная школа. 1999. № 4. С. 83–85.
33. Рязанцева Н. П. Педагогические основы построения церковно-приходской школы в религиозно-педагогическом наследии С. И. Миропольского: дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2002. 185 с.

34. Слостенин В. А. Антропологический подход в педагогическом образовании // Народное образование. 1994. № 9-10. С. 124–126.
35. Слостенин В. А. Педагогическое наследие П. Ф. Каптерева и современность // Педагогика. 1999. № 5. С. 76–81.
36. Смирнов В. В. Православные традиции семейного воспитания в России второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2007. 24 с.
37. Смирнов В. В. Семья и церковь: проблема взаимодействия // Человек и Вселенная. 2001. № 5. С. 36–38.
38. Соколов П. История педагогических систем. СПб., 1913. 613 с.
39. Стародубцева М. С. Влияние Русской православной церкви на развитие народного образования в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2001. 22 с.
40. Чупахина Н. И. Взаимосвязь нравственного и эстетического воспитания в церковно-приходской школе России второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 16 с.
41. Янушкявичене О. Л. Историко-теоретический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающих поколений. М.: Прометей, 2008. 448 с.
42. Янушкявичене О. Л. Духовное воспитание: история и современность. М.: ПРО-ПРЕСС, 2009. 78 с.

REFERENCES

1. Agafonova G. Z. *Dukhovno-nravstvennyye traditsii otechestvennogo nachalnogo obrazovaniya vtoroy poloviny XIX – XX nachala vv. (na vozvyshenii tserkovnoprihodskikh shkol): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Spiritual and moral traditions of domestic primary education in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the example of parochial schools): abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Cheboksary, 2006. 22 p.
2. Belenchuk L. N. [Spiritual and moral aspects as the educational basis in the writings of the hierarchs in the first half of the nineteenth century]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education], 2017, no. 5, pp. 151–162.
3. Belozertsev E. P. [On the national-state education in Russia]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 1998, no. 3, pp. 30–35.
4. Belozertsev E. P. [On the meaning, content and results of Russian education]. In: Pogodina L. N., ed. *Russkaya shkola. Dukhovno-nravstvennyye problemy vospitaniya* [Russian school. Spiritual and moral problems of education]. Moscow, Russkoye slovo Publ., 1996, pp. 55–73.
5. Gagaev A. A., Gagaev P. A. *Pedagogika russkoy bogoslovskoy mysli* [Pedagogy of Russian theological thought]. Moscow, RIOR Publ., Infra-M Publ., 2016. 191 p.
6. George. *Pravoslavnaya pedagogika* [Orthodox Pedagogy]. Moscow, PRO-PRESS Publ., 2010. 671 p.
7. Dzhurinsky A. N. *Pedagogika i obrazovaniye v Rossii i v mire na poroge dvukh tysyacheletiy: sravnitelno-istoricheskiy kontekst* [Pedagogy and education in Russia and in the world on the threshold of two millennia: a comparative historical context]. Moscow, MPGU Publ., Promethey Publ., 2011. 151 p.
8. Divnogortseva S. Yu. *Istoriko-teoreticheskiy analiz pravoslavnoy pedagogicheskoy kultury v Rossii: dis. ... dok. ped. nauk* [Historical and theoretical analysis of Orthodox pedagogical culture in Russia: Dr. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 2011. 420 p.
9. Divnogortseva S. Yu. [The development of the concept of church-centered school in the late nineteenth – early twentieth century Russian pedagogy]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology], 2010, no. 4, pp. 70–80.
10. Divnogortseva S. Yu. *Stanovleniye i razvitiye pravoslavnoy pedagogicheskoy kultury v Rossii* [Formation and development of Orthodox pedagogical culture in Russia]. Moscow, PSTGU Publ., 2010. 261 p.
11. Divnogortseva S. Yu. *Pravoslavnaya pedagogicheskaya kultura v Rossii: istoriko-teoreticheskiy analiz* [Orthodox pedagogical culture in Russia: historical and theoretical analysis]. Saarbruecken, 2011. 394 p.
12. Eremin I. P. [Literary heritage of Cyril of Turov]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. XIII* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. XIII]. Moscow, Leningrad, 1957, pp. 409–426.

13. Zinovy (Korzinkin Anatoly Alekseevich; Metropolitan of Saransk and Mordovia). *Dukhovno-nravstvennaya kontseptsiya vospitaniya lichnosti i sovremennoye obrazovaniye: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Spiritual and moral concept of personality education and modern education: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Kursk, 1999. 20 p.
14. Kaleda G. [Tasks, principles and forms of Orthodox education in modern conditions]. In: *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchy], 1994, no. 7-8, pp. 29–49.
15. Kapterev P. F. *Istoriya russkoy pedagogii* [History of Russian pedagogy]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2004. 560 p.
16. Klarin V. M. *Idealy i puti vospitaniya v tvoreniyakh russkikh religioznykh filosofov XIX–XX vv.* [Ideals and ways of education in the works of Russian religious philosophers of the 19th–20th centuries]. Moscow, 1996. 123 p.
17. Kostikova M. N. *Veroispovednaya politika Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya Rossiyskoy Imperii v XIX v.: dis. ... dok. ped. nauk* [Religious policy of the Ministry of Public Education of the Russian Empire in the 19th century: Dr. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Kursk, 2002. 426 p.
18. Kostyukova T. A. [On the relevance of the problem of spiritual education in the system of secular education]. In: Kostyukova T. A., ed. *Sovremennyye obrazovatelnyye strategii i dukhovnoye razvitiye lichnosti* [Modern educational strategies and spiritual development of the individual]. Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 1996, pp. 10–12.
19. Kostyukova T. A. [Religion and education]. In: *Obrazovaniye v Sibiri* [Education in Siberia], 1994, no. 1, pp. 136–140.
20. Kostyukova T. A. [Philosophical foundations of religious education]. In: *Obrazovaniye v Sibiri* [Education in Siberia], 1996, no. 1, pp. 26–34.
21. Menshikov V. M., Slastenin V. A. *Rossiyskaya shkola v kontekste yevropeyskogo obrazovaniya (istoriko-teoreticheskiy analiz)* [Russian school in the context of European education (historical and theoretical analysis)]. Kursk, 1999. 176 p.
22. Metlik I. V. [Religion at school: Experience in studying the problem]. In: *Narodnoye obrazovaniye* [Public education], 1990, no. 12, pp. 36–42.
23. Metlik I. V. *Formirovaniye mirovozzreniya starshklassnikov v protsesse osvoyeniya religiovedcheskikh znaniy: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of the worldview of high school students in the process of mastering religious knowledge: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 1998. 19 p.
24. Metlik I. V. *Religiya i obrazovaniye v svetskoy shkole* [Religion and education in a secular school]. Moscow, Planet-2000 Publ., 2004. 384 p.
25. Nikandrov N. D. [Moral lessons of Orthodoxy]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 1997, no. 3, pp. 3–10.
26. Nikandrov N. D. [Orthodoxy is the fate of Russia: Reflections on the threshold of the third millennium]. In: *Integralnaya pedagogika* [Integral Pedagogy], 2000, no. 1, pp. 41–48.
27. Nikandrov N. D. *Rossiya: sotsializatsiya i vospitaniye na rubezhe tysyacheletiy* [Russia: socialization and education at the turn of the millennium]. Moscow, Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii Publ., 2000. 304 p.
28. Ostapenko A. A. *Modelirovaniye mnogomernoy pedagogicheskoy real'nosti: dis. ... dok. ped. nauk* [Modeling of multidimensional pedagogical reality: Dr. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Krasnodar. 2005. 424 p.
29. Ostapenko A. A., Zelinsky K. V. [Methodological foundations of Orthodox pedagogy]. In: *Voprosy teologii* [Questions of Theology], 2022, vol. 4, no. 4, pp. 673–692.
30. Petrakova T. I. *Tsennostnyy potentsial bazovogo obrazovaniya v dukhovno-nravstvennom vospitanii uchashchikhsya* [Value potential of basic education in the spiritual and moral education of students]. Moscow, Academia Publ., 1998. 94 p.
31. Petrakova T. I. *Dukhovnyye osnovy nravstvennogo vospitaniya* [Spiritual foundations of moral education]. Moscow, Impeto Publ., 1997. 96 p.
32. Petrakova T. I. [“Holy things of the Fatherland”: an optional course for the beginning. Classes]. In: *Voskresnaya shkola* [Sunday school], 1999, no. 4, pp. 83–85.
33. Ryazantseva N. P. *Pedagogicheskiye osnovy postroyeniya tserkovno-prikhodskoy shkoly v religiozno-pedagogicheskom nasledii S. I. Miropolskogo: dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical foundations for building a parochial school in the religious and pedagogical heritage of S. I. Miropolsky: Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Kursk, 2002. 185 p.

34. Slastenin V. A. [Anthropological approach in pedagogical education]. In: *Narodnoye obrazovaniye* [National education], 1994, no. 9-10, pp. 124–126.
35. Slastenin V. A. [Pedagogical legacy of P. F. Kapterev and modernity]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 1999, no. 5, pp. 76–81.
36. Smirnov V. V. *Pravoslavnyye traditsii semeynogo vospitaniya v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Orthodox traditions of family education in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Orenburg, 2007. 24 p.
37. Smirnov V. V. [Family and Church: the problem of interaction]. In: *Chelovek i Vseleennaya* [Man and the Universe], 2001, no. 5, pp. 36–38.
38. Sokolov P. *Istoriya pedagogicheskikh sistem* [History of pedagogical systems]. St. Petersburg, 1913. 613 p.
39. Starodubtseva M. S. *Vliyaniye Russkoy pravoslavnoy tserkvi na razvitiye narodnogo obrazovaniya v Kurskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Influence of the Russian Orthodox Church on the development of public education in the Kursk province in the second half of the 19th – early 20th centuries: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Kursk, 2001. 22 p.
40. Chupakhina N. L. *Vzaimosvyaz npravstvennogo i esteticheskogo vospitaniya v tserkovno-prikhodskiy shkole Rossii vtoroy poloviny XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The relationship of moral and aesthetic education in the parochial school of Russia in the second half of the 19th century: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 1999. 16 p.
41. Yanushkiavichene O. L. *Istoriko-teoreticheskiy analiz stanovleniya i razvitiya teorii dukhovnogo vospitaniya podrastayushchikh pokoleniy* [Historical and theoretical analysis of the formation and development of the theory of spiritual education of the younger generations]. Moscow, Prometej, 2008. 448 p.
42. Janushkevichene O. L. *Dukhovnoye vospitaniye: istoriya i sovremennost* [Spiritual education: history and modernity]. Moscow, PRO-PRESS Publ., 2009. 78 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комарова Наталья Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры инновационных технологий исторического, обществоведческого и правового образования факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: nmkomarova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya M. Komarova – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Innovative Technologies of Historical, Social Science and Legal Education, Department of History, Political Science and Law, State University of Education;
e-mail: nmkomarova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комарова Н. М. Традиции православной педагогики в контексте исторической ретроспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 33–43.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-33-43

FOR CITATION

Komarova N. M. Traditions of orthodox pedagogy in the context of historical retrospective. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 33–43.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-33-43

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 930.85

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-44-55

НАРОДНОЕ ПОЧИТАНИЕ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА И ТРАДИЦИИ ДВОЕВЕРИЯ В РОССИИ В XIX В.

Завадский Д. А.

Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование традиции народного (крестьянского) почитания святого Георгия Победоносца в России XIX в., а также проявления в этом культе такой особенности народной жизни и мировоззрения как двоеверие – наличие в вере элементов другого верования.

Процедура и методы. В работе проанализированы материалы этнографических журналов XIX в., работы исследователей-этнографов и другие труды исследователей культа св. Георгия и традиций двоеверия. В исследовании применены методы критического анализа источников и сравнительного анализа исследовательской литературы.

Результаты. Проведён анализ и систематизация источников и научной литературы о традициях почитания св. Георгия в России XIX в. На основе большого фактического материала, в т. ч. мало изученного этнографического материала XIX в., сравнительного анализа исследований по теме культа св. Георгия, показаны традиции почитания святого в указанный период и наличие в культе святого традиций двоеверия. Также в статье затрагивается тема необоснованной критики в некоторых научных работах термина «двоеверие», показано соответствие использования данного термина рассматриваемому явлению и фактам из религиозной жизни.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование позволяет систематизировать обширный фактический материал, содержащий сведения об особенностях почитания св. Георгия в России XIX в. Помимо этого подтверждена применимость термина «двоеверие» для описания особенностей простонародного религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: весенний Егорий, двоеверие, культ св. Георгия, языческие традиции и ритуалы

POPULAR WORSHIP OF ST. GEORGE AND TRADITIONS OF DOUBLE BELIEF IN RUSSIA OF 19TH CENTURY

D. Zavadsky

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To investigate the tradition of folk (peasant) worship of St. George in Russia in the 19th century and the manifestation of the specific feature of folk life and mindset known as “double belief” (“dvoeverie”) – the presence of elements of another belief in religion.

Methodology. This paper analyzes the materials of ethnographic magazines of the 19th century, works of ethnographers and other academic works on the worship of the St. George and “double belief” traditions in Russia. The critical analysis of sources and comparative analysis of research literature have been used.

Results. The analysis and systematization of sources and scientific literature on the traditions of the worship of St. George in Russia in the 19th century have been carried out. Based on a large amount of actual materials, including little-studied ethnographic materials of the 19th century and also comparative analysis of researches on the Saint George’s worship, the traditions of his worship in the mentioned period and existence of the “double belief” traditions have been shown. The article also touches upon the topic of unjustified criticism of the term “double belief” in some academic works, reveals correspondence of use of this term to the phenomenon under consideration and facts of religious life.

Research implications. The research allows to systematize extensive factual material containing information about specific features of the worship of St. George in Russia in the 19th century. Besides this the research confirms the applicability of the term “double belief” for the description of specific features of common folk religious mindset.

Keywords: St. George’s Day in the Spring, double belief, worship of St. George, pagan traditions and rituals

Введение

Об актуальности темы религиозных культов в истории свидетельствуют множество исследований в этой области, которые позволяют изучать не только историю религии, но и получать данные, которые могут быть полезны для других общественных наук. Применимы они и для понимания развития и эволюции общественного и религиозного сознания в целом (см. например, исследование Д. В. Дмитриева о традициях почитания Богородицы в современный период, в котором отмечается, что процесс развития этого культа в новых религиозных движениях «свидетельствует о ситуации кризиса, как в социальной, так и религиозной областях, в контексте которой возвращение к подлинным формам веры выступает прямой оппозицией официальным, общепризнанным формам религиозного культа» [7, с. 32]).

Большой вклад в понимание закономерностей развития религиозного сознания может внести исследование темы традиций двоеверия. Под двоеверием обычно понимается наличие в основной

вере элементов других, как правило, языческих, верований. Впервые этот термин появляется в русской истории в древнерусском поучении против язычества – известном произведении XIV в. «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере». В тексте «Слова некоего христолюбца» говорится о христианине, который «не мога терпети христьян, двоеверно живущих, верующе в Перуна и Хорса и в Макошь», и в «Сима и в Рьгла», и в «вилы, их же числом 30 сестрениц...» [15, с. 738].

Летописи и другие исторические источники описывают сохранение пережитков языческих верований и традиции двоеверия в России в прошлые исторические века. Среди них множество древнерусских памятников религиозной литературы, многочисленные поучения церковных деятелей и книжников. О существовании традиций двоеверия свидетельствует и литературное творчество многих русских писателей и поэтов. К примеру, в произведениях Пушкина и Есенина затрагивалась тема сохранения пережитков языческих верований в

праздновании Троицы, в романе Достоевского «Бесы» особенности народного двоеверия или так называемого народного христианства отражены на примере воплощённого в романе мифа о матери – сырой земле и т. д. [19, с. 24].

Двоеверие как явление и его причины

Некоторые исследователи подвергали сомнению наличие как самого этого явления, так и возможности использования для его описания термина «двоеверие». Так, А. В. Вороховов, А. Е. Мякинин и Н. Е. Горбатовский, анализируя концепт двоеверия у разных авторов, склоняются к точке зрения современного историка И. Н. Данилевского [3, с. 26]. По его мнению, «христианство трансформировало структуру язычества», при этом «бытовое христианство» предоставило языческим персонажам «статус “нечистой силы”, отрицательного духовного начала», и такое «народное христианское мировоззрение... нельзя считать и называть двоеверием, поскольку оно цельно и представляет собой единую систему верований» [3, с. 26].

Однако такое утверждение противоречит фактам из истории христианизации Руси и описаниям в имеющихся источниках традиций религиозной жизни простого народа. Наличие множества признаков сохранения языческих верований в традициях проведения различных сезонных календарных и религиозных праздников, в практиках различных обрядов, ритуалов и заговоров не вызывает сомнения. Существование элементов язычества в народном сознании являлось нарушением чистоты веры, т. к. не соответствовало сути христианского учения как религии единобожия. Базовая заповедь христианства о недопустимости поклонения кому-либо или чему-либо помимо единого Бога не допускает существования какого-либо религиозного синкретизма, слияния с язычеством и формирования на этой основе какой-

либо единой системы верований. Таким образом, термин «двоеверие» вполне допустим для описания самого явления. С таким «двоеверием» и боролась церковь, в т. ч. и через множество поучений, церковных правил, «слов» церковных книжников, одним из которых было указанное «Слово христороубца», исповедальных вопросов и т. п. литературы.

Существование двоеверия объясняется несколькими причинами. Во-первых, со времён Древней Руси в народном сознании сохранялась инерция старых языческих верований. После принятия Русью христианства происходило слишком медленное вытеснение языческих традиций и обрядов христианскими.

Среди других причин исследователями называются и особенности самого процесса христианизации. Как пишет О. В. Розина, для распространения новой веры открывались 2 пути: рецепция и синкретизм. При рецепции происходил процесс «переосмысления языческих представлений чуждых христианскому Откровению, их преобразование с этих позиций. Такое творческое переосмысление происходило повсеместно и проявилось, например, в христианизации языческих праздников. Но оно же требовало от человека изменения мировоззрения, поэтому для народного сознания наиболее приемлемым оказался путь синкретизма, т. е. соединения разнородных религиозных представлений, не требовавших от личности коренных перемен, как в мироощущении, так и в отношениях с божеством» [14, с. 50].

Историк XIX в. А. С. Фаминцин отмечал, что в процессе христианизации, исходя из практических соображений удобства распространения нового учения, происходила замена языческих понятий сходными с ними понятиями христианскими. Этой деятельности властей и духовенства, по мнению Фаминцина, способствовало и то, что христианские праздники умышленно совмещались с датами прежних языческих праздников и ритуалов, христианские хра-

мы возводились часто на месте языческих святилищ [22, с. 148].

В этом процессе вытеснения старых верований традиции, характерные для поклонения языческим божествам, часто сохранялись и ещё долго продолжали своё существование, в т. ч. и через культы почитания христианских святых. Известна точка зрения, что после распространения христианства происходил перенос некоторых функций, которые раньше приписывались тем или иным языческим богам и божествам, и наделение ими различных христианских святых. Таким образом, языческих боги и их почитание лишь формально ушли в прошлое, но свойственные им «сферы деятельности» переносились на тех или иных святых христианского пантеона и соответствующие обряды, которые сохранялись и играли существенную роль в повседневной жизни и культуре народа. Такая гипотеза рассматривалась и в отношении культа св. Георгия.

Почитание многих святых (например, св. Георгия) и многочисленные факты их культа в народе являются одним из примеров наличия в народном сознании традиций двоеверия, когда христианские верования, традиции, практикуемые религиозные обряды содержат элементы языческих верований.

Культ св. Георгия

Св. Георгий являлся в России на протяжении её истории одним из самых почитаемых народом святых. В исследовательской литературе его образ был рассмотрен с самых разных сторон. Ему посвящены многочисленные исследования об истории возникновения его почитания, о его образе в истории нашей страны, в общественной и государственной жизни. Эти вопросы освещались в работах Г. В. Вилинбахова, Т. Б. Вилинбаховой [2], Н. И. Толстого¹. Св. Георгию

посвящены различные исследования в области истории русской культуры. Среди современных, недавних работ в этой области можно выделить работы И. Л. Галинской [4], М. А. Некрасовой [12] и др. К подобным работам относится и фундаментальное исследование зарубежного автора С. Я. Сендеровича [16], посвящённое культурному комплексу св. Георгия Победоносца, включающему, в частности, иконографию, житийные и литургические церковные тексты, официальный церковно-государственный культ, народный культ святого.

Большой вклад в развитие темы образа Георгия Победоносца в народной культуре внесли русские учёные XIX в., в т. ч. историк литературы и филолог А. И. Кирпичников [9], исследователь русского и славянского фольклора А. С. Фаминцин [22], историк и литературовед А. Н. Афанасьев [1].

Как известно, понятие «культ» означает «служение божеству и связанные с этим действия, обряды»². В почитании св. Георгия особенно ярко такой культ проявился в бытовой жизни крестьян, что подтверждают данные этнографии.

Для изучения традиции почитания св. Георгия особо показательны материалы этнографических исследований крестьянского быта XIX в. Сюда входят обзорные работы историков и этнографов, различные тематические сборники и отдельные заметки исследователей жизни и быта крестьянства.

Как отмечает С. Я. Сендерович, только отчёт «о всех зарегистрированных фольклористами и этнографами местных легендах, поверьях, приметах и обрядах, связанных с Георгием и обоими его днями, потребовал бы объёмистого тома» [16, с. 86].

Из ранних работ российских этнографов и фольклористов первой половины XIX в. в этом отношении представляют

¹ Толстой Н. И. Георгий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1 М.: Международные отношения, 1995.

С. 496–498.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 313.

интерес работы А. Н. Терещенко [20], И. М. Снегирева [18] и И. П. Сахарова [17].

Важным источником этнографических данных по жизни и быту русского крестьянства второй половины XIX в. являются материалы журнала «Этнографическое обозрение», издававшегося Этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ). В его номерах содержатся отчёты многочисленных корреспондентов, собиравших сведения о народной жизни в самых различных местах Российской империи.

В настоящей статье использованы, в частности, материалы этнографического обзора С. Я. Дерунова, «пошехонского старожила», опубликованные под общим заголовком «Очерки Пошехонья» [6], а также М. К. Герасимова, описавшего некоторые обычаи крестьян Новгородской губернии [5]. Кроме того, примеры традиций, связанных с почитанием св. Георгия, были взяты из этнографических исследований Вологодской губернии Н. А. Иваницкого [8], также проанализированы опросы, разосланные Этнографическим отделом ИОЛЕАЭ в центральные губернии России, систематизированные Д. Н. Ушаковым [21], сборник народных заговоров Л. Н. Майкова [11].

Традиция почитания святого совпала с датой его кончины по христианскому календарю – 23 апреля по старому стилю – это так называемый в народе «весенний Егорий (Юрий)», являющийся одним из двух праздников, относящихся к почитанию св. Георгия. Помимо «весеннего» существовал и «осенний Егорий». Дата его празднования была установлена Ярославом Мудрым (в крещении Георгий). В 1037 г. в честь победы над печенегами князь начал строительство Георгиевского монастыря в Киеве. В нём Ярослав возвёл храм св. Георгия (не сохранился), который располагался напротив ворот собора Святой Софии. День освящения

этого храма – 26 ноября по старому стилю – по повелению князя Ярослава стал праздноваться по всей Руси.

Исследователями выдвигались различные версии о том, элементы поклонения каким божествам вошли в традиции почитания св. Георгия. Так, А. С. Фаминцин считал, что этот святой был наделён чертами языческого бога солнца. Тем не менее рассуждения о сходстве святого с теми или иными языческими божествами являются, как правило, лишь предположениями. Веских доказательств, был ли культ какого-либо конкретного языческого божества заменён культом св. Георгия, на наш взгляд, на данный момент не существует. Тот же А. С. Фаминцин нашёл в культе святого черты почитания не только бога солнца, но и других богов, в частности, древнеиталийских «сельских богов», покровителей скота Фавна-Луперка и Сильвана, лесного духа «Полисун» у белорусов, Лада – бога согласия, любви, веселья [22, с. 324, 328, 330]. Это подтверждает сомнительность тезиса о замещении культом этого святого более раннего культа бога солнца. Тем не менее множество традиций и ритуалов, составляющих культ святого, безусловно, имели элементы языческих верований и носили языческий характер. Среди них – множество ритуалов, посвящённых защите имущества крестьянина, его скота, примеры многочисленных заговоров и других традиций и ритуальных действий.

О почитании св. Георгия в народе свидетельствуют множественные этнографические данные. Празднование дней святого в позапрошлом веке было повсеместным. Данные исследований свидетельствуют о популярности в первую очередь так называемого «весеннего Егория». В сельской местности в этот день совершались различные ритуалы и обряды, связанные не только с именем святого, но и с началом ежегодного сельскохозяйственного цикла. В свою очередь, «осенний» Егорий ассоциировался с окончанием сельскохозяйственных работ.

О важности для крестьян наступления «весеннего Юрья» говорят и пословицы: «Пришёл Егорий, и весне не уйти», «Юрий на порог – весну приволок» [16, с. 86]. Использование в названии праздника различных имён святого связано с тем, что имя Георгий имело у восточных славян несколько вариантов, в т. ч. Егор, Егорий, Юрий. В русских летописях также встречаются варианты Гюрги, Дюрди, Юрята, Ирьи [16, с. 80].

«Весенний Егорий», как правило, – день первого выгона скота в поле. Традиционно в этот день проводились молебны, устраивались крестные ходы. В центральной и северной частях России молебны проводились при студенцах (родниках), у рек, лугов [17, с. 23], их служили на засеянных полях, где окропляли нивы святой водой. В Тульской губернии крестьяне служили молебны у колодцев [18, с. 75].

Во многих областях России на «весеннего Егория» устраивали крестный ход и обедню с освещением хлеба, затевались гулянья с играми. В Ярославской губернии, как сообщено в одном из источников, «после утрени крестный ход идёт вокруг села, а затем останавливается на конце селения, у того поля, в которое назначен выгон скота. Мужчины ведут на поводах коней, а женщины гонят скот с дворов мимо крестного хода; священник окропляет скот водой» [6, с. 83]. На севере, в Архангельской губернии, завершался праздник «пиршествами по домам», семейным застольем, к которым готовили блюда из яиц, пекли пироги [18, с. 74; 20, с. 30].

Празднование было массовым, сопровождалось ярмарками, играми молодёжи. В Смоленске жители, как сообщает Снегирёв, выходили в этот день «прохлаждаться на горы» [18, с. 75]. В Курске на Юрьев день торговали на ярмарке деревянными и глиняными коровками, другими фигурками животных [18, с. 74].

Св. Георгий, согласно народным поверьям, являлся покровителем скота. По-

этому традиции и ритуалы, связанные с выпасом скота, в этот день были не случайны. Св. Георгию крестьяне молились о защите и сохранении скота.

А. И. Кирпичников высказывал мнение, что такие чудеса жития святого, как воскрешение мёртвых, пустивший ростки столб, оживление быка и др. способствовали культу св. Георгия «как покровителя растений и домашнего скота», а христианские ритуалы, церковные песнопения и поучения закрепляли связь святого «с весной, с работами крестьянина и его главным богатством – скотом» [9, с. 146].

Помимо окропления скота святой водой и выгона его в поле вербою, освящённую в Вербное воскресенье, выпекали к дню святого и особый каравай – моленник, который жертвовался пастуху, а часть от него пастух уже отдавал скоту [1, с. 708; 9, с. 134; 18, с. 75].

В Вологодской губернии существовал ритуал, когда скот в этот день 3 раза обходили с иконой св. Георгия и зажжённым ладаном. Выгоняя скот первый раз в поле, хозяин или хозяйка снимали с себя пояс и клали его на землю вдоль «подворотки» (пространство под воротными затворами), где проходит скот, чтобы скотина перешагнула через него, выходя со двора. Хозяйка дома при этом говорила: «как этот пояс держится меня, так бы и скотина держалась моего дому, отныне и вовеку, аминь» [8, с. 40]. В качестве ритуальных действий вместе с поясом на землю клали и другие предметы: нож, топор, нательный крест [8, с. 40].

В Санкт-Петербургской губернии (Лужский уезд) в этот день после обеда три 3 раза обходили свой скот, держа в руках «образ» (икону), яйцо и топор. Затем яйцо зарывали в навоз, топор клали под порог и гнали скотину освящённой вербой [9, с. 134].

В день св. Георгия крестьяне в Рязанской губернии не работали, чтобы волки не трогали скота [21, с. 147, 199]. А в Курской и других губерниях крестьяне ниче-

го не выделявали из овечьей шерсти перед праздником, как весной так и осенью, «чтобы волки не поели овец» [1, с. 711].

В Костромской губернии крестьяне выходили ночью петь песни с припевами о сохранении своих стад [18, с. 74]. Егория Храброго «окликали» вместе с другим святым – преподобным Макарием – песней, в которой просили:

«Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый!
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотину
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого» [20, с. 31].

В Вологодской губернии пастухи, чтобы обезопасить скот от всяких болезней и от хищников с зажжённой свечой и иконой св. Георгия также делали обход вокруг поля и пастбища («поскотины»). В некоторых селениях пастухи обходили своё пастбище с железным замком и зарывали этот замок в «прогоне» (дорога, обнесённая изгородью, по которой гнали скот на пастбище, на водопой), чтобы не ворвались волки и другие хищные звери. Другие – остригали по несколько волосков шерсти от каждой коровы, чтобы скотина держалась вместе [8, с. 38–39]. В некоторых местах коровам остригали в этот день хвосты [8, с. 40].

Считалось, что «Егорий настолько милостив к человеку, что если его попросить, то он и накормит и охранит скот от зверя» [8, с. 40].

Символика, значение отдельных ритуальных действий и предметов в день св. Георгия рассмотрены А.И. Кирпичниковым. Топор имеет в них смысл как орудие из железа, «как продукт железного

века, защищающий человека или его имущество от враждебных сил» [9, с. 146]. Замок и ключ, по мнению исследователя, имели такой же смысл, но функция замка также и в том, чтобы «замыкать уста диким зверям», а ключ – «символ того ключа, которым Егорий отмыкает росу или землю» [9, с. 146] в начале весеннего сельскохозяйственного цикла. Яйцо – «символ неба и земли, солнца, начала жизни» [9, с. 147].

В Архангельской губернии св. Георгий почитался также «конским богом», а Егорьев день – «конским праздником» [22, с. 309]. Лошадей в этот праздник приводили к церкви, священники читали молитвы и кропили их святой водой. В Пронском уезде Рязанской губернии подрезали хвосты и гривы лошадям [21, с. 147, 199]. В этот день в некоторых местах при выгоне скота в поле гладили лошадь от головы до хвоста пасхальным яйцом и приговаривали: «Как яичко гладко и кругло, так моя лошадушка будь и гладка и сыта!» [1, с. 538; 9, с. 135].

В народных поверьях св. Георгий являлся также покровителем пастухов. В этот день их угощали пирогами, яйцами, молоком, одаряли «холстом и деньгами» [1, с. 708; 20, с. 29]. В Ярославской губернии существовал ритуал обливания пастуха водой, чтобы он не дремал летом [9, с. 134].

И. М. Снегирёв обращал внимание, что имя Георгий имеет греческое происхождение – «земледелец», «селянин» [18, с. 68]. Не случайно, по всей видимости, комплекс ритуалов на день памяти святого был посвящён и будущему урожаю. В некоторых местах ходили «вокруг села и поля со святыми образами» [18, с. 75], во Владимирской губернии с пением ставили вокруг пашни образа и свечи:

«Воскликнем те, братцы!
Святую куралесу.
Дай же, Боже, нам
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту» [18, с. 75].

Этот день у крестьян был связан и с началом посевной страды. Во многих местах – на севере и в центральной России – после праздника приступали к севу яровых, ячменя, овса, ржи, посадке огородных растений [18, с. 76; 20, с. 30].

В Вологодской губернии «предпосевной» ритуал выглядел следующим образом. Хозяин дома приносил чашку ржи. В рожь ставили икону св. Георгия, перед ней – зажжённую свечу и с нею – вербу. Затем, заткнув за кушак топор, с чашкой ржи в руках хозяин обходил свой дом 3 раза. После этого рожь относилась в церковь и отдавалась в пользу причта, а вербу бросали в водоём [8, с. 33].

В некоторых местах проходил крестный ход на засеянное поле и проводился ритуал – катались по хлебному полю, чтобы быть сильными и здоровыми, «как Юрьева роса» [17, с. 23]. Считалось, что роса в этот день имеет целебную и укрепляющую силу.

Св. Георгий рассматривался в народных поверьях не только как защитник скота от хищных зверей, но также и как повелитель волков. Согласно народным представлениям он собирает волков вокруг себя и определяет каждому, где и чем кормиться [1, с. 709]. **Пословица гласила:** «Что у волка в зубах, то Егорий дал» [18, с. 79]. **В некоторых местах существовала** соответствующая этому поверью традиция жертвоприношения скота. В селениях Среднего Поволжья в XIX в. весной перед первым выгоном скота на пастбище выходили в поле и выкликивали волка, спрашивая: «Волк, волк, скажи, какую животинку облюбуеть, на какую от Егорья наказ тебе вышел». После этого выкликивавшие заходили в овчарню, хватили в темноте первое попавшееся животное и приносили его в жертву. Зарезав овцу, бросали в поле отрубленные голову и ноги, остальное мясо использовали для приготовления пищи «для самих себя и для угощения пастухов» [10, с. 255].

Согласно народным представлениям св. Георгий был и защитником от злых

сил и иных вредоносных воздействий (болезни, порчи, «лихих» людей, разбойников). Например, в Пермском крае к святому обращались в заклинаниях как к защитнику молодожёнов от злых сил. Пока «поезжане», т. е. участники свадебного поезда, и жених собирались в путь, вежливец (колдун) обходил свадебную повозку и говорил шёпотом: «...Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица, Егорий Храбрый, со князем, со тысяцким, со большими боярами... ко княгине ехати, княгиню получитьи, с княгиней в Божью церковь доехати, закон Божий принять!...» [11, с. 26].

По поверьям, св. Георгий защищал и путников. В Симбирской губернии был записан заговор о защите от воров, разбойников при отправлении в путь: «Едет Егорий Храбрый на белом коне, златым венцом украшается, булатным копьём подпирается, с татем ночным встречается, речью с ним препирается: “Куда, тать ночной, идёшь?” – “Иду я людей убивать, купцов проезжих добывать”. А Егорий удал, ему дороги не дал, православных обороняет, в пути-дороге сохраняет» [11, с. 104].

В число тех, кому согласно народным представлениям покровительствовал св. Георгий относились и охотники [22, с. 328]. **К нему, наряду с другими святыми** и Михаилом Архангелом, обращались в одном из заговоров на удачную охоту: «Георгий Храбрый, садись на белого коня, бери шёлкову плётку и стегай не по пруткам, не по веткам, стегни по белым зайцам, по белой шерсти... и подите, побежите, белы звери, по своим тропам...» [11, с. 124].

Св. Георгий считался также покровителем невест. Спасение царевны в самом известном чуде святого – «Чуде о Змие» – могло способствовать почитанию святого как их покровителя [16, с. 85]. **Девушки** молились в Юрьев день о женихах и ходили в этот день нарядными, особенно «разубранными и разукрашенными» [22, с. 330]. **Была и соответствующая поговорка:** «наряжается словно баба на Юрья»

[13, с. 42]. **Существовала и практика гаданий** в этот день. В Новгородской губернии, по данным этнографов, девушки привязывали на день весеннего Егория красные лоскуты на берёзы, загадывая о своей будущей доле, а на Троицын день пускали этим лоскутки на воду [5, с. 124].

Народное отношение к святому как к борцу с нечистой силой проявлялось в самой разнообразной практике заговоров от порчи, сглаза и т. п. В такого рода заговорах часто обращались не только к св. Георгию, но и к другим святым: «...о батюшка истинный Христос, Михаил архангел, Гавриил архангел, Иван Богослов, Иван Предтеча, Георгий Храбрый, Николай святитель,... обставьте круг меня, раба Божия (имя рек), тын железный, верьи булатны на 120 верст, оком не окинуть, глазом не увидеть...» [11, с. 91].

Распространена была практика заговоров, которые, аналогично заговорам от болезней и порчи в отношении человека, были направлены на защиту скота от хищных зверей, болезней, порчи и прочих невзгод. Например, при обходе скота в заговоре обращались с просьбой к святым во главе с Иисусом Христом, включая и св. Георгия, научить защищать скот от различных хищников, от нечистой силы и злых духов, колдунов, от людей, которые могут причинить вред, как пастуху, так и стаду, защищать от «глаза и призору лихого человека» [11, с. 115].

Широкое распространение в народной культуре получило использование образа св. Георгия как святого покровителя Русской земли и народного защитника. Это проявилось, в частности, в устном народном творчестве, в так называемых духовных стихах.

Первую группу таких стихов составляли различные варианты пересказа темы победы Георгия над Змием. Вторую группу – различные стихи на тему мучений св. Георгия и спасения им русской земли. В них святой выступает как борец за христианскую веру и защитник земли Русской. Он совершает подвиги, прохо-

дит через мучения и пытки в плену у басурманского царя, а затем побеждает этого иноземного царя-захватчика и «стадо змеиное» (либо змея) и освобождает землю русскую от басурман, утверждая на ней христианскую веру. В итоге **св. Георгий берёт русскую землю под свою опеку:**

«Принимает он, Георгий Храбрый,
Ту землю светло-Русскую
Под свой велик покров.
Утверждает веру крещёную
По всей земле светло-Русской» [17, с. 26].

Почитание св. Георгия отразилось и в народных пословицах и поговорках. В некоторых подчёркиваются его функции, важность покровительства святого: «Св. Юрий коров запасает», т. е. выпускает их на пастбище, «Егорий да Влас всему богатству глаз» [1, с. 706].

Заключение

Изучение и понимание особенностей и закономерностей развития традиций почитания святых позволяет понять механизмы формирования и развития религиозного мировоззрения, степень влияния на него пережитков более ранних религиозных культов и языческих верований. Ярким примером в этом плане является культ св. Георгия Победоносца.

Материал, рассмотренный и систематизированный в данной статье, в т. ч. на основе малоизученных данных этнографии XIX в., даёт представление о традициях почитания святого в XIX в., позволяет достоверно определить наличие признаков двоеверия в религиозном мировоззрении русского крестьянина в указанный период.

Информация, изложенная в статье, может быть полезна как в плане изучения истории почитания этого святого, традиций двоеверия, так и других, связанных с этим явлением проблем развития религиозного сознания в России.

Дата поступления в редакцию 18.05.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М.: Издание Солдатенкова, 1865. 803 с.
2. Вилинбахов Г. В., Вилинбахова Т. Б. Святой Георгий Победоносец (Образ святого Георгия Победоносца в России). СПб.: Искусство-СПБ, 1995. 158 с.
3. Вороховов А. В., Мякинин А. Е., Горбатовский Н. Е. Проблема двоеверия на Руси в отечественной историографии: анализ базовых концепций. // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2019. Вып. 3 (13) С. 20–28.
4. Галинская И.Л. Образ Георгия Победоносца в культуре России // Вестник культурологии. 2010. № 3. С. 87–90.
5. Герасимов М. К. О некоторых обычаях и верованиях крестьян Череповского уезда Новгородской губернии // Этнографическое обозрение. 1895. № 4. С. 122–126.
6. Дерунов С. Я. Очерки Пошехонья. 4. Обрядность обыденной жизни // Этнографическое обозрение. 1898. № 4. С. 81–84.
7. Дмитриев Д. В. Культ Богоматери в современной России: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Санкт-Петербург, 2017. 34 с.
8. Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России Вып. 2. / под ред. Н. Харузина. М.: тип. А. Левенсон и К°. 1890. 234 с.
9. Кирпичников А. И. Св. Георгий и Егорий Храбрый: Исследование литературной истории христианской легенды. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. 193 с.
10. Коринфский А. А. Народная Русь. Красный год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. 723 с.
11. Майков Л. Н. Великорусские заклания. СПб.: Типография Майкова, 1869. 164 с.
12. Некрасова М. А. Образ всадника воина святого Георгия эмееборца. Его сакральный смысл в искусстве славянских народов как источника жизненных начал // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2009. Т. 185. С. 15–27.
13. Петрушевич А. С. Общерусский дневник церковных, народных и семейных праздников и хозяйственных примет и гаданий. Львов: Институт Ставропигийского, 1866. 104 с.
14. Розина О.В. Двоеверие: библейский образ пророка Илии в сознании русского народа // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы научно-практической конференции / под ред. А. М. Ходырева. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 49–54.
15. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
16. Сендерович С. Я. Георгий Победоносец в русской культуре. Страницы истории. М.: Аграф, 2002. 366 с.
17. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2. Кн. 7. СПб.: Тип. Сахарова, 1849. 676 с.
18. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды: вып. 1–4. М.: Унив. тип., 1838. Вып. 3. 216 с.
19. Снегирева С. Д. Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2020. 26 с.
20. Терещенко А.Н. Быт русского народа. Т. VI. СПб, 1848. 225 с.
21. Ушаков Д. А. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение: периодическое издание Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. 1896. № 2-3. С. 146–205.
22. Фаминцин А. С. Божества древних славян. СПб.: Типография Арнтгольда, 1884, 331 с.

REFERENCES

1. Afanasiev A. N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. T. 1* [Poetic views of the Slavs on nature. Vol. 1]. Moscow, Izdaniye Soldatenkova Publ., 1865. 803 p.
2. Vilinbakhov G. V., Vilinbakhova T. B. *Svyatoy Georgiy Pobedonosets (Obraz svyatogo Georgiya Pobedonostsa v Rossii)* [St. George the Victorious (Image of St. George the Victorious in Russia)]. St. Petersburg: Art-SPB Publ., 1995. 158 p.

3. Vorokhobov A. V., Myakinin A. E., Gorbатовsky N. E. [The problem of double faith in Russia in Russian historiography: analysis of basic concepts]. In: *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoy Dukhovnoy Seminarii* [The Lord's Field. Bulletin of Penza Theological Seminary], 2019, iss. 3, pp. 20–28.
4. Galinskaya I. L. [The image of George the Victorious in the culture of Russia]. In: *Vestnik kulturologii* [Bulletin of Culturology], 2010, no. 3, pp. 87–90.
5. Gerasimov M. K. [About some customs and beliefs of the peasants of the Cherepovsky district of the Novgorod province]. In: *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 1895. No. 4, pp. 122–126.
6. Derunov S. Ya. [Essays on Poshekhonya. 4. Rituals of everyday life]. In: *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 1898, no. 4, pp. 81–84.
7. Dmitriev D. V. *Kult Bogomateri v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [The cult of the Mother of God in modern Russia: abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophy sciences]. St. Petersburg, 2017. 34 p.
8. Ivanitsky N. A. [Materials on the ethnography of the Vologda province]. In: Kharuzin N., ed. *Sbornik svedeniya dlya izucheniya byta krestyanskogo naseleniya Rossii. Vip. 2* [Collection of information for studying the life of the peasant population of Russia. Iss. 2]. Moscow, tip. A. Levenson i K^o, 1890. 234 p.
9. Kirpichnikov A. I. *Sv. Georgiy i Yegoriy Khrabryy: Issledovaniye literaturnoy istorii khristianskoy legendy* [St. George and Yegoriy the Brave: A study of the literary history of the Christian legend]. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva Publ., 1879. 193 p.
10. Corinsky A. A. *Narodnaya Rus. Krasnyy god skazaniy, poveriy, oby chayev i poslovits russkogo naroda* [People's Rus'. The red year of legends, beliefs, customs and proverbs of the Russian people]. Moscow, Izdaniye knigoprodavtsa M. V. Klyukina Publ., 1901. 723 p.
11. Maykov L. N. *Velikorusskiye zaklinaniya* [Great Russian spells]. St. Petersburg, Tipografiya Maykova Publ., 1869. 164 p.
12. Nekrasova M. A. [The image of the rider of the warrior St. George the snake fighter. Its sacred meaning in the art of the Slavic peoples as a source of vital principles]. In: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2009, vol. 185, pp. 15–27.
13. Petrushevich A. S. *Obshcherusskiy dnevnik tserkovnykh, narodnykh i semeynykh prazdnikov i khozyaystvennykh primet i gadaniy* [All-Russian diary of church, folk and family holidays and household signs and fortune-telling]. Lvov, Institut Stavropigiyskogo Publ., 1866. 104 p.
14. Rozina O. V. [Dual faith: the biblical image of the prophet Elijah in the minds of the Russian people]. In: Khodyrev A. M., ed. *Voprosy otechestvennoy i zarubezhnoy istorii, politologii, sotsiologii, teologii, obrazovaniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Issues of domestic and foreign history, political science, sociology, theology, education: materials of the scientific-practical conference]. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2019, pp. 49–54.
15. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevney Rusi* [The paganism of ancient Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 783 p.
16. Senderovich S. Ya. *Georgiy Pobedonosets v russkoy kulture. Stranitsy istorii* [George the Victorious in Russian culture. History pages]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 366 p.
17. Sakharov I. *Skazaniya russkogo naroda. T. 2 Kniga 7* [Legends of the Russian people. Vol. 2. Book 7]. St. Petersburg, Tip. Sakharova Publ., 1849. 676 p.
18. Snegirev I. M. *Russkiye prstonarodnyye prazdniki i suyevnyye obryady* [Russian folk holidays and superstitious rites]. Moscow, Univ. tip. Publ., 1838. Iss. 3, 216 p.
19. Snigireva S. D. *Staroobryadchestvo i sektantstvo v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk* [Old Believers and sectarianism in the works of F. M. Dostoevsky: abstract of Cand. Sci. thesis in Philology sciences]. Moscow, 2020. 26 p.
20. Tereshchenko A. N. *Byt russkogo naroda* [Life of the Russian people. T. VI]. St. Petersburg, 1848. 225 p.
21. Ushakov D. A. [Materials on the folk beliefs of the Great Russians]. In: *Etnograficheskoye obozreniye: periodicheskoye izdaniye Etnograficheskogo otdela Imperatorskogo obshchestva lyubiteley yestestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete* [Ethnographic Review: periodical of the Ethnographic Department of the Imperial Society of Natural Science, Anthropology and Ethnography Lovers, affiliated to Moscow University], 1896, no. 2-3, pp. 146–205.
22. Famintsin A. S. *Bozhestva drevnykh slavyan* [Deities of the ancient Slavs]. St. Petersburg, Tipografiya Arntgolda Publ., 1884. 331 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завадский Дмитрий Александрович – независимый исследователь;
e-mail: dzav15@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Zavadskiy – Independent researcher;
e-mail: dzav15@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Завадский Д. А. Народное почитание святого Георгия Победоносца и традиции двоеверия в России в XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 44–55.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-44-55

FOR CITATION

Zavadsky D. A. Popular worship of St. George and traditions of double belief in Russia of 19th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 44–55.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-44-55

УДК 82.09:130.2:2

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-56-65

ИДЕИ МЕССИАНСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ РОССИИ В ПИСЬМАХ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Путилин И. А., Реснянский С. И.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить, как отразились в письмах Ф. И. Тютчева идеи мессианского назначения России, как и под влиянием каких факторов формировались взгляды поэта на внешнюю политику, какова ценность выводов поэта в контексте современных событий.

Процедура и методы. Исследование построено на использовании методов, связанных с изучением источников личного происхождения. В ходе анализа писем Ф. И. Тютчева выявлены рассуждения поэта, касающиеся внешней политики России. Использование биографического метода позволило лучше понять мотивацию и систему взглядов поэта. Акцент был сделан и на историческом контексте и генезисе взглядов Тютчева.

Результаты. Установлено, что мессианские воззрения Ф. И. Тютчева нашли своё выражение в его письмах. Сделан вывод, что взгляды поэта на политику России были сформированы в процессе осмысления им опыта дипломатической службы, а также событий и тенденций развития стран Запада. Также показано, что замечания Ф. И. Тютчева и отражают распространённые в то время взгляды о России, Европе и славянах, и характеризуют его как самобытного мыслителя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Актуализирована проблематика особого назначения России, раскрыты мировоззренческое значение и прогностический потенциал воззрений Тютчева, выраженные в его письмах, в применении к актуальной геополитической ситуации и определению перспектив внешней политики России.

Ключевые слова: славянофильство, славянское единство, мессианство, Восточная Европа, австрославянизм

THE IDEAS OF MESSIANIC PURPOSE OF RUSSIA IN FYODOR TYUTCHEV'S LETTERS

I. Putilin, S. Resnyansky

State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal how Russian messianic ideas were reflected in Fyodor Tyutchev's letters, how and what influenced the formation of the poet's views on foreign policy, and the actual value of his conclusions in the context of current state of affairs.

Methodology. The research is based on the use of methods connected with the study of sources of personal origin. In the course of the analysis of F. I. Tyutchev's letters, the poet's arguments concerning Russia's foreign policy were revealed. The use of the biographical method made it possible to better understand the motivation and the poet's system of views. The emphasis was also placed on the historical context and the genesis of Tyutchev's views.

Results. It is stated that Russian messianic ideas were widely represented in Fyodor Tyutchev's letters. It is concluded that the poet's views on Russian policy were formed in the process of his diplomatic experience evaluation, as well as the events and trends in the development of Western countries. It is also demonstrated that Tyutchev's remarks reflect the quite common at that time views on Russia, Europe and the Slavs, and characterize him as an original thinker.

Research implications. The article actualized the problems of Russia's special purpose, and revealed the ideological significance and prognostic potential of Tyutchev's views expressed in his letters, as applied to the current geopolitical situation and the definition of prospects for Russia's foreign policy.

Keywords: Slavophilism, pan-Slavism, messianism, Eastern Europe, Austro-Slavism

Введение

Идеи мессианского назначения России представлены в трудах многих русских мыслителей XIX в. И это неслучайно: вопросы о месте России в мире, о том, что она должна дать миру, особо актуально звучали в контексте той эпохи. Эти вопросы напрямую вытекали из поисков национальной самобытности как выражения особого пути развития страны. Свои ответы на эти вопросы, породившие активную полемику в российском обществе, оставил и Ф. И. Тютчев.

В чём же заключена их ценность исходя из современных реалий? Проблема того времени имеет много общего с той, которая стоит перед российским обществом и сегодня. Соответственно, и ответы, данные столь незаурядным поэтом-мыслителем, как Ф. И. Тютчев, сохраняют свою актуальность и сегодня в контексте геополитического противостояния, которому мы являемся свидетелями. Более того, представляет особый интерес анализ наследия Ф. И. Тютчева с позиций знания о тех событиях, которые произошли после того, как мыслитель высказывал те или иные свои воззрения о месте России в мире и на её назначение.

Взгляды Ф. И. Тютчева являются предметом изучения различных авторов. Более того, речь идёт и о разных научных дисциплинах: от литературоведения и философии до политологии и истории. Так, например, А. С. Карцов сопоставляет внешнеполитические взгляды поэта с подходами, «которые в области международных отношений были свойственны русскому консерватизму» [5, с. 121],

а Я. В. Гердт анализирует мнение поэта о «геополитическом положении России» и «взаимоотношениях Востока и Запада» [3, с. 130]. Вместе с тем все эти исследования лишь косвенно касаются проблемы генезиса и развития идей мессианского назначения России в философско-политической концепции Ф. И. Тютчева.

Чем же идеи русского мессианства так важны и в чём состоит их отличие от «славянских» идеи или геополитических воззрений, которые стали объектами изучения других авторов? Идеи русского мессианства – комплекс концепций и взглядов, в которых раскрывается особое место и назначение России в мире. Таким образом, те же идеи «славянского единства» могут являться частью идей русского мессианства лишь в том случае, если автор связывает их осуществление с особой миссией России. То же самое можно сказать и о геополитических воззрениях Тютчева: важно выявить, как они связаны не только с расстановкой отдельных мировых держав в то время, но и с идеями особого назначения России.

Безусловно, задача данного исследования – не только описать структуру мессианских воззрений Тютчева, но и понять, в каких условиях они формировались и какой, исходя из этих идей, виделась поэту внешняя политика России в конкретных исторических условиях XIX в. Также стоит отметить, что в поле зрения авторов чаще всего попадают стихотворения поэта и незаконченный трактат «Россия и Европа»: вместе с тем, много важной информации о взглядах поэта содержат письма, в которых Тютчев неоднократно

размышлял о различных аспектах внешней политики.

Прежде чем подробно анализировать выражение идей русского мессианства в письмах Ф. И. Тютчева, стоит особо остановиться на его биографии. В письмах поэт неоднократно выражал своё отношение к внешней политике России. И это неудивительно, учитывая его дипломатическую службу: в 1822 г. он был «зачислен на службу в Государственную коллегию иностранных дел»¹. Более того, «за границей Тютчев пробыл более 20 лет» и хорошо познакомился с Европой. Но при этом поэт не стал западником, что не мог не отметить в биографии Тютчева славянофил И. Аксаков. Так, пишет И. С. Аксаков, несмотря на долгое пребывание за границей, тот не стал «... европеистом, т. е. приверженцем и проповедником идей европеизма, иначе, поглощения русской народности западную “общечеловеческую” цивилизацией»². И, хотя Тютчев оставался «в стороне... видоизменения в умственном строе русского общества», но, «возвратясь... с самостоятельно выношенной думой», удивительным образом «перескочил через все стадии... общественного двадцатилетнего движения» и «очутился... на... ступени»³ раннего славянофильства во главе с А. С. Хомяковым. Аксаков в своей биографии Тютчева подчеркнул мессианский характер воззрений поэта, который не только верил в «великое политическое будущее России», но также был убеждён «в высшем мировом призвании русского народа...»⁴. Безусловно, опыт, полученный в ходе дипломатической работы, дал ему возможность выразить свои взгляды на особое назначение России, опираясь не только на идеологические и культурные парадигмы русского мессианства, но и на понимание механизма междуна-

родных отношений и логики их исторического развития.

Отмечали это и его современники. Так, например, М. П. Погодин из опыта своего общения с Ф. И. Тютчевым утверждал, что «...никто в России не понимает так ясно, не убеждён так твердо, не верит так искренно в её всемирное, общечеловеческое призвание, как он»⁵. И истоки этого понимания всемирного призвания России стоит искать ещё в годы дипломатической службы Тютчева за границей. Г. И. Гагарин, «несмотря на взаимную антипатию», говорил, что его подчинённый, «коллежский асессор Тютчев, состоящий при посольстве в должности 2-го секретаря, – человек редких достоинств, редкой широты ума и образованности...»⁶. Действительно, во время своей служебной деятельности Тютчев уже проявил в своей профессиональной деятельности те качества, которые позволили ему впоследствии более полно и ясно сформулировать взгляд на особое место и назначение России в мире. По утверждению литературоведа и биографа поэта В. Кожина, «...в дошедших до нас документах дипломатической деятельности Тютчева глубина и точность анализа сочетаются с масштабной и твёрдой политической волей»⁷.

После возвращения из-за границы Ф. И. Тютчев, продолживший службу в Министерстве Иностранных Дел, заявил о себе как о талантливом публицисте, отстаивавшем в своих статьях интересы России. Так, анонимно опубликованная Тютчевым брошюра «Россия и Германия», ставшая ответом на книгу А. де Кюстина, заинтересовала Николая I, «который, как сообщил родителям Тютчев, “нашёл в ней

¹ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 8.

² Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1982. С. 311.

³ Там же. С. 311.

⁴ Там же.

⁵ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 329.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Кожин В. В. Пророк своему отечеству. [Электронный ресурс]. URL: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/prorok.htm> (дата обращения: 10.07.2022).

все свои мысли и будто бы поинтересовался, кто её автор»¹.

В контексте формирования мессианских идей важно и замечание А. М. Ранчина о том, что «публицистика Тютчева носила... мистически-историософский характер» [6, с. 94]: это в очередной раз подчёркивает то, что мыслитель не ограничивал себя рамками исключительно политической публицистики, пытаясь осознать духовные и ценностные причины происходящих событий. В свою очередь, и сама поэзия Ф. И. Тютчева имеет публицистический характер: он «создаёт много “зарифмованных лозунгов” или “публицистических статей в стихах”»², в которых поэт размышляет о судьбах России и славянского мира. Так, например, в стихотворении «Гус на костре» содержится призыв к чехам «не отвергать наследья своего», довершив «подвиг свой духовный и братского единства торжество», расплавив «на Гусовом костре неугасимом» последнее звено связи «с юродствующим Римом»³.

Опыт, полученный мыслителем во время дипломатической службы за границей, отразился не только в поэзии и публицистике Ф. И. Тютчева, но и в его личной переписке, в которой он делился своими мыслями относительно внешней политики России.

Россия и Европа в письмах Ф. И. Тютчева

Если говорить о Европе, то ещё в 1848 г. Ф. И. Тютчев писал П. А. Вяземскому, что Россия уже получила всё то, «что могло сделать и могло дать нам мирное подражание Европе» и «теперь никакой действительный прогресс не может быть достигнут без борьбы»⁴. Во враждебности

Европы к России поэт видел «величайшую услугу, которую она в состоянии нам оказать», т. к. к именно это было нужно, «чтобы принудить нас углубиться в самих себя, чтобы заставить нас осознать себя»⁵. Безусловно, всё это укладывалось и в религиозно-провиденциалистскую картину мира поэта, заметившего, что «это, положительно, не без промысла»⁶. Исходя из этого Тютчев приходит к выводу, созвучному идеям славянофилов о том, что «первое условие всякого прогресса – самопознание»⁷. В своём письме Ф. Н. Глинке Тютчев говорит о том, что «горькие, противные веку истины» на Западе могут поддержать «самостоятельные умы»⁸, но для Запада это может быть слишком поздно: так далеко зашёл «кризис тысячелетнего уклонения»⁹.

И в этой оценке Тютчев не был одинок: так, Н. В. Гоголь писал о более развитых странах, которые «получили форму и закалились в ней» в противовес России, которую он охарактеризовал как «... растопленный металл, не отлившийся в национальную форму», у которой есть шанс «оттолкнуть от себя нам неприличное и внести»¹⁰ новое.

Но в чём же проявлялся в XIX в. «кризис тысячелетнего уклонения», о котором упомянул в своём письме Тютчев? Так, В. П. Зверев в своей статье пишет, что адресата тютчевского письма, поэта Ф. Н. Глинку, тревожила в 30-е – начале 40-х гг «духовная смута», выражавшаяся в «распространении безверия, а затем атеизма и нигилизма, брожение умов замешанного на холодной закваске материализма» [4, с. 96], которая и привела Францию к революции 1848 г. Безусловно

¹ Лабанов С. Фёдор Тютчев: поэт, дипломат, политический публицист (к 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева) // Православие: [сайт]. URL: <https://pravoslavie.ru/77.html> (дата обращения: 30.06.2022).

² Там же.

³ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 244

⁴ Там же С. 285

⁵ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 285.

⁶ Там же. С. 285.

⁷ Там же.

⁸ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 5. М.: Издательский центр «Классика», 2005. С. 11.

⁹ Там же. С. 12

¹⁰ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990. С. 270–271.

но, волновали эти вопросы и Тютчева, что отметил и В. П. Зверев, говоря, что рассуждения о причинах революционных волнений Тютчева «во многом созвучны мыслям, выраженным Ф. Н. Глинкой» [4, с. 102]. Например, в записке 1848 г., направленной Николаю I, поэт отмечает антихристианский характер революции, а именно: замену «смирения» «духом гордыни», «благотворительности свободной и добровольной» – «вынужденной», братство «во имя Бога» – братством, налагаемым «страхом» [4, с. 102]. Как писал поэт, важную роль в усугублении этого кризиса сыграли «60 лет разрушительной философии» [4, с. 103]; и действительно, в революционных сдвигах на Западе, которых так опасались русские консервативные мыслители, не последнюю роль сыграли идеи европейских философов.

Но отправную точку в этом «кризисе уклонения» Запада Ф. И. Тютчев видел не в XVIII–XIX вв., а в гораздо более ранний период. Возможно, отношение Тютчева к Западу опиралось на тезис, что «богоотступничество, самоначалие и самочиние сами в себе несут наказание, рано или поздно всем ходом истории и внутренней логикой событий «свершается заслуженная кара за тяжкий грех, тысячелетний грех...»¹. Таким образом, именно в отделении католичества мыслитель видел первопричину этого кризиса западного мира.

Ф. И. Тютчев, как отмечает Б. Н. Тарасов, видел в католичестве 2 начала: собственно христианское и – папистское, причём в ходе истории происходит «возобладание и господство последней над первой»². И именно в папизме-то и заключены, по мнению поэта, корни враждебности Запада к России, т. к. «с папством раз навсегда, основываясь на тысячелетнем и трёхсотлетнем опыте, нет никакой

возможности ни для сделки, ни для мира, ни даже для перемирия...»³. Но какой же, исходя из этих идейных предпосылок, видел Тютчев подлинно национальную политику России в отношении Европы и всего мира?

Ф. И. Тютчев полагал, что политика нашей страны по отношению к Европе должна исходить из понимания того факта, что полное разрешение внутриевропейских конфликтов представляет угрозу для России. В письме Ю. Ф. Самарину поэт писал, что мы с «безумной поспешностью»⁴ стремимся к примирению держав, которые объединяются потом против России. Если вспомнить о том, какой была позиция Австрии в годы Крымской войны, во многом обязанной своим существованием помощи Российской Империи, становится понятным, на основе каких событий могло сформироваться данное утверждение Тютчева, которое, впрочем, не потеряло своей актуальности и сейчас. Вместе с тем Ф. И. Тютчев не мог не отметить, что чрезмерное усиление одной из стран Европы также несёт опасность для нашей страны. Так, несмотря на весьма критическое отношение к Наполеону III, Тютчев опасался «падения Франции». Он пишет в письме А. Ф. Аксаковой в 1870 г., что «...падение Франции, сколь ни заслужено оно глубоким внутренним разложением нравственного чувства, было бы тем не менее огромным бедствием со всех точек зрения, особливо же с точки зрения нашей собственной будущности»⁵.

Ф. И. Тютчев действительно оказался прав в своей оценке положения Франции, предвидев исход войны ещё до Седанской катастрофы, когда «в плен сдались 83 тыс. французских солдат и офицеров, включая императора Наполеона III» [2, с. 281]. Но в чём же заключалась опас-

¹ Тарасов Б. Н. Ф. И. Тютчев как христианский поэт и мыслитель // Православие: [сайт]. URL: <https://pravoslavie.ru/57573.html> (дата обращения: 30.06.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 315.

⁵ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 6. М.: Издательский центр «Классика», 2004. С. 390.

ность победы Пруссии? Тютчев утверждал, что «...насколько соперничество сил, образующих Западную Европу, составляет главнейшее условие...» будущности России, «...настолько же окончательный перевес одной из них над другой явится страшным камнем преткновения на открывшемся перед нами пути»¹. Безусловно, поэт делал такой вывод на основе истории: окончательный перевес наполеоновской Франции привёл к Отечественной войне 1812 г.

Поэт также опасался «неминуемого объединения Германии» и «пробуждение легендарного Фридриха Барбароссы». Как поэт, Ф. И. Тютчев признавал, что это будет «сцена величественная и прекрасная», но крайне нежелательная: «...я был бы в отчаянии, если бы мне пришлось стать её зрителем...»². Тютчев оказался прав в своей оценке дальнейших событий: 18 января 1871 г. была провозглашена Германская империя, а «пробуждение Барбароссы» привело к двум мировым войнам, в которые была вовлечена и Россия, а имя легендарного Фридриха будет носить план, который должен был положить конец существованию нашего государства.

Славянская тема в письмах Ф. И. Тютчева

Особое место в лирике Тютчева занимает «славянская» тема: не зря А. В. Мырикова и Б. А. Прокудин даже посвятили этому отдельную статью: «“Поэты славянства”: А. С. Хомяков и Ф. И. Тютчев о славянской взаимности».

Как же эта тема была отражена в письмах Тютчева? Поэт был уверен, что у славянских народов – большое будущее. Так, в 1843 г. в своём письме В. Ганке Тютчев заметил, что невозможно, посетив Прагу, не чувствовать, что здесь «под полупрозрачную пелену великого былого»

«зреет ещё большая будущность»³. В этом же письме, говоря про Россию, поэт отмечает, что «по мере развития народного самопознания растёт сочувствие с вами и с вашими». Это высказывание переключается с высказыванием К. С. Аксакова в 1842 г. в письме к А. Н. Попову про важность изучения славян, ведь «оно объясняет нам нас самих при изучении истории, законодательства и т. д.» [1, с. 45]. И это, безусловно, было так: и Тютчев, и славянофилы, задумавшиеся о пути России, о её самобытности, проявляли особый интерес и к другим славянским племенам, совершали поездки в австро-славянские земли. Но к каким же выводам пришёл Ф. И. Тютчев после знакомства со славянскими землями и как это отразилось в его письмах?

Исходной точкой воззрений Ф. И. Тютчева является представление об органическом единстве славян. И в письме Ю. Ф. Самарину Тютчев формулирует важнейшую задачу политики России в отношении славян: мы «далеки от цели», если славянские народы видят в России лишь силу «дружескую, союзную» даже, но «внешнюю»⁴. Достичь же этой, безусловно, мессианской цели можно только тогда, когда они осознают, «что составляют одно с Россией», т. к. связаны с ней «органической общностью», являясь частями «единого целого»⁵. Более того, опережая почти на век события, произошедшие после 1945 г. из-за усиления СССР, Ф. И. Тютчев пишет в письме М. П. Погодину о «лозунге завтрашнего дня» – «возрождении Восточной Европы», предлагающая отечественной печати «усвоить это слово» как «политический термин»⁶.

Как мы знаем, данный термин действительно прижился со временем и, более того, сохраняет свою актуальность

¹ Там же. С. 390.

² Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 6. М.: Издательский центр «Классика», 2004. 390 с.

³ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 278.

⁴ Там же. С. 314.

⁵ Там же.

⁶ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 6. М.: Издательский центр «Классика», 2004. С. 342.

и сегодня в социальных науках. Если же говорить о возрождении, то, несмотря на свой оптимизм относительно будущего славянских народов, поэт видел и объективные опасности на пути к единству, причём речь идёт не только о противодействии Запада.

В том же письме Ю. Ф. Самарину Ф. И. Тютчев говорил, что славянам, вероятно, придётся пройти ряд бедствий перед полным осознанием этого органического единства «целиком и со всеми последствиями»¹. Одну из угроз этому «органическому единству» Тютчев видит именно в дипломатии России. Ф. И. Тютчев подвергает критике дипломатических представителей России, без которых «наша проповедь» в славянском мире не может стать «последовательной и действенной»². По его мнению, обратить эту проповедь следует прежде всего на них. Если же говорить о причинах этого положения, то, несомненно, Ф. И. Тютчев, вслед за славянофилами, связывает это с недостатком народности: так он сравнивает нашу политику с человеком, «который потерял сознание своей личности», т. е. «кретином»³. Такая резкая, но объективная оценка, безусловно, свидетельствует о понимании поэтом геополитической ситуации в мире и особенностей ведения внешней политики, что, учитывая опыт дипломатической службы Тютчева, закономерно.

Требование от дипломатических представителей чёткого понимания целей политики России, без сознания ими её самобытности – вопросы, сохраняющие актуальность и сегодня. А наглядные примеры внешней политики людей, которые «потеряли сознание своей личности», можно обнаружить и в XX в., и в XXI в.: итоги внешнеполитического курса конца 80-х – 90-х гг. XX в. показывают,

какие могут быть у этого геополитические последствия.

Кроме того, поэт отмечает и негативную роль интеллигенции славянских народов: «есть у славянства злейший враг, и ещё более внутренний, чем немцы, мадьяры, поляки и турки» – «...так называемые интеллигенции»⁴. Эти интеллигенции не могут принять факта, что у «славянских племён нет и возможности самостоятельной исторической жизни вне законно-органической их зависимости от России». Более того, интеллигенция негативно влияет на славянские массы, инстинктивно понимающие важность России: «...на то и интеллигенция, чтобы развращать инстинкт»⁵. Конечно же, данная оценка, прежде всего, была связана с т. н. австрославянизмом, пытавшимся построить «славянское единство» без России на основе империи Габсбургов. Но, как показало дальнейшее развитие славянских народов уже после обретения независимости, данная оценка оказалась справедливой: нередко именно интеллигенция в славянских государствах становилась главным противником сближения с Россией, формируя антироссийские мифы.

Для поэта важно, чтобы славяне отвергали идею о якобы «неславянском» русском народе. В своём письме И. С. Аксакову поэт, реагируя на празднества в честь участников Славянского съезда, отмечает, что гости тронуты народным приёмом, а «теория пана Духинского оказывается вполне несостоятельной»⁶.

Выдвинутая польским автором теория доказывала «неславянское» происхождение русских. Безусловно, вызвана она была политическими причинами – противостоянием части польской интеллигенции, вылившейся в восстания 1830 г. и 1863 г., Российской империи – и

¹ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 314.

² Там же. С. 315.

³ Там же. С. 314.

⁴ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 6. М.: Издательский центр «Классика», 2004. С. 295.

⁵ Там же. С. 295.

⁶ Там же. С. 227.

носила явно антинаучный характер. Характерно, что данная теория продолжает использоваться в рамках антироссийской риторики и сегодня, а главными её трансляторами стали радикальные украинские националисты, впитавшие в себя эту риторику: например, украинский публицист В. Б. Белинский будет и в XXI в. утверждать, что Россия «не имеет никакого отношения к славянам»¹.

Заключение

Итак, мы видим, что Тютчев в своих письмах отразил распространённые в то время идеи воплощения мессианского назначения России через объединение славянских народов, но при этом указал и на ошибки, которые нужно избегать в достижении этой цели.

Современное положение России и других славянских государств показывает, что оценки процессов и подходы, предложенные поэтом в XIX в., сохраняют актуальность и сегодня. Действительно, вопросы самоидентификации славянских народов, роли России в европейских и общемировых геополитических процессах и веры в её мессианское назначение, на которые поэт пытался найти ответы, по-прежнему стоят перед российским обществом и властью.

Ф. И. Тютчев отмечал, что враждебность Европы даёт нам повод лучше познать себя, заложив тем самым основу для развития России: именно поэтому вопросы о месте и назначении России в мире сейчас приобретают, пожалуй, ключевое значение.

Кризис «тысячелетнего уклонения» Запада, о котором говорил поэт в XIX в., сейчас приобрёл ещё большие масштабы, что особенно наглядно видно в европейских странах на фоне кризиса такого важного общественного института как семья. Соответственно, это актуализи-

рует вопрос сохранения традиционных ценностей.

Кроме того, Ф. И. Тютчев формулировал цели политики России в отношении Европы, основывая своё мнение на анализе истории этих взаимоотношений и событий в Европе, свидетелем которых он был. Однако последующее историческое развитие не раз подтверждало и подтверждает актуальность выводов, сделанных поэтом в своих письмах: как полное разрешение внутриевропейских конфликтов, так и чрезмерное усиление одной из стран Запада представляет угрозу для Российского государства. И все эти угрозы не могут быть разрешены, если внешней политикой занимаются люди, которые «... потеряли сознание своей личности», т. к. не представляют ясно ни самобытности России, ни целей её политики.

Также в контексте последних геополитических изменений представляются важными замечания Ф. И. Тютчева и о явной недостаточности восприятия другими славянскими народами России как союзника без осознания ими органического единства с ней, и о негативной роли «местных интеллигенций», которые, как и предполагал поэт, поставили своей задачей борьбу с народным инстинктом – стремлением к сближению других славянских народов с Россией, и – о вреде и лжи теорий о якобы «неславянском» происхождении русского народа.

И, пожалуй, именно сегодня, после того как мы стали свидетелями многих событий, о которых ни Тютчев, ни его современники не могли знать, мы всё более и более убеждаемся в точности слов М. П. Погодина о том, что «никому не представлялись они [мысли] в таком цельном виде, так конкретно»², как этому самобытному русскому мыслителю.

Всё это позволяет посмотреть на фигуру и личность Ф. И. Тютчева по-новому, в полной мере отметив его как самобытного и интересного мыслителя,

¹ Украинское открытие: русские – не славяне // ИноСМИ: [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/ukraine/20110811/173220017.html> (дата обращения: 30.05.2022).

² Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 329–330.

как уникальное историческое явление. Поэтому нельзя не согласиться с оценкой Погодина идейного наследия поэта: «Как именно это случилось – это принадлежит к числу удивительных явлений русской жизни и истории»¹.

Дата поступления в редакцию 15.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова Е. И. Гоголь и братья Аксаковы: славянский вопрос в историко-культурной перспективе // Гоголь и славянский мир: сб. науч. статей / под. ред. В. П. Викуловой. М., 2017. С. 43–53.
2. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи: 1801–1914. М.: Европа, 2006. 668 с.
3. Гердт Я. В. Геополитические идеи Федора Ивановича Тютчева // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 1. С. 130–135.
4. Зверев В. П. О взаимоотношениях Ф. И. Тютчева и Ф. Н. Глинки // Литературоведческий журнал. 2004. № 18. С. 79–120.
5. Карцов А. С. Русский консерватизм во внешнеполитических взглядах Ф. И. Тютчева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2006. № 3. С. 121–129.
6. Ранчин А. М. Фёдор Тютчев: государственная служба поэта, публициста и историсофа // Государственная служба. 2014. № 4. С. 89–95.

REFERENCES

1. Annenkova E. I. [Gogol and the Aksakov brothers: the Slavic question in the historical and cultural perspective]. In: Vikulova V. P., ed. *Gogol i slavyanskiy mir* [Gogol and the Slavic world]. Moscow, 2017, pp. 43–53.
2. Airapetov O. R. *Vneshnyaya politika Rossiyskoy imperii: 1801–1914* [Foreign policy of the Russian Empire: 1801–1914]. Moscow, Europe Publ., 2006. 668 p.
3. Gerdt Ya. V. [Geopolitical ideas of Fyodor Ivanovich Tyutchev]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2005, no. 1, pp. 130–135.
4. Zverev V. P. [On the relationship between F. I. Tyutchev and F. N. Glinka]. In: *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary journal], 2004, no. 18, pp. 79–120.
5. Kartsov A. S. [Russian conservatism in the foreign policy views of F. I. Tyutchev]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships], 2006, no. 3, pp. 121–129.
6. Ranchin A. M. [Fyodor Tyutchev: public service of a poet, publicist and historiosophist]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], 2014, no. 4, pp. 89–95.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Путилин Иван Андреевич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Государственного университета просвещения;
e-mail: ivan.putilin.97@mail.ru

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Государственного университета просвещения, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов;
e-mail: s-r44@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan A. Putilin – Postgraduate student, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, State University of Education;
e-mail: ivan.putilin.97@mail.ru

¹ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 330.

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, State University of Education, Department of Russian History, Peoples' Friendship University;
e-mail: s-r44@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Путилин И. А., Реснянский С. И. Идеи мессианского назначения России в письмах Ф. И. Тютчева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: **История и политические науки**. 2023. № 2. С. 56–65.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-56-65

FOR CITATION

Putilin I. A., Resnyansky S. I. The ideas of messianic purpose of Russia in Fyodor Tyutchev's letters. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 56–65.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-56-65

УДК 94 (574) «1930/1940»

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-66-78

ФОРМИРОВАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕКЦИИ В КАЗАХСКОЙ АССР/ССР 1930-Х ГГ.

Рахматулина Е. Ю.

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический

и природно-ландшафтный музей-заповедник

070000, г. Усть-Каменогорск, ул. Бейбитшилик, д. 29, Республика Казахстан

Аннотация

Цель. На примере Казахской национальной художественной галереи имени Т. Г. Шевченко исследовать процесс формирования республиканской художественной коллекции второй половины 1930-х гг.

Процедура и методы. Методологической основой выступила теория модернизации, позволяющая рассматривать процесс формирования республиканской художественной коллекции как один из путей преобразования Советским государством социально-культурного пространства Казахстана. Для реализации задач исследования были применены историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Результаты. В результате изучения широкого круга источников выявлено, что в связи с особенностями институционального управления сферой искусства СССР 1930-х гг. механизм формирования художественной коллекции включал использование всесоюзных и республиканских нормативно-правовых и финансовых ресурсов, благодаря чему в Казахской ССР уже к концу 1930-х гг. были заложены основы экспозиции республиканского уровня.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщённый материал может быть использован для углублённого изучения культурной политики эпохи раннего сталинизма в республиках СССР, а также при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по новейшей истории Казахстана.

Ключевые слова: Всесоюзный комитет по делам искусств, изобразительное искусство, Казахская национальная художественная галерея имени Т. Г. Шевченко, система оценки произведений искусства, формирование художественных коллекций, художественный совет

FORMATION OF THE REPUBLICAN ART COLLECTION IN THE KAZAKH ASSR/SSR OF THE 1930S

E. Rakhmatulina

East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve

ul. Beibitshilik 29, Ust-Kamenogorsk 070000, Republic of Kazakhstan

Abstract.

Aim. To investigate the process of formation of the republican art collection in the second half of the 1930s, using the example of the T. G. Shevchenko Kazakh National Art Gallery.

Methodology. The methodological basis was the theory of modernization, which allows us to consider the process of formation of the republican art collection in the 1930s as one of the ways the Soviet state transformed the socio-cultural space of Kazakhstan. Historical-genetic and historical-comparative methods were used to implement the research objectives.

Results. As a result of studying a wide range of sources, it was revealed that due to the peculiarities of institutional management of the USSR art sphere in the 1930s, the mechanism for the formation of the art collection included in the use of All-Union and republican regulatory and financial resource, which made it possible to lay the foundations of the republican-level exposition in the Kazakh SSR by the end of the 1930s.

Research implications. The generalized material can be used for in-depth study of the cultural policy of the early Stalinism era in the USSR republics, as well as in the preparation of textbooks and lecture courses on the modern history of Kazakhstan.

Keywords: All-Union Committee for the Arts, fine arts, T. G. Shevchenko Kazakh National Art Gallery, the system of evaluation of works of art, the formation of art collections, Art Council

Введение

В условиях сложившегося литературоцентризма официальной советской культуры область социальной истории, посвящённая процессам развития и экономико-правового функционирования профессионального изобразительного искусства и различных художественных институций, не приобрела статус научно-исследовательского приоритета. Генетические основы данного явления восходили к «узловому» для Советского Союза периоду раннего сталинизма, т. е. к 1930-м гг., когда особое положение писателей, являвшихся по формулировке времени «инженерами человеческих душ», было закреплено на государственном уровне. Дополнительным препятствием для более широкого изучения функционирования художественных институций видится в самом предмете исследования, затрагивающим одновременно историческую науку, искусствоведение и основы музейного дела.

Исходя из общей конъюнктуры и специфики анализа предмета исследования, периферийное положение дел в сфере изучения художественных институций сохранялось довольно долго. Заметный прорыв в научном осмыслении художественного процесса эпохи сталинизма и его экономического содержания произошёл с распадом СССР. На рубеже XX–XXI вв. появились значительные труды Е. С. Громова [1], А. И. Мазаева [5], В. С. Манина [3] и других авторов, где с учётом обновлённых методологических подходов на основе широкой источни-

ковой базы были представлены различные аспекты культурной политики СССР эпохи 1930-х гг. В ряду современных исследований следует отметить монографию Г. А. Янковской [19], где в рамках институционального подхода рассмотрена социальная история художественного сообщества позднего сталинизма, для чего был проведён анализ социально-экономических основ советского художественного творчества, норм авторского права, специфики патрон-клиентских связей и т. д.

Вместе с тем существует определённый недостаток исследований регионального характера, касающихся ряда областей РСФСР и союзных республик, чья динамика развития и общие культурные императивы заметно отличались от российского центра. К числу таких республик относилась Казахская АССР/ССР, до 1936 г. входившая в состав РСФСР на правах автономии. Анализ казахстанской историографии свидетельствует о том, что первоначальный вклад в развитие знаний о культурных процессах 1930-х гг. был привнесён советскими историками и искусствоведами. В работах И. П. Трайнина [15], Р. Б. Сулейменова, Х. И. Бисенова [14] пристальное внимание получили проблемы культурных инноваций эпохи, прослеженные через развитие республиканской творческой интеллигенции и различных видов профессионального искусства, в т. ч. изобразительного.

В то же время научные наработки по проблематике социокультурных процессов довоенного периода, представ-

ленные в современной историографии Казахстана, достаточно фрагментарны. Наблюдается пробел в трудах обобщающего характера, слабо охарактеризованы сюжеты социальной истории, рассматривающие функционирование республиканских художественных институций в период формирования плановой экономики, механизмы их взаимодействия с властными центрами. Некоторые аспекты художественной жизни республики выявляются в публикациях искусствоведов. Так, в работе Е. Г. Малиновской [4] научному осмыслению подвергся генезис казахстанского арт-рынка и коллекционирования. В статьях Г. Н. Сарлыбаевой [12], И. А. Школьной [17] затронуты проблемы комплектования фонда казахской государственной художественной галереи, активная фаза которого пришлась на середину и вторую половину 1930-х гг. Публикация ставит целью внести коррективы в имеющийся историографический пробел, выявить специфику нормативно-правовых, финансовых аспектов процесса формирования художественной коллекции республиканского уровня в Казахской ССР второй половины 1930-х гг. на примере Казахской национальной художественной галереи имени Т. Г. Шевченко.

Методологической основой данного исследования выступила теория модернизации, позволяющая рассматривать процесс формирования республиканской художественной коллекции в 1930-е гг. как один из путей преобразования Советским государством социально-культурного пространства Казахстана, придавший позитивный импульс развитию собственной музейной и художественной инфраструктуре.

Содержание процесса формирования художественной коллекции представлено на двух уровнях – государственном и локальном (музейном). В исследовании под термином «формирование» понимается процесс по выявлению и сбору музейных предметов без рассмотрения

таких составляющих процесса, как учёт и научное описание предметов.

Нормативно-правовые основы и механизмы государственного формирования художественных коллекций в 1930-е гг.

Известно, что в раннесоветский период формирование музейных фондов во многом определялось процессами экспроприации (национализации, конфискации культурных ценностей убогших частных владельцев) и зависело от механизмов распределения внутри государственной музейной сети [10, с. 14]. В связи с национализацией многочисленных художественные ценности, поступавшие из дворцов, усадеб, церквей, частных особняков, коллекций и галерей стали стекаться в хранилища Москвы и Петрограда [7, с. 44]. Одновременно начался процесс активного использования механизмов расформирования/слияния музейных коллекций, что имело место как в центре, так и на периферии. Например, данным путём, т. е. через перераспределение и слияние значительной части фондов Оренбургского историко-краеведческого музея с Жетысуйским (Семиреченским) областным музеем в 1921 г. была создана первая коллекция Центрального Государственного музея Казахской АССР. Отправной точкой послужило административно-территориальное размежевание автономных республик РСФСР [9]. К 1922 г. работа по формированию музейных собраний путём национализации была фактически завершена [10, с. 12].

Отметим также, что за дело учёта, хранения музейной сети страны до середины 1930-х гг. отвечал Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос). Однако с 1936 г. в связи со сложными структурно-институциональными реформами в сфере управления культуры и искусства СССР центральным руководящим органом назначался Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР (ВКИ,

Всесоюзный комитет). Пополнение коллекций периферийных художественных музеев перешло из ведения Наркомпроса в ведение Управления изобразительного искусства Всесоюзного комитета по делам искусств и его профильных комиссий и секторов (центральной закупочной и распределительной комиссий, а также музейного сектора ВКИ)¹. В республике вопросами искусства, в т. ч. формированием художественных коллекций, занималось Управление по делам искусств при СНК КазАССР/КазССР. Функции по популяризации и презентации изобразительного искусства определялись за Казахской национальной художественной галереей имени Т. Г. Шевченко, образованной в 1935 г.²

В отличие от Центрального государственного музея, художественная галерея в Алма-Ате на момент своего образования не получила бонуса в виде готового музейного собрания, и создание собственной коллекции республиканского уровня стало приоритетным направлением деятельности для политического руководства республики. Дополнительная трудность процесса создания коллекции была обусловлена региональной спецификой и отсутствием развитых художественных традиций в поле профессионального изобразительного искусства.

1 ноября 1936 г. выходит Постановление Казкрайкома ВКП (б) «О развитии изобразительного искусства Казахстана». В документе указывалось, что пополнение для национальной галереи наряду с передачей из музеев республики экспонатов, имеющих художественную ценность, должно проходить: «...как за счёт собираемых старых ценностей, так и путём приобретения новых художественных

полотен, отображающих казахский быт в прошлом и строительство социалистической Казахской Республики. К работе над этими темами необходимо привлечь путём индивидуальных заказов крупных мастеров советского изобразительного искусства»³.

С середины 1930-х гг. данный вектор процесса формирования был ясно обозначен: основными путями пополнения фондов для региональных и республиканских галерей стали приобретение новых произведений, а также частичное перераспределение музейных коллекций, сконцентрированных в ведущих музеях. Как показывают архивные документы, приобретение картин проводилось централизованно за счёт средств, выделяемых Центральной закупочной комиссией ВКИ, и в ряде случаев было приурочено к значимым советским празднованиям. Процедура включала 2 основных этапа: подачи заявки с мест (с указанием фамилии талантливого местного художника, названием и параметров работ, а также предполагаемыми ценами) и этапа рассмотрения. Если материалы с мест совпадали с требованиями чиновников, то на счёт дирекции музея/галереи переводилась требуемая сумма⁴.

Наряду с централизованным вариантом финансирования в системе ВКИ широкое применение нашла процедура частичного перераспределения художественных коллекций. Как эффективное средство пополнения фондов региональных музеев данная мера была озвучена в конце 1920-х гг. и принята в основополагающем нормативно-правовом документе музейного строительства в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР № 230 от 20.08.1928 г. «О музейном строительстве в РСФСР». Констатируя наличие существенных пробелов в коллекциях музеев,

¹ Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 150.

² В 1939 г., в год 125-летия Т. Г. Шевченко, художественной галереи было присвоено его имя, позднее галерея была переименована в Государственный музей изобразительных искусств им. А. Кастеева.

³ Культурное строительство в Казахстане (1933–июнь 1941 гг.): сб. док-ов и мат-ов. Т. 2 / сост. М. А. Абдулкадырова и др.). Алма-Ата: Казахстан, 1985. С. 222–223.

⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф. 1792. Оп.1. Д. 17. Л. 14.

ВЦИК и СНК РСФСР поручали Наркомпросу: «принять меры к их устранению путём перераспределения основных музейных коллекций, усиления собирательской деятельности музеев и обеспечения музеев возможности приобретения недостающих экспонатов¹. С выходом Постановления начался этап активного перераспределения музейных ценностей. Данное направление было продолжено и закреплено в следующем Постановлении ВЦИК от 01.01.1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР». В рамках реализации правительственных Постановлений перераспределение шло как от центральных музеев в местные, так и наоборот [10, с. 129]. Известно, что за период 1925–1931 гг. художественным отделом Государственного Русского музея было выдано около 1 тыс. произведений живописи из наличного фонда в 4 тыс. ед. для организации постоянных экспозиций провинциальных музеев страны [9, с. 129].

На основании принятых документов, а также специальных приказов Всесоюзного комитета по делам искусств за 1935–1936 гг. в Казахскую национальную художественную галерею на безвозмездной основе из центральных музеев Москвы и Ленинграда поступили полотна ведущих русских и западноевропейских художников. В 1935 г. только из Государственной Третьяковской галереи было передано 87 живописных произведений XVIII–XIX вв. **Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, В. А. Тропинина, С. Ф. Щедрина, А. А. Иванова, И. И. Шишкина** и других авторов. Из Государственного Русского музея поступило 187 произведений, выполненных в различных техниках: живопись, графика, скульптура. В 1936 г. было передано 98 произведений из Государственного Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина [17, с. 116]. К 1938 г. число экспонатов Ка-

захской национальной художественной галереи уже составило 1390 ед. хранения [17, с. 115]. Передаче из центральных художественных музеев подлежали работы так называемого «запаса Б», куда относились произведения, не представляющие интереса для цельной коллекции музеев, выпадающие из плана научной работы, дублиеты, лишние экземпляры².

В 1937 г. акции по перераспределению были продолжены. По приказу Всесоюзного комитета по делам искусств № 548 от 11 сентября 1937 г., приписанные к «запасу Б» произведения искусства центральных музеев (за исключением Государственного Эрмитажа), с 1 сентября по 15 октября передавались в региональные галереи. Ответственным за проведение передачи назначался музейный сектор Всесоюзного комитета. Условиями для выдачи в т. ч. были обязательства размещения всех работ в действующие экспозиции, а также хорошо организованный надзор и охрана картин³. В состав комиссии по распределению входили маститые эксперты, директора крупнейших музеев и представители Всесоюзного комитета по делам искусств: И. Н. Угаров – от ВКИ, К. А. Ситник – от ВКИ, Б. Н. Терновцев – директор Государственного музея нового западного искусства, В. А. Эйферт – директор ГМИИ им. А. С. Пушкина, Н. М. Щекотов – заместитель директора Государственной Третьяковской галереи и др.

В целом наибольший масштаб поступлений в художественную галерею из ведущих музеев страны пришёлся на период 1935–1937 гг. [17, с. 116]. Ясно, что применение данного варианта пополнения фондов позволило руководству республики в кратчайшие сроки сформировать ядро коллекции русского и зарубежного искусства, тем самым восполнить объективно существовавший художественный пробел и вывести музейное дело региона на новый уровень развития.

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.08.1928 «О музейном строительстве в РСФСР» // Известия ЦИК и ВЦИК. 1928. № 230.

² ЦГА РК. Ф.1792. Оп.1. Д. 17. Л. 2.

³ Там же. Л. 17.

Помимо приобретения, осуществлявшегося через систему ВКИ, руководством активно использовались ресурсы, предоставляемые местными органами власти. С 1936 г. финансовые средства поступали от Совнаркома КазССР по утверждённой заявке республиканского Управления по делам искусств. Проведением экспертизы произведений искусства занималась специально созданная комиссия, действовавшая при организациях – Управление по делам искусств и Оргкомитет Союза художников республики. Состав комиссии определялся из руководителей профильных учреждений, включал начальника отдела из Управления по делам искусств, директора Национальной художественной галереи, а также признанных республиканских художников. Всей процедуре приобретения был присущ усиленный внешний контроль, управленческой самостоятельности, даже формальной, в данных вопросах власти не допускали.

Отдельно обращает на себя внимание вопрос оценки произведений искусства, вынесенных на рассмотрение членов комиссии. Интересен пример решения, принятого в связи с выделением в 1936 г. СНК КазССР Национальной галерее финансовых средств в размере 25 тыс. руб. Из общей суммы 12 тыс. руб. получил член Союза художников СССР, чувашский художник Ю. А. Зайцев, работавший в алма-атинской командировке в 1935 г. с целью отражения достижений социалистического Казахстана. Всего в художественную галерею было закуплено 20 работ автора, прошедших строгий отбор¹. Так, рассмотрев работы художника «Байга», этюды Балхаша и другие картины, члены комиссии приняли решение: «рекомендовать директору Национальной галереи приобрести несколько

этюдов Ю. А. Зайцева, заменить тему «Байга» – «Взрывом» как более удачной из его работ. От «Байги» совсем отказаться, т. к. явно не под силу и не по характеру Ю. А. Зайцева, и при том творческом методе, который применяет Ю. А. Зайцев, не может стать приемлемой»².

Для создания полноценно работающей процедуры были проведены дополнительные структурные «усиления» в самой галерее: в декабре 1937 г. здесь был основан художественный совет, созданный на постоянной основе как научно-консультативный орган при директоре³, позже, в июне 1939 г., по приказу № 204 Управления по делам искусств оформилась оценочная комиссия⁴. Следует признать, что и совет, и оценочная комиссия во многом дублировали функции друг друга, поскольку занимались проведением «экспертизы и оценки предметов искусства, приобретаемых Казахской национальной галереей, обсуждением вопросов, связанных с заказами художественного производства...»⁵.

Как правило, заседания художественного совета галереи проводились с привлечением экспертов со стороны. Одно из расширенных заседаний художественного совета, состоявшееся 29 марта 1939 г., прошло с привлечением представителей Управления по делам искусств, культпросвет отдела ВКП (б), членов Оргбюро Союза художников. Его целью стало распределение годовой суммы в 126,6 тыс. руб. и утверждение закупочных расценок на произведения искусства. Все закупаемые картины делились на категории:

– заказ на историко-революционную тематику социалистического хозяйства и культуры Казахстана оценивался в 60 тыс. руб.;

– заказ на приобретение картин современной тематики художников братских республик – 20 тыс. руб.;

¹ Открывается выставка, приуроченная к 80-летию поездки Ю. А. Зайцева в Казахстан // Cheboksary.Ru: [сайт]. URL: https://www.cheboksary.ru/culture/52294_otkryvaetsja_vystavka_priurochenaja_k_80-letiju_poezdki_juazajtseva_v_kazakhstan.htm (дата обращения: 14.09.2022).

² ЦГА РК. Ф.1736. Оп.1. Д. 5. Л. 20.

³ Там же. Л. 27.

⁴ ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д.32. Л.17.

⁵ Там же. Л. 27.

– заказы на изготовление портретов Ленина, Сталина – 15 тыс. руб.;

– на приобретение предметов художественного ремесла и расширения художественного уголка Т. Шевченко было выделено 31,6 тыс. руб.¹

Приведённые расценки свидетельствуют о наличии системы тарификации произведений искусства, которой руководствовались члены комиссии и по которой определялись ведущие и аутсайдерские позиции жанров. Данное явление во многом было определено заложенной в 1930-е гг. централизованной системой расценок в среде изобразительного искусства и отсутствием такого явления, как свободный художественный рынок, фактически прекративший существование после выхода Постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Монополизация государством всей сферы изобразительного искусства привела к запрету на деятельность субъектов рынка, таких как аукционные дома, частные галереи, частные покупатели, выдвигая на первый план госмеценатство или госзаказ [16, с. 37].

Специфика советского социального заказа выражалась в картинах идеологического содержания. Известно, что тенденция на идеологизацию искусства усилилась с выходом в 1933 г. книги О. Бескина «Формализм в искусстве», открывшей старт кампании против художников, предпочитающих картинам на злобу дня, творческие искания и стилистические эксперименты. С этого периода в реализацию новой художественной парадигмы были включены все художественные силы страны: искусствоведы, маститые и начинающие художники, а также чиновники от искусства и руководители художественных кооперативов, считавших идеологизацию искусства единственно правильным курсом [18, с. 154].

Параллельно с распространением кампании против формализма и нату-

¹ ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

рализма в СССР утверждалась новая теоретическая база советского искусства в виде соцреализма, получившего обоснование в речи А. А. Жданова на Первом съезде писателей СССР 1934 г. Метод распространялся на всё культурное пространство СССР, все виды искусства без исключения: литературу, изобразительное искусство, архитектуру, театр. Однако, как отмечается экспертами, в отличие от реализма XIX в., призывавшего видеть «типические характеры в типических обстоятельствах», соцреализм XX в. должен был показывать мир и человека в идеальном мироустройстве. То есть по эстетической сути соцреализм не являлся реализмом, представляя собой либо «революционный романтизм», либо «новый классицизм» [13, с. 53]. Системе «идеального мира» в полной мере соответствовали картины на историко-революционную тематику и картины, раскрывавшие пафос строительства социализма. Ценностными характеристиками обладали также сюжеты, воспевающие любовь к Родине, труд масс, героизм и т. д., поскольку представленная в произведениях реальность нацеливала зрителей на достижение определённых морально-нравственных ориентиров. В связи с этим материальная ценность данных жанров в советской иерархической системе была выше, чем ценность пейзажей и картин бытового содержания. В то же время стоимость художественного произведения диктовалась совокупностью различных моментов: именем автора картины, статусом организации-покупателя, темой произведения, уровнем и сложностью исполнения; в расчёт брались и такие сугубо внешние параметры, как размер. Так, крупномасштабные сюжетные работы стоили значительно выше, чем пейзаж и натюрморт, многофигурные композиции ценились выше, чем однофигурные полотна, композиция, изображавшая известных героев, ценилась выше, чем с изображением рядовых граждан и т. д. [19, с. 177–178].

Руководствуясь сложившимися партийно-теоретическими установками, чиновники-заказчики от искусства работали с авторами, представленными в официальном поле, вследствие чего вне музейной системы формирования оказалась большая группа художников носителей т. н. неофициального направления. По признанию искусствоведов в этих условиях художники неофициального круга, «выбирающие неподходящие темы, были обречены на официальное прижизненное забвение» [2, с. 27]. Примером служит творчество, работавшего с 1935 г. в Алма-Ате «последнего авангардиста» Серебряного века С. И. Калмыкова, в работах которого советская критика 1930-х гг. видела наряду с горячим темпераментом художника постоянно ищущего новые краски злополучную «печать формализма» [11, с. 57]. По этой причине картины самобытного автора стали предметом музейного интереса значительно позднее, уже в период «оттепели».

Профессиональные институции как источники формирования. Проблема коллекционирования

Поставщиками предметов современного искусства для Казахской национальной галереи середины 1930-х гг. выступали многочисленные художественные сообщества страны: художественные бригады, артели, кооперативы. Кооперативы являлись основными производителями арт продукции, формировавшими визуальную городскую среду, предметы быта и пропаганды [19, с. 145]. Как правило, целевыми установками художественных организаций был сбыт картин, поэтому произведения выполнялись на актуальные социально-политические темы и быстро находили заказчиков в официальных организациях и ведомствах. В процесс пополнения фондов Казахской национальной художественной галереи им. Т. Г. Шевченко 1930-х гг. были активно включены данные профильные организации. Так, Постановле-

ние СНК КазССР от 9 ноября 1937 г. разрешило республиканскому Управлению по делам искусств дополнительно израсходовать 44,4 тыс. руб. для приобретения готовых картин у бригады московских художников, а также обеспечить им выдачу аванса¹. В условиях профессиональной конкуренции художники алма-атинского кооператива «Универсум», выполнявшие заказные оформительские работы и продукцию массового ширпотреба, не составляли конкуренции для москвичей и не входили в ряды поставщиков художественной галереи.

Безусловно, в ряду профессиональных институций эпохи особый статус принадлежал Всероссийскому кооперативному союзу художников «Всекохудожник», объединяющему с 1928 г. живописцев, графиков, мастеров-прикладников, скульпторов и архитекторов РСФСР для массового производства художественной продукции. Позднее его функции перешли к Художественному фонду СССР. Мощный кооператив, располагавший собственными цехами, занимался производством художественной продукции различного характера: от росписи шалей и вышивки знамён, до изготовления керамических изделий и игрушек, картин [6, с. 98]. Обладавший значительными полномочиями кооператив стал одним из основных фондообразователей галереи. Пополнение коллекции осуществлялось на плановой основе через систему подачи заявок во «Всекохудожник» на приобретение произведений современных советских живописцев и графиков. Вопросами пополнения, сбором заявок на исполнение оригинальных и копийных работ с мест занимался Отдел сбыта кооператива. В свою очередь предложения, поступавшие от «Всекохудожника», рассматривались на заседаниях художественного Совета галереи. Например, 11 сентября 1939 г. на рассмотрение художественного Совета были вынесены картины художников Кузнецова «Портрет Сталина на

¹ ЦГА РК. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

трибуне», Обухова «Красная эскадра в море», Сапожникова «Сталин между хлопкоробами»¹.

Не менее важным направлением деятельности художественной галереи являлась работа с образованным в 1933 г. Оргбюро Союза Советских художников республики. Поскольку в дореволюционный период в этнорегионе профессиональные художники были представлены единично, а в 1930-е гг. система приёма в члены Союза художников была тщательно регламентирована и подразумевала высокий творческий уровень кандидатов, в результате чего круг казахстанских профессиональных художников был представлен чрезвычайно узко – 10–12 чел. Несмотря на свою немногочисленность, художники проводили активную работу, зачастую выступая в двух качествах: как творцы художественной продукции и как эксперты. Регулярное участие художников в выставочных проектах являлось залогом их финансовой успешности, поскольку после проведения выставки готовые картины становились предметом внимания руководства галереи. Известно, что в число первоначально закупленных произведений для Казахской национальной галереи вошли работы с выставки, посвящённой 15-летию КАССР и 18-летию Октябрьской революции в 1935 г. Были приобретены картины известных казахстанских авторов: Н. И. Крутильников, А. Кастеева, В. И. Антощенко-Оленева, Ф. И. Болкоева, А. А. Риттиха и др. [12, с. 118].

В то же время отметим, что помимо прямых целей – качественного пополнения фондов – покупки оказывали заметную материальную помощь местным художникам. Так, в феврале 1938 г. художественный совет галереи принял решение: «Приобретение художественных произведений с выставок необходимо вести в 2 направлениях: 1) приобретать качественно наиболее полноценные вещи

¹ ЦГА РК. Ф.1792. Оп.1. Д. 33. Л. 63.

приобретение менее зрелых и законченных вещей как поощрительные покупки (в качестве материальной и моральной поддержки художника)» [12, с. 119].

Для изготовления и покупки современных произведений искусства, находящихся на эскизной стадии, в художественной галерее была внедрена договорная система оплаты. Художественный совет, оценивая произведения, выносил рекомендации для заключения договоров между автором и художественной галереей. Например, эскиз художника Н. И. Крутильникова «Товарищ Киров в Караганде в 1934 г.» был принят комиссией 26 мая 1939 г. с формулировкой: «Считать эскиз достаточным основанием для заключения договора»². По договору художник принимал на себя обязательства по исполнению работы согласно определённому тематическому плану. В договоре указывались сроки и материал исполнения, размеры будущей работы. В свою очередь, художественный совет был обязан рассмотреть законченный эскиз по теме в течение 10 дней и определить стоимость исполнения проведения³. Основаниями для выполнения заказной работы служили творческие планы, включавшие проведение актуальных выставок, например: «XX лет Казахской ССР», а также проводившейся в приграничных районах Казахстана и Китая (июль-сентябрь 1938 г.) международной выставки в районе Сумбе, Май-Капчагай и Чаган-Обо. Однако, несмотря на то, что процесс выполнения договорной работы строго контролировался, бывали случаи срыва договоров и невыполнения обязательств со стороны художников. В свою очередь, со стороны художественного совета нередким решением был отказ. Например, работа А. Кастеева «Купля невесты» была приобретена за сумму в 500 руб., другой картине художника – «Занятие в школе» – было отказано в приобретении⁴.

² ЦГА РК. Ф.1792. Оп.1. Д. 33. Л. 2.

³ Там же.

⁴ ЦГА РК. Ф.1792. Оп.1. Д. 33. Л. 1 об.

Наряду с «неофициальным» искусством в системе формирования не был представлен сектор частного коллекционирования. В целом данное обстоятельство отражало общую специфику развития республиканского коллекционирования и заметно отличалось от ситуации в Центральной России, где начиная с XVIII в. сложилось несколько периодов частного коллекционирования [8, с. 31]. По мнению Е. Г. Малиновской, особое положение казахстанского коллекционирования было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в этнорегионе не существовало вековых напластований произведений профессионального искусства и собственно значительных частных коллекций. Скорее исключением, нежели правилом можно назвать пример до-революционного энциклопедического коллекционирования, представленный музеем братьев Белослюдовых из губернского Семипалатинска, а также творческое наследие художника-ориенталиста Н. Г. Хлудова, чья коллекция картин влилась в собрания Центрального государственного музея и художественной галереи в 1935 г. Во-вторых, в изучаемый период в республике отсутствовала антикварная инфраструктура [4, с. 685–687].

В совокупности данные причины негативно повлияли на процесс формирования полноценного казахстанского арт-рынка. Как следствие, основными источниками пополнения творческой продукции для галереи выступали официальные художественные институции, пропагандирующие императивы советского строя и культуры.

Заключение

Таким образом, изученный материал позволяет сделать вывод о том, что формирование художественной коллекции

Казахской АССР/ССР 1930-х гг. было обусловлено целым рядом факторов, включавших организационно-институциональную реформу в отрасли управления культурой СССР, республиканскую художественную специфику и сложившийся круг официальных творческих институций страны. В результате чего определилась сложная многоуровневая конфигурация системы формирования, состоящая из звеньев всесоюзного, республиканского и музейного уровней.

Анализ архивных документов показал, что на этапе становления художественной галереи имени Т. Г. Шевченко были использованы следующие виды комплектования: централизованное перераспределение и приобретение картин в системе Всесоюзного комитета искусств, закупки, осуществляемые на средства СНК КазССР, дар и целевые заказы от галереи на выполнение художественных работ. При этом источниками поступления выступали как частные лица, художники, пропагандирующие официальное искусство, так и крупные профессиональные институции эпохи в лице Всекохудожника и республиканского Оргкомитета Союза художников.

Особая роль в формировании зарубежных коллекций 1930-х гг. принадлежит механизму государственного перераспределения фондов из ведущих художественных музеев страны, что определило возможность быстрого и качественного пополнения Казахской национальной галереи образцами зарубежной живописи и графики XVIII–XIX вв. Данные поступления стали ядром зарубежной коллекции учреждения культуры и заделом её научно-исследовательской и выставочной работы на последующие десятилетия.

Дата поступления в редакцию 20.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов Е. С. Сталин: искусство и власть. М.: Эксмо, 2003. 542 с.
2. Культурный полилог: изобразительное искусство диаспор Казахстана / под ред. С. С. Кирабаева. Алматы, 2014. 506 с.

3. Мазаев А. И. Искусство и большевизм. 1920–1930: проблемно-тематические очерки и портреты. М.: URSS, 2007. 318 с.
4. Малиновская Е. Г. Хроники коллекционирования. Казахстан – инстинкт цели или культурная миссия // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4А. С. 680–704.
5. Манин В. С. Искусство и власть: борьба течений в советском изобразительном искусстве 1917–1941 годов. СПб: Аврора, 2008. 384 с.
6. Назин С. «Всекохудожник» и «Центролит» // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2007. № 9. С. 98–106.
7. Осокина Е. Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи 1920–1930-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 655 с.
8. Павлова М. А. Частное коллекционирование в России XVIII – начала XX вв. (историко-культурный аспект) // Вестник Костромского Государственного университета. 2017. № 4. С. 31–35.
9. Петухов В. В. Становление и развитие художественных музеев на юге Дальнего Востока России (1930–1956 гг.): автореф. дис. канд. искусствоведения. Владивосток, 2007. 29 с.
10. Рыбак К. Е. Теория и практика комплектования музейных фондов. Анализ методологической и нормативной базы (1917–1991). М.: Институт наследия, 2021. 198 с.
11. Сарлыбаева Г. Н. Алмаатинская сюита Сергея Калмыкова 1941–1945 гг. // Кастеевские чтения – 2019. Наука и музей. Теория и практика: материалы научно-практической конференции. Алматы, 2019. С. 55–65.
12. Сарлыбаева Г. Н. Молчат ли музы, когда пушки говорят? Первый в Казахстане музей искусств в годы Великой Отечественной войны // История. Память. Люди: материалы IX Международной научно-практической конференции. Алматы, 2019. С. 252–259.
13. Слепухин В. В. Критика формализма и натурализма в искусстве 1930-х: на пути к концепции соцреализма // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2018. № 4–2. С. 49–54.
14. Сулейменов Р. Б., Бисенов Х. И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов: История строительства советской культуры Казахстана. 1917–1965 гг. Алма-Ата: Акад. наук Казах. ССР, 1967. 442 с.
15. Трайнин И. П. Искусство в культурном походе на востоке СССР. М.: Транспечать, 1930. 75 с.
16. Черняева И. В. Художественные галереи Западной Сибири на рубеже XX–XXI вв. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2013. 164 с.
17. Школьная И. А. К истории формирования музейного фонда (Основные формы комплектования коллекции ГМИИ РК имени А. Кастеева и источники поступлений по архивным документам отдела фондов 1935–2009) // Труды ГМИ РК им. А. Кастеева: сб. науч. статей. Т. 1. Алматы, 2011. С. 115–132.
18. Янковская Г. А. «Всекохудожник» в тисках советской экономики // Культурологические записки. Вып. 14: Художник между властью и рынком. М.: ГИИ, 2013. С. 146–166.
19. Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. 311 с.

REFERENCES

1. Gromov E. S. *Stalin: iskusstvo i vlast* [Stalin: art and power]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 542 p.
2. Kirabaeva S. S., ed. *Kulurnyy polilog: izobrazitelnoye iskusstvo diaspor Kazakhstana* [Cultural polylogue: the fine arts of the diasporas of Kazakhstan]. Almaty, 2014. 506 p.
3. Mazaev A. I. *Iskusstvo i bolshevizm. 1920–1930: problemno-tematicheskiye ocherki i portrety* [Art and Bolshevism. 1920–1930: problem-thematic essays and portraits]. Moscow, URSS Publ., 2007. 318 p.
4. Malinovskaya E. G. [Chronicles of collecting. Kazakhstan: the instinct of purpose or the cultural mission]. In: *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2017, vol. 7, no. 4A, pp. 680–704.
5. Manin V. S. *Iskusstvo i vlast: borba techeniy v sovetskom izobrazitelnom iskusstve 1917–1941 gg.* [Art and power: the struggle of trends in the Soviet fine arts of 1917–1941]. St. Petersburg, Aurora Publ., 2008. 384 p.
6. Nazin S. [“Vsekohudozhnik” and “Centrolit”]. In: *Antikvariat, predmety iskusstva i kollektionirovaniya* [Antiques, objects of art and collectibles], 2007, no. 9, pp. 98–106.

7. Osokina E. *Nebesnaya golubizna angelskikh odezhd. Sudba proizvedeniy drevnerusskoy zhivopisi 1920–1930-ye gody* [Heavenly blueness of angelic clothes. The fate of the works of ancient Russian painting in the 1920s–1930s]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 655 p.
8. Pavlova M. A. [Private collecting in Russia in the 18th – early 20th centuries (historical and cultural aspect)]. In: *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2017, no. 4, pp. 31–35.
9. Petukhov V. V. *Stanovleniye i razvitiye khudozhestvennykh muzeyev na yuge Dalnego Vostoka Rossii (1930–1956 gg.): avtoref. dis. kand. iskusstvovedeniya* [Formation and development of art museums in the south of the Russian Far East (1930–1956): Cand. Sci thesis in Cultural sciences]. Vladivostok, 2007. 29 p.
10. Rybak K. E. [Theory and practice of acquisition of museum funds. Analysis of the methodological and regulatory framework (1917–1991)]. Moscow, Institut naslediya Publ., 2021. 198 p.
11. Sarlybaeva G. N. [Alma-Ata suite by Sergey Kalmykov 1941–1945]. In: *Kasteyevskiy chteniya – 2019. Nauka i muzey. Teoriya i praktika: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Kasteev Readings – 2019. Science and Museum. Theory and practice: materials of the scientific-practical conference]. Almaty, 2019, pp. 55–65.
12. Sarlybaeva G. N. [Are the Muses Silent When Cannons Speak? The first museum of arts in Kazakhstan during the Great Patriotic War]. In: *Istoriya. Pamyat. Lyudi: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [History. Memory. People: Materials of the 9th International Scientific and Practical Conference]. Almaty, 2019, pp. 252–259.
13. Slepukhin V. V. [Criticism of “formalism” and “naturalism” in the art of the 1930s: on the way to the concept of socialist realism]. In: *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKHPA* [Decorative arts and object-spatial environment. Vestnik MGHPA], 2018, no. 4-2, pp. 49–54.
14. Suleimenov R. B., Bisenov Kh. I. *Sotsialisticheskii put kulturnogo progressa otstalykh narodov: Istoriya stroitel'stva sovetской культуры Kazakhstana. 1917–1965 gg.* [The socialist path of cultural progress of backward peoples: The history of the construction of Soviet culture in Kazakhstan. 1917–1965]. Alma-Ata, Akad. nauk Kazakh. SSR Publ., 1967. 442 p.
15. Trainin I. P. *Iskusstvo v kulturnom pokhode na vostoке SSSR* [Art in the cultural campaign in the east of the USSR]. Moscow, Transpechat Publ., 1930. 75 p.
16. Chernyaeva I. V. *Khudozhestvennyye galerei Zapadnoy Sibiri na rubezhe XX–XXI vv.* [Art galleries of Western Siberia at the turn of the 20th–21st centuries]. Barnaul, Alt. state un-t Publ., 2013. 164 p.
17. Shkolnaya I. A. [On the history of the formation of the museum fund (The main forms of acquisition of the collection of the Pushkin Museum of the Republic of Kazakhstan named after A. Kasteev and sources of income from archival documents of the department of funds 1935–2009)]. In: *Trudy GMI RK im. A. Kasteyeva. T. 1.* [Proceedings of the GMI RK by A. Kasteeva]. Almaty, 2011, pp. 115–132.
18. Yankovskaya G. A. [“Vsekhudozhnik” in the grip of the Soviet economy]. In: *Kulturologicheskiye zapiski. Vyp. 14: Khudozhnik mezhdru vlastyu i rynkom* [Cultural notes. Issue. 14: An artist between power and the market]. Moscow, GII Publ., 2013, pp. 146–166.
19. Yankovskaya G. A. *Iskusstvo, dengi i politika: khudozhnik v gody pozdnego stalinizma* [Art, money and politics: an artist in the years of late Stalinism]. Perm, Perm. gos. un-t Publ., 2007. 311 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рахматулина Евгения Юрьевна – кандидат исторических наук, заместитель директора Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника;
e-mail: kalina200778@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya Yu. Rakhmatulina – Cand. Sci. (History), Deputy Director of the East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve;
e-mail: kalina200778@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рахматулина Е. Ю. Формирование республиканской художественной коллекции в Казахской АССР/ССР 1930-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 66–78.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-66-78

FOR CITATION

Rakhmatulina E. Yu. Formation of the republican art collection in the Kazakh ASSR/SSR of the 1930s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 66–78.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-66-78

УДК 908 (470+571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-79-85

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ МОЛОДЁЖИ К СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1970-Е ГГ.

Мазалецкая Е. Н.

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать работу молодёжной секции и секции пропаганды Ярославского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ЯО ВООПИиК) в 1970-е гг. по привлечению молодёжи к сохранению памятников истории и культуры.

Процедура и методы. Проанализирован корпус архивных материалов, состоящих преимущественно из делопроизводственной документации Центра документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Также были использованы материалы региональной периодической печати, связанные с проблемами сохранения исторического и культурного наследия и привлечения молодёжи к этой работе. В работе применены историко-генетический и системный методы, с помощью которых показано развитие форм и описание методов работы молодёжной секции и секции пропаганды ЯО ВООПИиК.

Результаты. В работе молодёжной секции и секции пропаганды ЯО ВООПИиК были выделены основные методы работы с молодёжью: проведение лекций, экскурсий, конкурсов. ВООПИиК удалось поднять интерес к изучению памятников истории и культуры края также благодаря публикациям о памятниках истории и культуры, освещению своей работы в местной периодической печати, издательской работе.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке соответствующих разделов курсов по краеведению и регионоведению Ярославского края. Изучение работы ВООПИиК будет способствовать раскрытию культурного потенциала, привлечению внимания к изучению и сохранению памятников истории и культуры, развитию туризма.

Ключевые слова: ВООПИиК, молодёжь, формы работы, методы работы, сохранение памятников истории и культуры, молодёжная секция, секция пропаганды, мероприятия

THE ACTIVITY OF YAROSLAVL BRANCH OF VOPIK FOR ATTRACTION YOUNG PEOPLE TO THE PRESERVATION OF CULTURAL AND HISTORICAL MONUMENTS IN THE 1970-S.

E. Mazaletskaya

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150003, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the work of the youth section and the propaganda section of the Yaroslavl branch of The All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments (VOPIK) in

the 1970-s, which aimed at attracting young people to the preservation of historical and cultural monuments.

Methodology. The author analyzed archival materials, consisting mainly of office records of the Center for Documentation of Contemporary History of the State Archive of the Yaroslavl Region. Furthermore, the article researched the materials of the regional periodical press related to the problems of preserving the historical and cultural heritage and attracting young people to this work. The paper applies historical-genetic and systemic methods, which reveal the development of forms and description of methods of the work of the youth section and the propaganda section of VOPIK.

Results. In the work of the youth section and the propaganda section of the Yaroslavl branch of the VOPIK we can identify the main forms of work with youth, which are: lectures, excursions, contests. Besides, VOPIK managed to raise interest in the study of historical and cultural monuments of the region due to publications about historical and cultural monuments, covering its work in local periodicals and publishing work.

Research implications. The results of the study can be used in the development of the courses on local history and regional studies of the Yaroslavl region. The study of the VOPIK work will contribute to the disclosure of the cultural potential, attract attention to the study and preservation of historical and cultural monuments, and benefit the development of tourism.

Keywords: VOPIK, young people, forms of work, methods of work, preservation of cultural heritage, youth section, propaganda section, events

Введение

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, созданное в 1965 г., долгое время являлось единственной общественной организацией, активно занимавшейся сохранением, реставрацией, поддержанием в соответствующем состоянии, популяризацией памятников истории и культуры в РСФСР. Его опыт уникален, как в целом для страны, так и для отдельных регионов.

Мы решили обратиться к изучению опыта привлечения общественности к решению такой актуальной задачи, как сохранение памятников истории и культуры на примере Ярославского областного отделения Всероссийского общества памятников истории и культуры. Для исследования был выбран Ярославль, т. к. в нём сохранились уникальные памятники архитектуры и неповторимая планировка центральной части города. Перед ЯО ВООПИиК стояла сложная и ответственная задача сохранять и рассказывать новым поколениям о памятниках истории и культуры [1, с. 114; 3, с. 190; 4 с. 24].

Ввиду интенсивных изменений в облике Ярославля, особенно в центральной его части, необходимо исследовать опыт

работы ЯО ВООПИиК по сохранению и популяризации архитектурного наследия.

Ярославское областное отделение Всероссийского общества памятников истории и культуры было создано в январе 1966 г. Отделение развернуло работу по созданию сети отделений общества в районах, налаживало связи с другими организациями и органами местной власти, чтобы эффективнее выполнять работу по охране и реставрации памятников, заниматься популяризацией исторического наследия. Для организации работы с молодёжью были налажены связи со школами, станцией юных туристов, внутри организации были созданы специальные секции: молодёжная и секция пропаганды [2, с. 40].

К 1970-м гг. отделения ВООПИиК уже провели основные организационные мероприятия по становлению деятельности организаций на местах и начали активную работу по увеличению количества индивидуальных и коллективных членов, привлечению молодёжи к сохранению и популяризации памятников истории и культуры в соответствии с указания-

ми вышестоящих органов власти¹. Это в равной степени относилось к районным, городским, областным отделениям ВООПИиК, выполнявшим задачу по содействию и проведению мероприятий партии и правительства по сохранению культурного наследия и его использования в коммунистическом воспитании трудящихся [5, с. 33, 34].

Деятельность молодёжной секции и секции пропаганды ЯО ВООПИК по привлечению молодёжи к сохранению памятников истории и культуры

За 1972–1976 гг. было проведено 6 пленумов совета Ярославского областного отделения общества². В этот период разработано Положение, которое регулировало деятельность молодёжных секций – «Положение о молодёжных секциях при центральном совете и советах местных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры»³. Документ был согласован с ЦК ВЛКСМ и утверждён решением Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

В состав молодёжной секции входили учёные, писатели, журналисты, педагоги, комсомольские и пионерские работники, сотрудники музеев, краеведы⁴. Бюро секции избиралось на 1 год в количестве 3 человек. В сферу деятельности организации входили: проведение конкурсов,

фестивалей, бесед; помощь в организации работы кружков по изучению памятников⁵. Члены секции, чтобы привлечь молодёжь к охране памятников, организовывали в школах и вузах вечера, конференции, семинары, посвящённые культурному наследию, организовывали шефство учебных заведений над памятниками⁶.

С 1970–1972 гг. проходила подготовка, а затем и проведение смотра памятников истории и культуры советского общества, посвящённого 30-летию Победы в Великой Отечественной войне и 70-летию первой русской революции. Члены молодёжной секции Ярославля активно принимали участие в благоустройстве памятников боевой славы, устанавливали мемориальные доски. В молодёжной секции разрабатывали экскурсии на такие темы, как «Моё отечество – СССР», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Их именами названы улицы города» и др., оформляли фотовыставки, брали шефство над памятниками истории и культуры.

Другой формой работы молодёжной секции Ярославского отделения стало проведение фотоконкурсов и выставок. Самыми масштабными были фотоконкурс и выставка детского рисунка «Отечество». Например, в 1976 г. на конкурс были отобраны 15 работ, которые представляли памятники истории и архитектуры Ярославского края.

В отчёте о работе молодёжной секции ВООПИиК содержатся сведения о том, что в период с 1972 по 1976 гг. первичными организациями было проведено 1438 фотовыставок⁷. В 1977 г. конкурс был посвящён 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Школьникам, например, предлагалось представлять свои работы по темам: «Памятные места революционной боевой и трудовой славы», «Памятники архитектуры, связанные с историей СССР», ком-

¹ Деятельность Ярославского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) базировалась на исполнении решений вышестоящих органов власти, а именно Министерства культуры РСФСР, Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства, Исполнительным комитетом Ярославской области и Управлением культуры Ярославского облисполкома. Например, общество должно было всячески содействовать и выполнять положения постановления Совета Министров РСФСР № 473 от 24 мая 1966 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР».

² ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 72. Л. 134, 135.

³ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 54.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 116. Л. 54.

⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 2. Д. 5. Л. 55.

⁶ Там же. Л. 54.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 116. Л. 91–92.

позиции на темы истории СССР и др.¹ Архивные материалы позволили установить, что выставки были регулярными и являлись одной из наиболее популярных форм работы с молодёжью².

Школьные музеи и ЯО ВООПИиК

Молодёжная секция Ярославского областного отделения ВООПИиК была вовлечена в работу с учащимися, разработав положение о создании школьных музеев³. По мнению членов молодёжной секции, «...школьный музей является одной из форм работы по развитию творческой самостоятельности и общественной активности учащихся в процессе сбора, исследования, обработки, оформления и пропаганды материалов – источников по истории природы и общества, имеющих воспитательную и научно-познавательную ценность»⁴. В качестве целей и задач музеев они определили: «...формирование у учащихся коммунистической убеждённости, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, расширению кругозора и воспитанию познавательных интересов и способностей»⁵. Музеи должны были содействовать развитию общественно-политической активности учащихся, овладению практическими навыками поисковой, исследовательской работы, и были призваны служить целям учебно-воспитательного процесса.

Большое внимание со стороны общества уделялось проведению смотра школьных музеев и Ленинских комнат, посвящённых 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Данный смотр ВООПИиК проводило совместно с Ярославским го-

родским Домом пионеров, областной станцией юных туристов, Ярославским историко-архитектурным музеем-заповедником⁶. Участие во Всероссийском смотре предусматривало дальнейшее совершенствование и развитие школьных музеев в Ярославле. В ходе этого смотра проводилась паспортизация музеев.

Задачи перед такими музеями ставились достаточно серьёзные. Например, они должны были воспитывать молодое поколение, разрабатывать новые маршруты экскурсий и туристических походов и т. д. С помощью этого смотра хотели сформировать сеть таких музеев, включать в музейный фонд СССР наиболее ценные экспонаты (постановка на учёт в государственных музеях) – все эти меры способствовали обобщению опыта работы лучших школьных музеев и ленинских комнат, паспортизации музеев⁷.

Работа школьных музеев оценивалась по многим показателям, но основными, на наш взгляд, являлись: использование материалов музея в работе со школьниками; проведение лекций, бесед, внеклассных мероприятий; организация выставок, новых экспозиций; учёт и хранение экспонатов; работа по заданию краеведческих музеев; передача материалов имеющих первостепенную историческую ценность по акту на хранение в государственные музеи, проведение научной работы с собранными экспонатами (изучение, аннотирование); составление характеристики происхождения (легенда предмета), составление карточек на экспонаты.

Несмотря на то, что основное внимание уделялось памятникам истории революционной, боевой и трудовой славы, членам общества удалось пробудить интерес и к родному краю дореволюционного периода. ЯО ВООПИиК сотрудничало со многими учреждениями культуры, что положительно сказывалось на результатах работы общества по просвещению, воспитанию молодого поколения, а так-

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 116. Л. 91–92.

² ВООПИиК в период 1975 по 1976 гг. провело: 901 лекцию, из них 52 – через общество «Знание», 360 экскурсий, из них 11 – через бюро путешествий и экскурсий. На эти мероприятия было потрачено 18 654 руб. Также в этом году были проведены тематические вечера, выставки.

³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 2. Д. 5. Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

⁷ Там же.

же влияло на вовлечение новых членов в ряды организации.

Секция пропаганды также оказывала значительное влияние на формирование мнения молодёжи о памятниках истории и культуры. На общественных началах было организовано пресс-бюро с участием писателей, журналистов, музейных сотрудников и работников культуры, являвшихся членами ВООПИиК и «...готовых посвятить часть своего времени пропаганде идей...»¹.

Секция занималась составлением планов для выступлений на радио, готовила материалы для печати и телевидения. Например, в плане Ярославского областного отделения на 1975 г. значились мероприятия в связи с юбилейными датами: 30-летием победы в Великой Отечественной войне, 70-летием первой российской революции 1905–1907 гг., 150-летием восстания декабристов².

В 1977 г. праздновали 60-летие Великой Октябрьской Социалистической революции. В связи с этим секция пропаганды готовила тематические вечера, лекции, экскурсии, рекламные плакаты по памятникам революционной славы. В рамках празднования юбилейной даты обществом была проведена научно-практическая конференция на тему «Охрана и пропаганда памятников Великой Октябрьской Социалистической революции».

Выступления в периодической печати

Секция пропаганды составляла планы выступлений в печати, создавала внештатные отделы по охране памятников истории и культуры при районных газетах. Члены секции организовывали интервью, проводили вечера, посвящённые сохранению памятников истории и культуры, показы фильмов. Вели работу по выпуску книг, брошюр, буклетов, карт, плакатов, листовок и др. Моло-

дёжная секция и секция пропаганды ЯО ВООПИК регулярно публиковали материалы о своей деятельности в молодёжной газете «Юность» – печатном органе Ярославского обкома ВЛКСМ. Публикации носили информационный характер и агитировали принимать участие в конкурсах, фестивалях, археологических раскопках, рассказывали о состоявшихся походах к местам революционной, боевой и трудовой славы.

Краеведческие материалы публиковались в изданиях, которые выпускали предприятия Ярославля: «Электроискра» Ярославского электромеханического завода, «Заводская жизнь» Автодизель. Практически во всех районных газетах была страничка краеведа, где ЯО ВООПИиК размещало материалы о своей работе. Также достаточно часто такие корреспонденции размещались в районных газетах «Северный рабочий», «Рыбинская правда» и «Авангард»³. Секция пропаганды играла важную роль в организации и проведении мероприятий, ведении культурно-образовательной работы с молодёжью⁴.

Секции через прессу оказывали влияние на формирование мнения о памятниках истории и культуры. В отчётах можно увидеть сведения о том, что велась активная работа по изданию плакатов, буклетов, брошюр и других печатных материалов⁵. Можно выделить издание агитационных плакатов, призывавших «вступать» в ряды общества, а также посвящённых охране памятников, например, охране памятников археологии. К 150-летию восстания декабристов активистами Ярославского отделения была издана брошюра⁶, рассказывавшая

³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 85. Л. 144.

⁴ Богородский В. Н. Памятники старины – на службу народу // Авангард. 1976. 15 сентября; Ляхов В. Наша история, наша гордость... // Северный рабочий. 1973. 6 февраля; Овчинников С. Сокровища культуры – достояние народа // Северный рабочий. 1977. 19 августа.

⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 85. Л. 142.

⁶ Брошюра была подготовлена председателем областного отделения В. А. Ляховым и председателем исторической секции Л. А. Кочой.

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 116. Л. 58.

² Там же. Д. 46. Л. 97–99.

о связи декабристов с Ярославским краем. Президиумом совета общества были подготовлены и напечатаны буклеты: «Памятники боевой славы Ярославской области», «Историко-революционные памятники Ярославля», «Декабристы-ярославцы» и др.¹

Заключение

Работу молодёжной секции и секции пропаганды ЯО ВООПИиК по привлечению молодёжи к сохранению памятников истории и культуры в рассматриваемый период можно считать успешной. Молодёжная секция и секция пропаганды Ярославского отделения ВООПИиК вели активную деятельность, поэтому наблюдался значительный рост количества проведённых мероприятий, участников в

них, а также принятых членов в ВООПИиК. И в связи с этим можно говорить о том, что работа по популяризации памятников истории и культуры среди молодёжи была успешной.

ВООПИиК накопило значительный опыт работы по организации и проведению самых разных мероприятий. Наиболее популярными из них были лекции, фотоконкурсы, фотовыставки и экскурсии. Усилия ВООПИиК по вовлечению молодёжи в свои ряды давали результат не только в количестве вовлечённых людей в организацию, но и в увеличении сохранённых памятников истории и культуры, в т. ч. благодаря проводимой пропаганде их сохранения.

Дата поступления в редакцию 23.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Демин М. А., Беневалянская Е. Н. Проблема сохранения историко-культурного наследия в практиках общественных организаций Алтайского края (середина 1960-х – 1991 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 1. С. 112–124. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-1-112-124
2. Мазалецкая Е. Н. Деятельность Ярославского отделения ВООПИиК по популяризации охраны культурного наследия в 1960–1980-е гг. // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 39–42.
3. Марасанова В. М. Проект «Святитель Николай. Ярославское наследие»: итоги и перспективы // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: мат-лы VII Всероссийской науч.-практич. конф. / под. ред. С. В. Соловьевой. Самара, 2019. С. 189–195.
4. Маров В. Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство. Ярославль: ООО «Академия 76», 2019. 288 с.
5. Переслегин Н. В. Роль московских общественных организаций в создании ВООПИК (1940-е – 1965 гг.) // Научно-аналитический журнал «Дом Бурганова. Пространство культуры». 2014. № 1. С. 33–47.

REFERENCES

1. Demin M. A., Benevalenskaya E. N. [Problem of Preservation of Historical And Cultural Heritage in Practices of Public Organizations of the Altai Region (mid-1960s – 1991)]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 112–124. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-1-112-124
2. Mazaletskaya E. N. [Practical activity of Yaroslavl office of VOOPIK to promote the protection of the heritage in 1960–1980-ies]. In: *Vestnik Yaroslavsckogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Series: Humanities], 2017, no. 2, pp. 39–42.
3. Marasanova V. M. [Project “St. Nicholas. Yaroslavl heritage”: the results and perspectives]. In: Soloveva S. V., ed. *Nacionalnoe kulturnoe nasledie Rossii: regionalnyj aspekt: Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [National Cultural Heritage of Russia: Regional Aspect: Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference]. Samara, 2019, pp. 189–195.

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 85. Л. 143.

4. Marov V. F. *Yaroslavl: Arhitektura i gradostroitelstvo* [Yaroslavl: Architecture and urban planning]. Yaroslavl, ООО «Akademiya 76» Publ., 2019. 288 p.
5. Pereslegin N. V. [Role of Moscow public organization in formation of the VООПИК (1940-s – 1965)]. In: *Nauchno-analiticheskij zhurnal «Dom Burganova. Prostranstvo kultury»* [Scientific and analytical journal “Burganov’s House. Cultural Space “], 2014, no. 1, pp. 33–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мазалецкая Елена Николаевна – директор Центра поддержки технологий и инноваций Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова;
e-mail: alissiya27@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Mazaletskaia – director, Technology and Innovation Support Center (TISC), Yaroslavl State University;
e-mail: alissiya27@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мазалецкая Е. Н. Деятельность ярославского отделения ВООПИиК по привлечению молодёжи к сохранению памятников истории и культуры в 1970-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 79–85.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-79-85

FOR CITATION

Mazaletskaia E. N. The activity of Yaroslavl branch of VООПИК for attraction young people to the preservation of cultural and historical monuments in the 1970s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 79–85.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-79-85

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 27, 93, 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-86-98

ХРОНОЛОГИЯ ОТКРЫТИЯ И ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ В XVI В. ЧАСТЬ 1: ВВЕДЕНИЕ В ХРОНОЛОГИЮ ОТКРЫТИЯ, ОСВОЕНИЯ И ХРИСТИАНИЗАЦИИ ФЛОРИДЫ В XVI В.

Ашрафьян К. Э.

Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Восстановить хронологию открытия, освоения и попытки христианизации территории Испанской Флориды в XVI в. на основе имеющихся на 2022 г. исторических фактов, собранных из различных источников в разных частях мира.

Процедура и методы. Проанализирован корпус исторических источников и выявлены причинно-следственные связи между событиями открытия и освоения Флориды и событиями в Европе и Вест-Индии, которые до этого не были отражены или были отражены частично из-за разрозненности информативных источников. Методологической основой послужили принципы историзма, объективности и системности.

Результаты. Впервые построена в хронологическом порядке и разделена на несколько важных этапов история открытия, освоения и христианизация Флориды через понимание взаимосвязанных процессов, происходивших в Новом и Старом Свете.

Теоретическая и/или практическая значимость. В российской исторической науке впервые так подробно представлена хронология событий и причинно-следственных связей по открытию, освоению и христианизации Флориды в XVI в. Публикация этой работы даёт возможность ведения спецкурса по открытию и освоению Флориды с 1500-х до 1590-х гг. Созданная хронология является оптимально удобной по классификации и при изучении материала в вузах и школах.

Ключевые слова: Бимини, Испанская Флорида, христианизация Флориды, Доминиканский Орден, Францисканский Орден, дом Колумбов, судебные иски Колумбов, энкомьенда, Бургосские законы, законы Вальядолида

THE CHRONOLOGY OF THE DISCOVERY AND DEVELOPMENT OF FLORIDA IN THE 16TH CENTURY. PART 1: INTRODUCTION TO THE CHRONOLOGY OF THE DISCOVERY, DEVELOPMENT, AND CHRISTIANIZATION OF FLORIDA IN THE 16TH CENTURY

K. Ashrafyan

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To reconstruct the chronology of discovery, development, and attempts to Christianize the territory of Spanish Florida in the 16th century based on historical facts available for 2022, collected from various sources in different parts of the world.

Methodology. The author analyzes the corpus of historical sources and identifies causal relationships between the events of the discovery and development of Florida and the events in Europe and the West Indies, which were not previously reflected or were only partially reflected due to the discrepancy of information sources. The methodological basis was the principles of historicism, objectivity and consistency.

Results. For the first time, the history of the discovery, development and Christianization of Florida was constructed in chronological order and divided into several important stages due to the understanding of the interrelated processes that took place in the New and Old World.

Research implications. For the first time in Russian historical science, the chronology of events and causal relationships of the discovery, development, and Christianization of Florida in the 16th century is presented in such detail. The publication of this work makes it possible to conduct a special course on the discovery and development of Florida from the 1500s to the 1590s. The created chronology is particularly effective for classification and studying the material at universities and schools.

Keywords: Bimini, Spanish Florida, Christianization of Florida, Dominican Order, Franciscan Order, Columbus House, Columbian Lawsuits, Encomienda, Burgos Laws, Valladolid Laws

Введение

Падение Константинополя¹ в 1453 г., дальнейшее уничтожение христианского миропорядка в результате расширения Османской Империей своих владений на Средиземноморье в XV–XVI вв. [17] привели к прекращению монопольной торговли Восток–Запад со стороны Венеции и Генуи, которая шла через Чёрное и Средиземные моря. Этому способствовали постоянные нападения берберских пиратов в Средиземном море на береговые торговые города Европы. Эти действия в отношении христиан особенно усилились после окончательной победы Реконкисты в Испании и падения последнего оплота мусульман на Иберийском полу-

острове, Гранадского Эмирата в 1492 г., и последующего изгнания евреев из испанских королевств – Королевства Кастилии и Леона и Королевства Арагон в 1492 г. Изгнанные евреи и бежавшие мусульмане, не принявшие христианство, были приняты турками-османами и их набирающей стремительное развитие Османской империей, которая помогла им с размещением как у себя, так и на севере Африки, предоставив им корабли и организовав нападение на прибрежную часть Иберийского полуострова и прибрежные города [20].

После этих событий путь в Индию вокруг Африканского континента, который открывала Португалия, был единственным источником для товаров с Востока. Одновременно это означало смерть

¹ Прим.: Константинополь переименован в Стамбул только в 1930 г.

торговли для торговых домов Венеции и Генуи. Путь через Запад на Восток, который предлагал Колумб королям Европы (Португальскому, Английскому и Кастильскому) был принят только в 1492 г. королевой Кастилии и Леона Изабеллой I Кастильской и её супругом Фердинандом II Арагонским [2].

При заключении договора «Капитуляция Санта-Фе» (*Capitulaciones de Santa Fe*) 17 апреля 1492 г. правители Испании пообещали Колумбу и его наследникам в управление все земли, которые он открывает [2]. Вместо настоящей Индии в нескольких экспедициях Колумб открыл острова Гаити (Эспаньола), Гваделупа, Пуэрто-Рико, Ямайка, а также земли Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики и несколько Багамских островов, хотя считал, что достиг своей цели и открыл дорогу в Индию через Японию и Китай [2; 5; 6, с. 16–17; 7; 8].

В 1499 г. Х. Колумб с братьями был арестован и доставлен на суд в Кастильское Королевство. И хотя Колумб был оправдан, он утратил право на управление открытых им земель в 1500 г. [2, с. 167; 11, с. 37; 13, с. 170]. Одним из обвинений было то, что он никак не способствовал христианизации местных жителей. Аборигены использовались в качестве рабов на энкомьендах испанских поселенцев в Вест-Индии [1; 2]. Непривыкшие к тяжёлым работам индейцы быстро умирали, и их необходимо было заменять на новых, которых захватывали и свозили с соседних «беспольных островов» [2; 7; 9]. Это был достаточно выгодный бизнес для капитанов судов и жизненно необходимый для испанских поселенцев, использующих подневольный труд на рудниках по добыче золота и серебра и для возделывания земли [1; 2].

Ретроспектива событий, которые могли привести к появлению территории с изображением Кубы и побережья Флориды на картах Португалии

Португалец Педру Алвариш Кабрал возглавил экспедицию: 13 кораблей, которые должны были идти в обход Африки в Индию по маршруту Васко да Гаммы. Экспедиция П. Алвариша отклонилась от курса из-за штормов, и он случайно в 1500 г. открыл Бразилию, которую и объявил собственностью Португалии, назвав её о. Вера-Крус (т. е. Истинный Крест). Затем Алвариш повернул на восток, продолжив путешествие и собирая разбросанные корабли [10]. Однако, судя по всему, тогда же была открыта и часть будущего полуострова Флориды: это мог сделать один из кораблей из экспедиции португальца Педру Кабрала, или испанца Висенте Янсона Пинсона в январе того же 1500 г., или испанская экспедиция Алонсо де Охеды между 1499 и 1500 гг. с Америго Веспуччи, или экспедиция португальца Гонсало Коэльо с тем же Америго Веспуччи в 1501 г., или другие корабли Португалии и Испании в составах этих экспедиций или просто отбившиеся от них.

Этот вывод можно сделать из следующего факта: капитаны всех португальских кораблей по прибытии в Лиссабон обязаны были предоставлять картографам Дома Гвинеи и Мина (с 1503 г. – *Casa da India*, Дом Индии) свои судовые карты для сверки. Именно там составлялась для капитанов португальских кораблей общая и секретная карта для навигации – *Padrão Real*. Дом Гвинеи был известен как Португальская Гвинейская компания – орган, который управлял исследованиями и колонизацией новых территорий.

Поэтому вскоре после плавания экспедиций Альвареша, в 1502 г., именно в Португалии появилась планисфера Кантино (*planisfério de Cantino*), находившаяся в Доме Гвинеи и Мина (*Casa da Guiné e da Mina*). На португальской планисфере

Кантино, созданной в 1502 г.¹, уже была нанесена территория, которая только через 11 лет официально будет открыта испанцами и названа Флоридой (рис. 1). С 1503 г. Дом Индии стал португальской организацией в Лиссабоне, которая управляла территориями за границей, а также всеми аспектами навигации, торговли, погрузки-выгрузки и продажи товаров из Индии.

Есть версия, что сначала планисфера А. Кантино была куплена и перепродана самим Кантино Дому Гвинеи и Мина, а затем просто перешла в Дом Индии, который забрал на себя его функции. И эта старейшая из сохранившихся португальских навигационных карт была результатом экспедиций Васко да Гамы, Колумба, Альвареша, Пинеда, Охеда и других ис-

следователей. На карте также изображён меридиан, разделяющий португальскую и испанскую половины мира, который был проведён в 1494 г. в результате Тордесильяского договора [2; 6].

Ретроспектива событий на землях, открытых Х. Колумбом

Постепенно индейцев на соседних с Эспаньолой островах становилось всё меньше: кого-то захватили испанцы, кто-то бежал на другие острова, в т. ч. и на Кубу, а также на юг полуострова Флорида.

Исследование земель вокруг обживаемого испанскими поселенцами о. Эспаньола продолжалось в первую очередь из-за необходимости испанцев в рабочей силе, в силу введённой энкомьенды [1; 2].

Рис. 1 / Fig. 1. Часть копии планисферы А. Кантино, 1502 г. / Part of A. Cantino's copy of the planisphere, 1502

Источник: Nebenzahl K. Atlas of Columbus and the Great Discoveries – Celebrating the 500th Anniversary of the Discovery of America. Chicago: Rand McNally, 1990. P. 168.

¹ Rand McNally Pocket World Atlas. Chicago, 1990. 64 p.

Капитаны всех испанских судов после приезда в Севилью были обязаны сдавать свои карты для официального их сличения и уточнения общей секретной карты. Так в Испании появился аналог португальской морской карте – *Padrón Real*¹, – засекреченной и постоянно обновляемой, благодаря данным испанских капитанов, приходящих из открытых земель.

Итак, в силу новых открытий, сделанных капитанами под флагами Кастильского и Португальского Королевств, которые приплывали из Нового Света, всё чаще стало появляться изображение земли, находящейся на севере от Кубы, куда доходили испанские суда в поисках новых индейцев, которых они привозили на Эспаньолю для работ.

Откуда попадали сведения к картографам Европы

В Испании и Португалии новые открытия наносились на карту официальными королевскими картографами, в числе которых были не только испанцы, например: Эрнандо Колумб (незаконный сын Х. Колумба), венецианец Себастьян Кабот, португалец Диего де Рибейро, флорентиец Америго Веспуччи и многие другие иностранцы. Неудивительно, что и записи о новых открытиях, сделанные в Доме Торговли Индии (*La Casa de la Contratación de Indias*, образованного в 1503 г.), вскоре появились и в других странах – Италии, Франции, Англии и т. д. [16]. Также капитаны с командами различных иностранных судов (французы, венецианцы, генуэзцы) часто участвовали в торговых операциях под флагами Португалии и Испании, соответственно, и секретные карты быстро

распространялись среди европейских государств.

Испанские и португальские корабли и всё их содержимое, в т. ч. и секретные карты, становились добычей африканских и турецких пиратов [2]. Связь между Османской империей и берберскими пиратами взращивалась десятилетиями, и всё, что попадало в руки пиратов, тут же становилось достоянием турецкого султана [12; 15].

В силу вышесказанного понятно, что карты, которые составляли картографы после 1500 г., уже содержали территорию Флориды. Обратим внимание на карту Северной Америки 1503–1504 гг. от Николо Кавери (рис. 2), а также карту мира Мартина Вальдзимюллера 1507 г., на которой изображена территория, которая будет называться после 1513 г. Флоридой (рис. 3).

Очень важной и самой узнаваемой является карта Педро Мартира де Англера 1511 г. (рис. 4), которая обозначала Флориду как о. Бимини. После этого начался следующий этап освоения Флориды.

На турецкой карте 1513 г. (другая дата – 1514 г.) морского пирата, в дальнейшем флотоводца Средиземного моря, Пири Рейса² (Мухиддина Пири-бей) также присутствуют очертания земель Флориды (рис. 5). На этой карте, содержащей почти все открытия, указана и точная береговая линия Антарктиды, которая в настоящее время скрыта многокилометровым снегом.

Интересно то, что эта карта сделана на основе карт мира, которыми пользовался Колумб во время своего открытия Америки в 1492 г., также в ней было задействовано еще 20 источников, утерянных безвозвратно [14].

Для наглядности приведём перевод карты П. Рейса, где пронумерован список географических точек и привязок (рис. 6).

¹ *Padrón Real* (после 2 августа 1527 г. – *Padrón General*) – секретная испанская карта, используемая в качестве основной карты на испанских кораблях в XVI в. находилась в Севилье в Casa de Contratación. Среди известных официальных картографов и капитанов, которые участвовали в создании карты, были: Америго Веспуччи, Диего Рибейро, Себастьян Кабот, Алонсо де Санта-Крус, Хуан Лопес де Веласко.

² Прим.: *Reis* – переводится как адмирал, а адмиралом Пири-бей стал только в 1547 г.

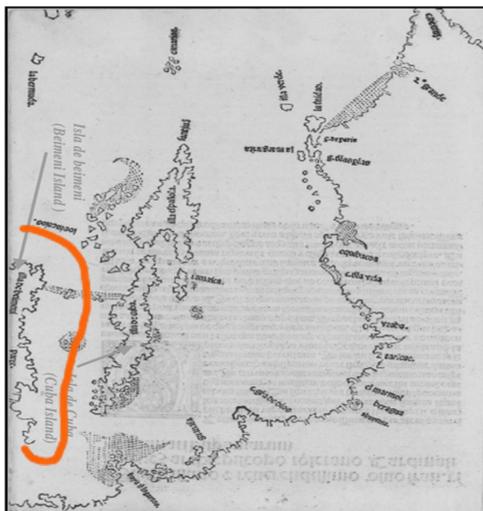
Рис. 2 / Fig. 2. Часть карты Николо Кавери, касающаяся Северной Америки / Part of the Caverio map concerning North America

Источник: Nebenzahl K. Atlas of Columbus and the Great Discoveries – Celebrating the 500th Anniversary of the Discovery of America. Chicago: Rand McNally, 1990. P. 168.

Рис. 3 / Fig. 3. Часть Карты мира Мартина Вальдзимюллера, 1507 г. / Part of the World Map of Martin Waldsimüller, 1507

Источник: Duzer C. V. Martin Waldseemüller's 'Carta marina' of 1516. Study and Transcription of the Long Legends. Berlin, 2020. P. 150.

Untitled map of the Caribbean

1511

Andrea Morales

Published in Peter Martyr d'Anghiera's Opera: Legatio Babylonica
Oceani Decas

Touchton Map Library, Tampa Bay History Center, 2019.125.001

Gift of Arthur and Janet Holzheimer

Рис. 4 / Fig. 4. Карта Мартира де Англериа / Map of Pedro Mártir de Anglería

Источник: личное фото К. Э. Ашрафьяна, г. Тампа, штат Флорида, США,
Музей Истории Залива Тампа

Dünya Haritasi, Piri Reis
Топкапи Сарayı Müzesi Kütüphanesi. No. H. 1824
The World Map, Piri Reis
Library of Topkapı Palace Museum. No. H. 1824

Рис. 5 / Fig. 5. Карта мира Пири Рейса от 1513 г. (1514 г.) / Piri Reis World Map from 1513 (1514)

Источник: библиотека музея Дворца Топкапы в Стамбуле номер № Н. 1824.

The mystery of the maps of Christopher Columbus. Spain-Turkey 1513-1514.
Mapas de rompecabezas de Cristóbal Colón. España - Turquía 1513-1514. cop. 2016. 330 p.

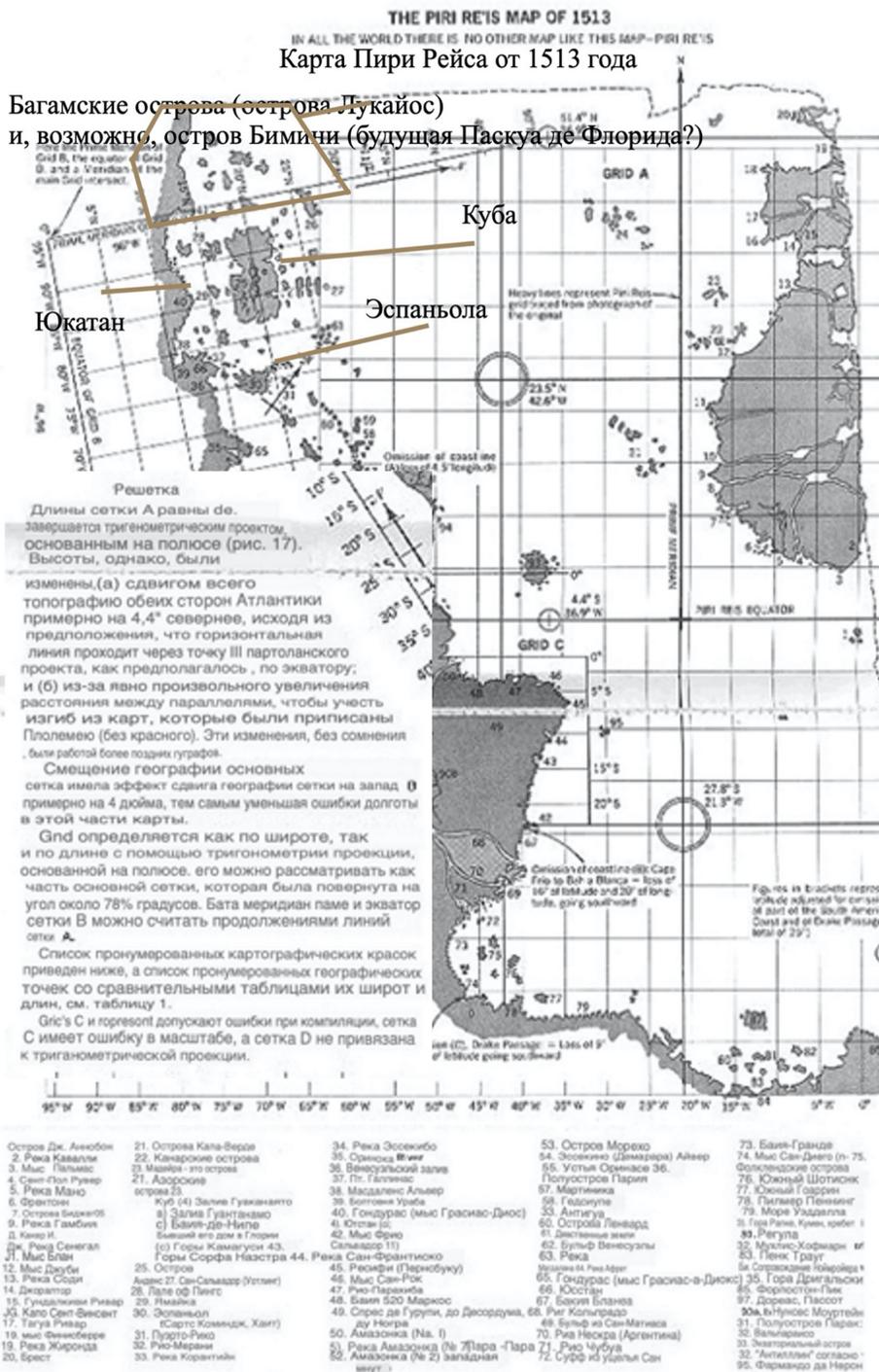

Рис. 6 / Fig. 6. Перевод карты Пири Рейса от 1513 г. (1514 г.) с современными меридианами / Translation of Piri Reis's map from 1513 (1514) with modern meridians

Источник: The mystery of the maps of Christopher Columbus. Spain-Turkey 1513–1514. Mapas de rompecabezas de Cristóbal Colón. España-Turquía 1513–1514. cop. 2016. 330 p.

Ретроспектива событий, которые повлияли на первенство открытия Флориды

Начавшиеся судебные тяжбы между Кастильской короной и Х. Колумбом продолжились и после смерти Изабеллы I Кастильской и, казалось, закончились в 1506 г. со смертью путешественника [2; 7].

В это же время в результате неожиданных событий Фердинанд II Арагонский становится регентом Кастилии [2]. В 1508 г. сын Х. Колумба – Диего, связанный с королевской семьёй узами родства в результате женитьбы на племяннице герцога Альбы, был назначен на должность губернатора Эспаньолы [1; 2; 8]. Этим шагом король рассчитывал на благодарность Диего. Однако наследник Х. Колумба решил построить новое аристократическое общество на Эспаньоле и привёз туда своих сподвижников, устранив из администрации и из судов сторонников испанской короны. Началась юридическая борьба за наследные права Дома Колумбов на управление и получение доходов со всех открытых земель в западном полушарии. Борьба между Домом Колумбов и Коронай Кастилии длилась с 1492 г. по 1541 г. и была известна как «Судебные Иски Колумбов» («*Pleitos Colombinos*») [1; 2].

Это противостояние привело к тому, что родилась целая плеяда конкистадоров, и сама конкиста приобрела новое направление, которое давало возможность частной инициативы. Новые конкистадоры с 1513 г. стали действовать «через голову» Дома Колумбов и объявлять вновь открытые земли принадлежащими напрямую Кастильской Короне.

Освоением территории будущей Флориды, известной как о. Бимини, попытался заняться Дом Колумба, который подал прошение королю Фердинанду II Арагонскому от имени Бартоломе Колумба, брата Х. Колумба и дяди Диего Колумба [13; 18, р. 2; 19] об освоении новой территории. Б. Колумбу было отказано по причи-

не несоответствия политике испанской короны, т. к. открытые земли принадлежали бы опять Дому Колумба [21, р. 4].

23 февраля 1512 г. Хуану Понсе де Леону королём Фердинандом II Арагонским был выдан специальный документ «*Asiento de Juan Ponce de Leon*» на открытие новой земли [2; 4; 19]. Кандидатура испанского конкистадора была предложена Мигелем Посамонте, королевским казначеем в Вест-Индии, который был главным оппонентом Дома Колумбов и лидером партии «роялистов» [2]. В марте 1513 г. Понсе де Леон на собственные деньги собрал экспедицию и отплыл из Пуэрто-Рико. В апреле этого же года он увидел землю и высадился на восточном берегу Флориды близ современного Сент-Огастина. Путешественник принял эту землю за остров и нарёк его Флоридой за роскошную тропическую флору, а также из-за того, что открытие «цветущей земли» пришлось на пасхальную неделю, испанский «Праздник цветов» – *Pascua de Florida* [4; 18; 19]. Он обогнул Флориду с юга и, пройдя вдоль западного побережья полуострова, вернулся сначала в Пуэрто-Рико, а затем в Испанию, где в 1514 г. получил назначение военным губернатором Бимини и Флориды.

Ретроспектива отношений Христианских Орденов в свете освоения Нового Света

Папские буллы, которые отдавали открытые Колумбом земли под власть Кастильской короны, содержали в себе важный посыл, что христианизация земель и местных жителей является первоочерёдным богоугодным делом, и именно она является важнейшим условием для благословения Римским Папой Александром VI открытий [2].

Необходимо подчеркнуть, что Дом Колумба с самого начала ориентировался на Орден францисканцев, т. к. связь между францисканцами и Х. Колумбом существовала ещё с приезда генуэзца в

Испанское королевство. Именно благодаря своим покровителям-францисканцам в 1491 г. духовник королевы и настоятель монастыря Ла-Рабида францисканец Хуан Перес обеспечил Колумбу важную аудиенцию у четы испанских монархов – Фердинанда II Арагонского и Изабеллы I Кастильской [7], после которой была подписана «Капитуляция Санта-Фе» [2; 3].

Францисканский орден обслуживал испанцев на открытых землях в их ежедневных нуждах и занимал исключительно их сторону в отношении индейцев. Так было 17 лет, с 1493 по 1510 гг., пока не приехали первые доминиканцы, которые встали на защиту индейцев и заняли уже противоположную сторону. Итогом деятельности монахов-доминиканцев стало выступление доминиканца Антонио де Монтесиноса на двух воскресных мессах на Эспаньоле в 1511 г. Это были обличительные речи против администрации, возглавляемой Диего Колумбом. Эти выступления изменили ход событий в Вест-Индии [2]. Орден доминиканцев вызвал гнев и осуждение практически всех испанцев-поселенцев на Эспаньоле. «Роялисты» сначала также осудили доминиканцев. Д. Колумб попытался изгнать Доминиканский орден с о. Эспаньола, а поселенцы отказались предоставлять любую помощь доминиканцам. Для разрешения спора о значении христианизации в Новом Свете и месте и роли индейцев в испанском обществе представители обеих сторон, Францисканского и Доминиканского орденов, в том же 1511 г. срочно отплыли в Испанию к королю Фердинанду II Арагонскому [5].

Как тонкий политик Фердинанд II Арагонский инициировал созыв собрания (Хунты), состоящего из непререкаемых авторитетов того времени: теологов, священников и членов Королевского совета. Хунта должна была рассмотреть жалобы доминиканцев на политику в отношении индейцев и обсудить вопрос об этической проблеме конкисты, о состоянии коренных народов и их праве быть

такими же вассалами королевства Кастилия, как и сами испанцы-поселенцы [11]. Фердинанд рассчитывал также осудить и самого Д. Колумба, сместив его как несправившегося с управлением вверенных ему территорий за неисполнение главного предписания Папы Римского – христианизации местного населения. Именно это и произошло ранее с Х. Колумбом в 1495 г. и в 1499 г. [7].

Законы, принятые хунтой Бургоса в 1512 г. [11], были дополнены поправками – «Законами Вальядолида», принятыми также по настоянию доминиканцев уже другим составом «авторитетных мужей» Испании в 1513 г. [2; 22].

Кроме того, в Вест-Индии был назначен «королевский инспектор индейцев» (*visitador de los Indios*), который должен был следить за соблюдением принятых в 1512–1513 гг. законов, признающих аборигенов свободными людьми, равных в правах с кастильцами. Теперь на законной основе они становились равноправными вассалами Кастильской короны [1].

Важным стал и переход ордена Франциска на сторону короля Фердинанда II Арагонского: после принятия «Законов Бургоса» именно францисканцы должны были заняться исполнением прямых обязанностей по распространению святой католической веры среди аборигенов, став вместе с доминиканцами, которые возвратились в Вест-Индию в 1512 г.¹, составной частью института королевской власти в Вест-Индии [1].

В итоге после принятия вышеупомянутых законов работа назначенных королем апелляционных судей на Эспаньоле привела к наступлению «роялистов» на Д. Колумба и его заместителей. Результатом этой борьбы стал саботаж местных властей в отношении королевских приказов – «подчиняться, но не исполнять» (*«se acata pero no se cumple»*) [1].

¹ Archivo General de Indias. [Documento] ES.41091. AGI/26//INDIFERENTE, 419, L. 4, F. 23R(1): Orden a Diego Colón. [Fecha de creación] 27 de September 1514, Valladolid.

Заключение

Накануне 1513 г. сложилась непростая ситуация в Новом Свете, вызванная несколькими причинами, вынуждающими к скорейшему официальному открытию новых земель, лежащих рядом с Вест-Индией.

Во-первых, введённая система энкомьенды приводила к массовой гибели местного населения Вест-Индии в результате тяжёлых работ на испанских поселенцев. Это вынуждало индейцев бежать на соседние острова, а испанских поселенцев – снаряжать экспедиции для захвата индейцев. Отмечая на карте новые острова, капитаны испанских кораблей так или иначе способствовали появлению территории будущей Флориды на картах под названием о. Бимини ещё до её официального открытия. В силу того, что корабли вместе командами и с капитанами нанимались для торговых операций в разных странах, секретные карты королевских картографов и информация о новых землях появлялась в разных государствах Старого Света. Также карты-портуланы с отмеченными новыми землями переходили в руки османских капитанов, когда испанские корабли подвергались нападению со стороны турок и берберов, пиратствующих в Средиземном море.

Во-вторых, противостояние интересов короны (королевский Дом династии Трастамара) и местной администрации в Вест-Индии (Дом Колумбов) застав-

ляло одну и другую стороны торопиться с отправкой экспедиции на север, чтобы юридически подчинить себе открываемые земли. Однако это противостояние являлось препятствием для хорошей подготовки – каждая из сторон мешала другой стороне организовать экспедицию по открытию земли на севере от Эспаньолы и Кубы. И здесь использовались множественные рычаги для саботажа: административный аппарат, финансовые, материальные и людские ресурсы.

Противостояние между Орденом св. Доминика и Орденом св. Франциска также переросло из противостояния в сфере влияния и лидерства в христианизации населения в плоскость открытой борьбы друг с другом, что привело к гуманным законам в отношении индейцев: законам Бургоса-Вальядолида 1512–1513 гг.

В силу вышеперечисленного необходимо было как можно быстрее официально открыть уже попавшие на карты новые земли под названием Бимини, лежащие на севере от Вест-Индии, и объявить их принадлежащими Кастильскому Королевству, опередив Дом Колумба. В этих условиях и готовилась экспедиция Хуана Понсе де Леона – роялиста и врага «Дома Колумбов». Именно в этих условиях началась длинная череда попыток освоения территории будущей Флориды.

Дата поступления в редакцию 07.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Александренков Э. Г. Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе (конец XV – середина XVI вв.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. 352 с.
2. Ашрафьян К. Э. Испанская колонизация Флориды в первой четверти XVI в.: методы, особенности, причины неудачи: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2022. 341 с.
3. Договор в Санта-Фе / пер. Я. М. Света // Хроники открытия Америки. Кн. 1 / пер. с исп. под ред. С. А. Шмидта. М.: Академический проект, 2000. С. 413–415.
4. Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крига, 2017. 1032 с.
5. Лас Касас Б. История Индий / пер. с исп. под ред. Д. П. Прицкер, Г. В. Степанова. Л.: Наука, 1968. 471 с.
6. Магидович И. П., Магидович В. Д. Очерки по истории географических открытий. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII вв.). М.: Просвещение, 1983. 399 с.
7. Путешествия Христофора Колумба: дневники, письма, документы / пер. Я. М. Света. М., 2008. 509 с.

8. Хроники открытия Америки / пер. с испанского. Кн. 1 / под ред. С. А. Шмидта. М.: Академический проспект, 2000. 490 с.
9. Цукерник Д. Я. О целях экспедиции Колумба. Т. II. Вып. 3. Алма-Ата: Талдыкурганская типография, 1957. 56 с.
10. Bueno A. Viagem do Descobrimento. Rio de Janeiro: Estação Brasil, 2019. 128 с.
11. Domingo R. S. Las leyes de Burgos de 1512 y la doctrina jurídica de la conquista // Revista jurídica de Castilla y León. 2012. № 28. P. 1–55.
12. Eksigil A. Ottoman Visions of the West (15th–17th centuries): Cand. Sci thesis in Historical sciences. Montreal, 2014. 165 p.
13. Fusion R. H. Juan Ponce de Leon: And the Spanish Discovery of Puerto Rico and Florida. Granville: Mc Donald & Woodward Pub Co., 1999. 284 p.
14. Hapgood C. H. Maps of the Ancient Sea Kings: Evidence of Advanced Civilization in the Ice Age. Kempton: Adventures Unlimited Press, 1997. 316 p.
15. Hess A. The Evolution of the Ottoman Seabourne Empire in the Age of Oceanic Discoveries, 1453–1525 // The American Historical Review. 1970. Vol. 75. P. 1894.
16. Interrupted game of England and French Huguenots on the chessboard // Utopia y Praxis Latinoamericana / K. E. Ashrafyan, N. E. Koroleva, N. V. Pospelova, M. S. Achaeva. 2020. Vol. 25. № Extra 10. P. 242–252. DOI 10.5281/zenodo.4155539.
17. Parry V. J., Cook M. A. A History of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 253 p.
18. Peck D. T. Misconceptions and Myths Related to the Fountain of Youth and Juan Ponce de Leon's 1513 Exploration Voyage [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.403.8989&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
19. Sanz V. M. Juan Ponce de Leon. Barcelona: Pareja, 1971. 253 p.
20. Starkey D. J. Pirates and Markets // Bandits at Sea: A Pirates Reader. London: New York Press, 2001. P. 107–125.
21. Turner S. Juan Ponce de León and the Discovery of Florida Reconsidered // The Florida Historical Quarterly. 2013. Vol. 92. № 1. P. 1–3.
22. Vallejo Puig F. Leyes de Burgos 1512 // Mar oceana: Revista del humanismo español e iberoamericano. 2010. Vol. 27. P. 200–202.

REFERENCES

1. Alexandrenkov E. G. [Aborigines of the Greater Antilles in a colonial society (end of the 15th – mid 16th centuries)]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN Publ., 2018. 352 p.
2. Ashrafyan K. E. *Ispanskaya kolonizatsiya Floridy v pervoy chetverti XVI v.: metody, osobennosti, prichiny neudachi: dis. ... kand. ist. nauk* [Spanish colonization of Florida in the first quarter of the 16th century: methods, features, causes of failure: Cand. Sci thesis in Historical sciences]. Mytishchi, 2022. 341 p.
3. *Capitulaciyn*. In: *Crynicas del descumbrimiento de Amürica. Nueva Espaca* (Rus. ed.: Schmidt S. A., ed. of transl. *Khroniki otkrytiya Ameriki. Kniga 1*. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2000, pp. 413–415).
4. Kofman A. F. *Pod pokrovitel'stvom Santyago. Ispanskoye zavoyevaniye Ameriki i sudby znamenitkh konkistadorov* [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of the famous conquistadors]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2017. 1032 p.
5. Las Casas B. *Historia de las Indias* (Rus. ed.: Pritzker D. P., Stepanova G. V., ed. of trans. *Istoriya Indiy*. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 471 p.).
6. Magidovich I. P., Magidovich V. D. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij. Velikiye geograficheskiye otkrytiya (konets XV – seredina XVII vv.)* [Essays on the history of geographical discoveries. Great geographical discoveries (the end of the 15th – the middle of the 17th centuries)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1983. 399 p.
7. *Viajes de Cristybal Colyn: diarios, cartas, documentos* (Rus. ed.: Sveta Ya. M., transl. *Puteshestviya Khristofora Kolumba: dnevniki, pis'ma, dokumenty*. Moscow, 2008. 509 p.).
8. *Crynicas del descumbrimiento de Amürica. Nueva Espaca* (Rus. ed.: Schmidt S. A., ed. of transl. *Khroniki otkrytiya Ameriki*. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2000. 490 p.).
9. Tsoukernik D. Ya. *O tselyakh ekspeditsii Kolumba. T. II. Vyp. 3*. [On the goals of the Columbus expedition. Vol. II. Iss. 3]. Alma-Ata, Tal'dykurganskaya tipografiya Publ., 1957. 56 p.

10. Bueno A. Viagem do Descobrimento. Rio de Janeiro: Estação Brasil, 2019. 128 с.
11. Domingo R. S. Las leyes de Burgos de 1512 y la doctrina jurídica de la conquista. In: *Revista jurídica de Castilla y León*, 2012, no. 28, pp. 1–55.
12. Eksigil A. *Ottoman Visions of the West (15th–17th centuries): Cand. Sci thesis in Historical sciences*. Montreal, 2014. 165 p.
13. Fusion R. H. *Juan Ponce de Leon: And the Spanish Discovery of Puerto Rico and Florida*. Granville, Mc Donald & Woodward Pub Co., 1999. 284 p.
14. Hapgood C. H. *Maps of the Ancient Sea Kings: Evidence of Advanced Civilization in the Ice Age*. Kempton, Adventures Unlimited Press, 1997. 316 p.
15. Hess A. The Evolution of the Ottoman Seabourne Empire in the Age of Oceanic Discoveries, 1453–1525. In: *The American Historical Review*, 1970, vol. 75, pp. 1894.
16. Interrupted game of England and French Huguenots on the chessboard. In: Ashrafyan K. E., Koroleva N. E., Pospelova N. V., Achaeva M. S. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, vol. 25, no. Extra 10, pp. 242–252. DOI 10.5281/zenodo.4155539
17. Parry V. J., Cook M. A. *A History of the Ottoman Empire to 1730*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976. 253 p.
18. Peck D. T. *Misconceptions and Myths Related to the Fountain of Youth and Juan Ponce de Leon's 1513 Exploration Voyage*. Available at: URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.403.8989&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 05.02.2020).
19. Sanz V. M. *Juan Ponce de Leon*. Barcelona, Pareja, 1971. 253 p.
20. Starkey D. J. Pirates and Markets. In: *Bandits at Sea: A Pirates Reader*. London, New York Press, 2001. P. 107–125.
21. Turner S. Juan Ponce de León and the Discovery of Florida Reconsidered. In: *The Florida Historical Quarterly*, 2013, vol. 92, no. 1, pp. 1–3.
22. Vallejo Puig F. Leyes de Burgos 1512. In: *Mar oceana: Revista del humanismo español e iberoamericano*, 2010, vol. 27, pp. 200–202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ашрафьян Константин Эдуардович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: kea6465@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin E. Ashrafyan – PhD of Historical Sciences, Independent researcher;
e-mail: kea6465@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 1: Введение в хронологию открытия, освоения и христианизации Флориды в XVI в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 86–98. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-86-98

FOR CITATION

Ashrafyan K. E. The chronology of the discovery and development of Florida in the 16th century. Part 1: Introduction to the chronology of the discovery, development, and Christianization of Florida in the 16th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 86–98.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-86-98

УДК 141.2(436)“1918–1939”

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-99-108

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Ф. А. ФОН ХАЙЕКА

Рудь А. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести анализ формирования социально-политических взглядов Фридриха Хайека в период первой половины его жизни.

Процедура и методы. Сочетание биографического подхода и метода интеллектуальной биографии.

Результаты. Статья представляет собой трансляцию формирования социально-политических идей Ф. Хайека. Анализ зарубежной историографии и источников привёл к тому, что раннее общее знакомство Ф. Хайека с эволюционистской парадигмой мысли способствовало модификации австрийской мысли о развитии общественно-политических институтов двух представителей австрийской школы и вызовов от политических дискурсов межвоенного периода (1918–1939 гг.), подтолкнуло его к созданию собственной политической философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обращение к биографии и опытам интеллектуальной работы позволяют нам раскрыть проблемы и события, которые способствовали становлению Ф. Хайека в межвоенное время (1918–1939 гг.) как политического философа.

Ключевые слова: либерализм, социализм, эволюционизм, австрийская школа, рационализм

ESTABLISHMENT OF F. A. VON HAYEK'S SOCIO-POLITICAL VIEWS

A. Rud

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the formation of socio-political views of Friedrich Hayek in the first half of his life.

Methodology. Research methods are a combination of a biographical approach and the method of intellectual biography.

Results. The article is a presentation of the formation of F. Hayek's socio-political ideas. The analysis of foreign historiography and sources led to the conclusion that the early general acquaintance of F. Hayek with the evolutionist thought paradigm contributed to the modification of Austrian thought about the development of socio-political institutions of two representatives of the Austrian school and the challenges from the political discourses of the interwar period (1918-1939). These factors pushed him to create his own political philosophy.

Research implications. Review of the biography and experiences of intellectual work makes it possible for us to reveal the problems and events that contributed to the establishment of F. Hayek as a political philosopher in the interwar period (1918-1939).

Keywords: liberalism, socialism, evolutionism, Austrian school, rationalism

Введение

Времена создают интеллектуалов, а интеллектуалы – будущее. Фридрих Август фон Хайек является одним из заметных интеллектуалов в истории политической мысли, повлиявших на идеи неоконсервативной волны 1980-х гг. В зарубежной историографии творчество Ф. Хайека стало одним из крупных объектов исследования в философии, экономике, праве и истории политической мысли.

Новизна социально-политических взглядов Ф. Хайека как политического философа определяется тем, что в исторической науке его идеи в рамках истории общественной мысли XX в. до сих пор остаются малоизученными. Это рождает ошибочные трактовки его вклада в политическую философию и в теорию экономических преобразований. Его взгляды на либерализм, социализм, демократию уникальны, т. к. в своей политической философии он оказался между либерализмом и консерватизмом. До сих пор в историографии его принадлежность к конкретной политической мысли не определена, несмотря на выход его эссе «Почему я не консерватор?» (1960 г.).

Прежде чем попытаться объяснить его систему социально-политической мысли, необходимо разобраться в вопросе, что же лежит в основе фундамента его социально-политической мысли. В связи с этим обратимся к его ранней биографии и проследим, какие идеи он воспринял прежде, чем было им написано первое философское эссе «Дорога к рабству».

Анализом данного вопроса занимались зарубежные авторы Б. Колдвелл, Д. Фрэнч, Х. Гиссурарсон и А. Эбенштейн. Они указывали на К. Менгера, Ф. Визера и Л. Мизеса как на авторов, изначально формировавших политическую мысль Ф. Хайека.

А. Эбенштейн выделил 3 тезиса влияния Л. Мизеса на Ф. Хайека: метод, мироощущение и программа, философия. Он приводит несколько цитат из книги «Социализм», которые, с его точки зре-

ния, наиболее вдохновили Ф. Хайека. Если кратко обобщить его тезис, то сутью исторического развития является битва идей [5, р. 39–40]. Это объясняет причину интереса Ф. Хайека к социализму как к утопии, к политической философии и к интеллектуальной истории. О ключевом влиянии Л. Мизеса на методологию Ф. Хайека также высказывается Б. Колдвелл на примере статьи Ф. Хайека «Факты общественных наук». В «Фактах» доказывается невозможность проведения проверки теорий социальных наук, однако Хайек использует тезис Мизеса для определения ментальной классификационной системы сознания [1, с. 17].

Х. Гуссирарсон, исследуя философию К. Менгера, сопоставляет его исследовательскую программу с Ф. Хайеком. Ф. Хайек познакомился с работами К. Менгера в период Первой мировой войны на полях итальянского фронта. Тезис Менгера заключается в эволюционном характере всех социальных феноменов. Подобный «эволюционистский» подход использует Ф. Хайек, когда объясняет характер социального взаимодействия между людьми через непреднамеренные действия. Этот тезис, близкий к взгляду К. Менгера, является ключевым в политической философии Хайека, что отмечает Х. Гуссирарсон. Однако он сам заявляет, что «органистское» (близкое к социал-дарвинистской позиции) объяснение социальных явлений не может являться объяснением природы социальных явлений с учётом разрозненных действий людей в обществе, как считал Ф. Хайек [7, р. 16–17].

Д. Фрэнч, в отличие от своих коллег, склонен вместе с биографом Л. Мизеса Й. Хюльсманом утверждать, что аналитически Хайек остался под влиянием Ф. Визера [6, р. 87]. С таким тезисом можно согласиться, однако характеристика Ф. Хайеком Ф. Визера как фабианского социалиста говорит нам об обратном. Следовательно, тезис Ф. Фрэнча остаётся спорным.

Ф. Хайек в своих воспоминаниях, в интервью сборника устной истории на сайте Калифорнийского университета и в рамках сборника воспоминаний «Судьбы либерализма» указывал на роль своих учителей.

Как видно из краткого историографического обзора, до сих пор не выявлено, какие обстоятельства и какие авторы сформировали взгляды Ф. Хайека как социального философа. В российской науке уделялось внимание только зрелому периоду жизни философа и учёного и его концепциям, но не рассматривалось время его становления.

Ранняя жизнь и Венский университет

Фридрих Август фон Хайек родился 8 мая 1899 г. в столице Австро-Венгрии – Вене. Известно, что он происходил из семьи учёных ботаников, в чьих библиотеках хранилась современная на тот момент времени литература по теориям эволюции. Ф. Хайек признавался, что в юности под влиянием отца открыл для себя ботанику и теорию эволюции. Однако с возрастом при несистематическом освоении философии и экономики всё больше уходил в сторону гуманитарных наук [7, р. 43]. Его раннее знакомство с теорией эволюции послужило основой его взглядов на экономику и политическую философию в русле процессов совершенствования общественной кооперации.

В 1918 г. Ф. Хайек поступает в Венский университет. Окончательный выбор своей научной сферы Ф. Хайек сделал после Первой мировой войны. Р. Шаренбург склонен считать, что «экономический хаос, в котором проигранная война оставила Австрию, несомненно, способствовала тому решению» [8, р. 160]. Мысль бесспорна, однако она плохо раскрывает детали, которые также послужили не только поражению Австро-Венгрии, но и её распаду. На вопрос интервьюера «Как вы заинтересовались в социальных науках, придя из семьи учёных естественных наук?» Ф. Хайек указал на проблему

мультинациональной армии, где разговаривали на различных языках¹. Возможно, Ф. Хайек посчитал политико-правовую систему австро-венгерского общества с её консерватизмом дома Габсбургов не способной сохранить Австро-Венгрию в довоенных границах в кризисные события страны того времени.

Выбор Венского университета был осознанным, т. к. ещё на полях итальянского фронта молодой человек познакомился с «Основаниями политической экономии» К. Менгера, который преподавал в данном университете. Именно с этой книги начался его путь как экономиста, а позже философа. «Органистский» взгляд К. Менгера на развитие политических институтов всеобщего блага согласуется с общим дискурсом теории эволюции. Это и привлекло интерес Ф. Хайека к австрийской школе. Однако к этому времени К. Менгер уже вышел на пенсию и не вёл частные семинары. Из оставшихся его прямых учеников в Венском университете был только Ф. Визер, вернувшийся к преподаванию в 1920 г.

Ванглоязычной историографии, в особенности между Б. Колдвеллом, А. Эбенштейном, Х. Гуссирарсоном, существуют споры о раннем влиянии на Ф. Хайека К. Менгера, Ф. Визера и Л. Мизеса. Как уже было отмечено, Ф. Хайек ознакомился с главной работой К. Менгера ещё во время войны и уже имел представления о принципах подхода, который именуется историками и философами, изучающими историю политической философии и экономику австрийской школы, как «методологический индивидуализм». Х. Гуссирарсон, развивая «органистскую» аналогию взгляда на социальные явления, отмечал важность уважения традиций общества. Однако с учётом изменчивости условий человеческого сотрудничества традиции необходимо адаптировать [4, р. 20]. **Ф. Хайек намного ближе к иде-**

¹ Hayek F. A. Hayek on Hayek: An Autobiographical dialogue / ed. by S. Kresge, L. Wenar. Indianapolis: Liberty fund, 2008. P. 48.

ям основателя австрийской школы, чем Ф. Визер и Л. Мизес, и «Основания политической экономии» стали почвой для поисков своих социально-политических взглядов. Идея «органистского характера» социальных явлений К. Менгера привлекла молодого Ф. Хайека, как выходца из семьи ботаников, где он ознакомился с основными идеями теорий эволюций, в т. ч. и с теориями, объясняющими эволюцию социальных явлений и политических институтов.

Многие авторы не видят существенного влияния Ф. Визера на Ф. Хайека. Б. Колдвелл отмечает, что Ф. Визер минимально повлиял на Ф. Хайека своими тезисами из «Социальной экономики», где он отмечает роль права и морали в конструировании поведения участников рынка и ограничения «рациональных утилитарных допущений» [4, р. 142]. Теория Ф. Визера иначе объясняла феномен эволюции политических институтов и развития права и морали из необходимости создания стабильного рынка, но через отправления власти людьми, а не законами. Позднее Ф. Хайек в своём *opus magnum* политической философии «Конституция свободы» не согласится с подобной трактовкой социальных явлений. Если Ф. Визер допускает вмешательство государственной власти в общество для стабилизации социальной экономики, то Ф. Хайек в свете заблуждений его времени трактует власть в русле конституционализма как правление общепринятых принципов и правил, а не людей: «Он основан, в конечном счёте, на понимании, что власть в основе своей – не физический факт, а состояние умов, которое заставляет людей повиноваться»¹. Философ трактует общие правила как «разделение знания» в обществе – разделение частного и публичного права. В видении государственной власти, а следовательно, государственного принуждения Ф. Визера заключена ловушка, которая может при-

вести к тоталитарному обществу. Р. Куббеду отмечает, что, по Ф. Хайеку, задачей государства является обеспечение гаранта дополитического общества [2, с. 340]. Законы должны быть настолько абстрактны, чтобы принуждение сводилось к минимуму и не воспринимались как неизбежное зло, а, скорее, как предупреждение. Иными словами, вера людей в главенство законов, которые были созданы не конкретным лицом, способствует их функционированию.

Если Ф. Визер повлиял на Ф. Хайека, то, скорее всего, на его философскую методологию, как это подчёркивает А. Эбенштейн. С его точки зрения, здесь состоит близость методологии Ф. Визера и Л. Мизеса, которая заключается в тезисе индуктивного характера всех конечных знаний [5, р. 39]. У Ф. Хайека она выражается в тезисе о «рассеянном знании» в обществе. Каждый гражданин владеет определённым багажом знаний, опыта и умений, в свою очередь определяющих его ценность для общества. Следовательно, возможность построения идеального будущего одним центром невозможно. Более того, знания в обществе не статичны, а динамичны. Поэтому задачей государства является обеспечение принципов верховенства закона. Это не конкретный нормативно-правовой акт, т. к., с точки зрения Ф. Хайека, любые законы покоятся на традициях общества. И пока идеал верховенства принципов закона представляются реализуемыми обществом, к этому идеалу будут идти. Однако если они представляются утопичными, то это дорога к тирании². В связи с этим Ф. Хайек ближе к Ф. Визеру, чем к Л. Мизесу. Последний руководствуется методологией априоризма, иными словами, человек действует, руководствуясь только своими приобретёнными знаниями. Л. Мизес отрицал возможность построения справедливой конституции, потому что проблема любой конституции заключается в

¹ Хайек Ф. А. Конституция свободы / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. С. 237.

² Хайек Ф. А. Конституция свободы / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. С. 275.

достижении личных выгод. Ф. Хайек соглашается с Л. Мизесом только в утверждении, что «всякая власть базируется на общественном мнении», но не с тезисом об «общественном сотрудничестве как эманации разумно понимаемой пользы»¹.

В послевоенное время, в период 1918–1920 гг., у власти в Австрии находились социал-демократы, а в университетах и салонах распространялись социалистические и философские идеи венского кружка. Сначала Ф. Хайек активно усваивал идеи логического позитивизма и социализма. В 1919 г. он на некоторое время отправляется в Цюрих на серию лекций, посвящённых основателю венского кружка М. Шлику, и там же изучает особенности пучков волокон мозга под руководством анатомиста К. Монакова. Либеральные принципы в выборе студентами предмета позволили Ф. Хайеку в те годы кроме экономики, права и философии изучать психологию.

Ф. Хайек был настолько увлечён идеями социализма в фабианской версии², что в юношеском порыве вместе с его друзьями из кружка О. Шпана пытался организовать Австрийскую демократическую партию. Однако он отмечал, что никогда не был увлечён марксистским социализмом, имея ввиду социализм ранних марксистов [4, р. 141]. Ф. Хайек не мог принять их тезисы в силу радикальной революционности, потому что на его глазах была разрушена многовековая государственность Габсбургов. Насильственные методы, на которых настаивали радикальные социалисты, были не приемлемы для австрийского общества, пережившего шок

краха государственности и поражения в войне. Тогда для Австрийской республики требовались идеи, которые могли бы скрепить новое общество и обеспечить предсказуемое будущее, что и предлагал фабианский вариант социализма.

После получения Ф. Хайеком степени доктора права, в ноябре 1921 г., Ф. Визер через рекомендательное письмо, описывая своего студента как перспективного молодого экономиста, предложил его кандидатуру Л. Мизесу на работу в Торговую палату. Несмотря на лёгкое недовольство отсутствием Ф. Хайека на своих приват-семинарах, но доверившись рекомендательному письму, Л. Мизес берёт на работу студента Ф. Визера [4, р. 143]. Б. Колдвелл указывает, что Ф. Хайек посещал приват-семинары Л. Мизеса дважды, но тогда он не мог согласиться с его либеральными взглядами и ответами на кризисные явления, т. к. в то время Ф. Хайек находился под влиянием фабианского социализма [4, р. 143]. Подобная трактовка убедительна в свете того, что в Австрии в некоторых кругах были популярны идеи социал-демократизма. Более того, Ф. Визер был скорее фабианцем, а не либералом в политических взглядах, о чём указывал сам Ф. Хайек [3, с. 63].

Кратко резюмируя, можно прийти к следующим выводам. Вернувшись с полей сражений итальянского фронта, Ф. Хайек под влиянием книги К. Менгера решает поступить в Венский университет. Влияние основателя австрийской школы было скорее косвенным, хотя впоследствии в своих воспоминаниях Ф. Хайек будет высоко оценивать вклад Менгера в философию и в экономику. Однако влияние социал-демократического реформизма в общественном мнении людей того времени было большим, особенно среди молодёжи. Ф. Визер был фактическим научным руководителем Ф. Хайека, близко познакомивший его с экономикой, юриспруденцией и философией. Стоит отметить, что концепцию эволюции политических институтов Ф. Визера, как

¹ Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 174.

² Прим.: Фабианский социализм представляет собой британскую версию социал-демократии. В отличие от социал-демократов фабианцы не формировали собственной партии и полностью отрицали резкие социальные перемены. Вместо этого они были настроены постепенно реформировать общество путём легальной политики и научной деятельностью. Известным представителем фабианцев являлся экономист Д. М. Кейнс.

результат развития общественных прав и морали, Ф. Хайек развил как в своих экономических изысканиях, так и в политической философии. Ф. Визер, как один из учеников К. Менгера, развил научно-исследовательскую программу своего наставника и передал её Ф. Хайеку. Вклад Ф. Визера представляется базовым, но всё же не решающим, несмотря на некоторые обратные утверждения, сложившиеся в историографии. Поэтому взгляды Л. Мизеса показались молодому Ф. Хайеку на первый взгляд слишком радикальными.

Однако стоит подробнее остановиться на анализе влияния Л. Мизеса на Ф. Хайека.

Л. Мизес и его книга «Социализм»

До получения доктора права в 1921 г. под руководством Ф. фон Визера Ф. Хайек был верен фабианскому социализму и видел в нём решение экономических и политических проблем Австрии его эпохи. Только выход «Социализма» Л. Мизеса в 1922 г., подобно грому среди ясного неба, перевернул представления Хайека о социализме во всех его проявлениях.

Своё восприятие от вышедшей книги Ф. Хайек изложил следующим образом: «Мы чувствовали, что цивилизация, в которой мы выросли, рухнула. Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм обещал желаемое – более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее»¹.

Основываясь на этих воспоминаниях, можно сказать, что Ф. Хайек окончательно отошёл от фабианского социализма. Ключевое ядро критики Л. Мизеса заключается в том, что в силу рыночной приро-

ды денег как обменного средства, а также априорного субъективистского выбора человеком средств производства и товаров потребления обществу невозможно навязать сверху окончательную форму производственной модели и контролировать все сферы экономики. Здесь Л. Мизес помог ему в создании собственного аргумента против социализма – в субъективизме выбора и действий человека. Человек не является монстром *Homo economicus*², т. к. его действия не всегда объяснимы с позиции рационализма и опираются на опыт индивида. С его точки зрения, социализм невозможен потому, что деньги как обменные средства возможны только в рыночной экономике. При попытке создания централизованного государственного механизма с большим бюрократическим аппаратом риски искажения информации будут высоки, а следовательно, экономика будет получать меньший доход или развалится. Такая трактовка, безусловно, может показаться поверхностной и спорной. Ф. Хайек считал, что информация и знания постоянно эволюционируют, и оцениваются людьми по-разному. Одной из форм оценки могут послужить деньги. Иными словами, по Ф. Хайеку, невозможно точно построить план на основе имеющихся данных, а также вследствие ограниченности знаний у человека³.

Ф. Хайек не разделял взгляды с Л. Мизеса и в политической философии. Для Л. Мизеса основой либерального порядка являлась «собственность, т. е. частное владение средствами производства»⁴. В его представлениях суть либерализма заключается в признании права разума в сфере социально-экономической политики, как и во всех сферах чело-

¹ Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 167.

² Прим.: *Homo economicus* – концепция, утверждающая условную модель человека, выбор которого всегда отвечает рациональными действиями.

³ Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой. Челябинск: Социум, 2011. С. 211.

⁴ Мизес Л. фон. Либерализм / пер. с англ. А. В. Куряева. М.: Челябинск: Социум. С. 21.

веческой деятельности¹. Ф. Хайек соглашается с тезисом Л. Мизеса. Однако ему подобная трактовка представляется утилитаристской или «рационально-конструктивистской»². Более того, продолжая мысль Л. Мизеса, Ф. Хайек счёл такую формулировку недостаточной, т. к. она может принести ещё больший вред обществу. Поэтому Ф. Хайек объединил концепцию Л. Мизеса о «человеческой деятельности» с концепцией Ф. Визера о единстве эволюции права и морали с развитием общественных институтов. Иными словами, наша свобода строится на основе многочисленных действий наших предшественников, таким образом формируя права, мораль законы и традиции на основе знаний. Поэтому в своих работах Ф. Хайек приводит читателей к мысли, что свобода не была выбрана, а всегда была обстоятельством выбора, так же как и рыночный порядок, и идеология свободы, иными словами – это плод «стихийных порядков».

Исследователи взглядов Ф. Хайека и Л. Мизеса в целом соглашаются с тем, что два мыслителя австрийской школы различаются в во взглядах на политическую философию. Д. Фрэнч, иллюстрируя несогласие Ф. Хайека с Л. Мизесом, пришёл к выводу, что мизесианский рационализм³ подводит идею человеческих действий как априорную причину создания всех современных социальных институтов. Ф. Хайек отметил, что также рационально можно доказать необходимость создания централизованного аппарата управления государством [6, р. 90]. Б. Колдвелл считал, что Ф. Хайек хотел улучшить мизесианские аргументы [4, р. 148]. Это видно в критике Ф. Хайека теорий, ставших основой социалистической мысли. Используя источники из книги «Социализм», в попытке допол-

¹ Там же. С. 6.

² Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 174.

³ Прим.: Имеется ввиду близость Л. Мизеса с утилитаризмом

нить тезисы Л. Мизеса, он создаёт свою систему аргументации в критике социализма.

Л. Мизес смог показать Ф. Хайеку вред социалистических идей и тем самым окончательно привёл последнего к либерализму. Тезисы и аргументы из книги «Социализм» изменили взгляды молодого философа. Однако уже на тот момент он имел свой научно-методологический аппарат, отличающийся как философски, так и экономически. Единственная их близость состояла в борьбе против социалистической мысли под «знаменем» либерализма. Удивительно, что среди многочисленных посетителей приват-семинаров Л. Мизеса Ф. Хайек запомнился ему как один из самых способных молодых людей, до той степени, что супруга Л. Мизеса, Маргарет, напишет в своих мемуарах: «Лу при встрече с **каждым** новым студентом поощрял его, надеясь, что один из них станет новым Хайеком»⁴.

Переезд в Лондон и первый философский дебют

В 1931 г. по приглашению экономиста Л. Роббинса Ф. Хайек переезжает в Лондон. Британский экономист заинтересовался австрийской теорией экономических циклов после прочтения работ Л. Мизеса и был заинтересован в поисках союзников в экономических дебатах в стенах Лондонской школы экономики (ЛШЭ) и Кембриджа.

Приехав в Лондон, Ф. Хайек становится свидетелем международной ситуации, которая развивается в интеллектуальной среде повсеместно в Европе. Ожесточённые дискуссии развивались между левыми и правыми группами интеллектуалов, однако все они были солидарны с методом обустройства гражданского общества – методом планирования, который в итоге превратился в лозунг и идею. Несмотря на то, что данные явления активнее развивались в течение 1920-х гг.,

⁴ Mises M. My years with Ludwig von Mises. New York: Arlington House Publisher, 1976. P. 135.

Ф. Хайек, скорее всего, посчитал, что обзудать мейнстрим можно с помощью экономических аргументов. Однако дебаты с Д. М. Кейнсом и П. Сраффой окончились ничем.

В одном из своих интервью в 1939 г. Ф. Хайек описывает ситуацию в Англии. Он говорил, что большинство людей уверовало в национал-социализм как реакцию капитализма против социализма, тем самым способствуя популярности нацизма в Англии¹. С точки зрения Ф. Хайека, в Великобритании 1930-х гг. особо популярными течениями социополитической мысли были сторонники диктатуры и представители фабианского движения. Это видно в следующей цитате: «Речь идёт только о том, как осуществлять всё это наилучшим образом: должен ли субъект, наделённый огромной властью, заботиться о создании условий, мобилизующих знания и инициативу индивидов, которые сами осуществляют планирование своей деятельности, или же рациональное использование организации и управления всеми процессами деятельности в соответствии с некоторой сознательно сконструированной программой»². Взлёт на британской политической арене лейбористов после войны окончательно выбил вигов из пантеона правящих партий, что подстегнуло политиков и интеллектуалов искать новые подходы для политической и интеллектуальной борьбы за первенство. Видя политический популизм того времени, Ф. Хайек разочаровывается в демократии как в правовом инструменте. Поэтому он предлагает использовать идею «беспристрастности закона» на базе экономических и морально-политических аргументов. Первый опирается на государство как гаранта законов, основанных на свободе действий индивидов. Оно должно дать общие правила, чтобы инди-

вид имел возможность планировать действия правительства³. Второй базируется на главенстве права, а именно законы не должны преследовать конкретную цель, т. к. конкретная цель воздействует на людей в интересах политического большинства⁴. В подобной трактовке законов и политических институтов видно, что Ф. Хайек отталкивается от Ф. Визера, но с той разницей, что для первого законы выступают в качестве основного судьи в обществе.

Ф. Хайек пришёл к выводу, что обстоятельства времени и заставили обратиться к философским вопросам политики, нежели к узко экономическим вопросам. В конце концов, Ф. Хайек являлся свидетелем популяризации социализма в Вене и читателем книги Л. Мизеса «Социализм», где кратко показана привлекательность различных идей социализма путём использования его сторонников образа идеальной утопии. Поэтому Ф. Хайек понял, что необходимо разоружить своих оппонентов политическими работами и создать новую утопию взамен коллективистским идеалам, которая могла бы предложить иное будущее, основанное на индивидуализме. Так, в июне 1940 г. он в письме Ф. Махлупу признаётся в написании проекта «Исследования злоупотребления и упадок разума» (*Studies on the Abuse and Decline of Reason*)⁵. Молодой философ планировал на уровне эпистемологии и истории идей изучить корни тоталитарных идеологий и идей экономического планирования в социальной мысли и политики.

«Дорога к рабству», вышедшая в 1944 г., является работой, где Ф. Хайек отметил несостоятельность возникновения идей национал-социализма и фашизма как вызов большевизму и представления об Италии, Германии и России как о

¹ Hayek F. A. Hayek on Hayek: An Autobiographical dialogue. Indianapolis: Liberty fund, 2008. P. 102.

² Хайек Ф. А. Дорога к рабству / пер. с англ. М. Гнедовский. М.: Новое издательство, 2005. С. 59.

³ Хайек Ф. А. Дорога к рабству / пер. с англ. М. Гнедовский. М.: Новое издательство, 2005. С. 93.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Hayek F. A. Studies on the abuse and decline of reason: text and documents. Indianapolis: Liberty fund, 2018. P. 312.

мирах, где существует предрасположенность к тоталитаризму. Однако было бы наивно думать, что книга была направлена против тоталитаризма, как это кажется на первый взгляд. Книга начинается с послания в адрес «социалистам всех партий», что даёт нам прямой намёк на фабианцев и социал-демократов. Издание данной работы стала окончательным поворотным моментом в карьере Ф. Хайека. После неё он предстал перед читающей аудиторией не только как экономист, но и как социальный философ.

Заключение

Истоки философии Ф. Хайека можно охарактеризовать следующим образом. Под влиянием Ф. Визера, как и под влиянием раннего знакомства с теориями эволюции, он развивает идеи эволюции политических институтов в качестве развития моральных норм, прав и традиций. Базовыми элементами данных социальных норм являются знания, которые со временем эволюционируют и видоизменяют политико-правовую систему общества. Ф. Визер как продолжатель научно-исследовательской программы К. Менгера сформировал основные социально-политические представления Ф. Хайека.

Л. Мизес повлиял на представления Ф. Хайека тезисом, что в основе общества лежит эгоистическая природа человека. Если Ф. Визер мало уделяет внимания усилиям социума в развитии политических институтов и общества, то Л. Мизес придаёт этому ключевую роль. Ф. Хайек критически подошёл к обоим наставникам и поэтому объединил две концепции в своих экономических и социально-политических взглядах. С одной стороны, традиции и политические институты создаются стихийно в течение долгого существования цивилизации методом проб и ошибок людей. В этом и заключается его концепция «стихийных порядков». С другой стороны, Ф. Хайек не верил в принцип «Laissez faire», одним из сторонников которого был Л. Мизес.

В критический период истории XX в., в предвоенные годы и годы Второй мировой войны, Ф. Хайек, начиная с «Дороги к рабству», занялся пересмотром той политической модели общества, которая существовала до Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Новая мировая война (1939–1945 гг.) и изменения общественно-политического и интеллектуального сознания определили точку невозврата к прежним временам.

Дата поступления в редакцию 27.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Колдвелл Б. Введение // Хайек Ф. Рынок и другие порядки Т. 15 / пер. с англ. под ред. А. В. Куряева. М.: Челябинск: Социум, 2020. С. 9–56.
2. Куббеду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы / пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.: Челябинск: Социум, 2019. 406 с.
3. Хьюльсман Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса / пер. с англ. А. Куряева. М., Челябинск: Социум, 2013. 879 с.
4. Caldwell B. J. Hayek's challenge: an intellectual biography of F. A. Hayek. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. 489 p.
5. Ebenstein A. Friedrich Hayek: A Biography. Chicago: The University of Chicago press, 2003. 403 p.
6. French D. Hayek and Mises // A collaborative biography. Part I: Influences, from Mises to Bartley / ed. by R. Leeson. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 80–92.
7. Gissurarson H. H. Hayek's conservative liberalism. New York: Garland Publishing, Inc., 1987. 222 p.
8. Scharrenborg R. A young man in Vienna – life in early 20th century Austria and its possible impact on the initial development of Hayek's thought // A collaborative biography. Part II: Austria, America and the Rise of Hitler, 1899–1933 / ed. by R. Leeson. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 159–177.

REFERENCES

1. Caldwell B. [Introduction]. In: *Hayek F. The Market and other orders*. Vol. 15 (Rus. ed.: Kuryaeva A. V., transl. *Rynok i drugiye poryadki. Tom 15*. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2020, pp. 9–56).
2. Kubeddu R. *The philosophy of the Austrian school* (Rus.ed.: Kuryaev A., transl. *Liberalizm, totalitarizm i demokratiya: politicheskaya filosofiya avstriyskoy shkoly*. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2019. 406 p.).
3. Hulsmann J. G. Mises: The last knight of liberalism (Rus. ed.: Kuryaev A., transl. *Posledniy rytsar liberalizma: zhizn i idei Lyudviga fon Mizesa*. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2013. 879 p.
4. Caldwell B. J. *Hayek's challenge: an intellectual biography of F. A. Hayek*. Chicago, The University of Chicago Press, 2005. 489 p.
5. Ebenstein A. *Friedrich Hayek: A Biography*. Chicago, The University of Chicago press, 2003. 403 p.
6. French D. Hayek and Mises. In: Leeson R., ed. *A collaborative biography. Part I: Influences, from Mises to Bartley*. London, Palgrave Macmillan, 2013, pp. 80–92.
7. Gissuranson H. H. *Hayek's conservative liberalism*. New York: Garland Publishing, Inc., 1987. 222 p.
8. Scharrenborg R. A young man in Vienna – life in early 20th century Austria and its possible impact on the initial development of Hayek's thought. In: Leeson R., ed. *A collaborative biography. Part II: Austria, America and the Rise of Hitler, 1899–1933*. London, Palgrave Macmillan, 2015, pp. 159–177.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артём Александрович Рудь – аспирант кафедры всеобщей истории, археологии и методологии факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: rud_artyom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyom A. Rud – Postgraduate student, Department of General History, Archeology and Methodology of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education;
e-mail: rud_artyom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рудь А. А. Становление социально-политических взглядов Ф. А. фон Хайека // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 99–108.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-99-108

FOR CITATION

Rud A. A. Establishment of F. A. von Hayek's socio-political views. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 99–108.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-99-108

УДК 327.56(5691/569.4)

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-109-119

СИРИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ГОЛАНСКИХ ВЫСОТ

Хазанов А. М., Гасратян С. М.

Институт востоковедения Российской академии наук

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать вопрос Голанских высот на Ближнем Востоке к моменту окончания сирийско-израильских мирных переговоров в 1994 г.

Процедуры и методы. Проведён анализ ряда ближневосточных изданий. В основе методологического подхода лежит принцип историзма. Применены методы системного анализа событий и проблемно-хронологического их рассмотрения.

Результаты. Рассмотрены исторические предпосылки конфликта вокруг Голанских высот в сирийско-израильских отношениях. Проанализировано стратегическое положение региона, обоснованы законодательные аспекты, связанные со спорными территориями.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён материал по сирийско-израильским отношениям. Материалы исследования могут быть использованы при разработке специальных курсов по изучению арабо-израильских конфликтов.

Ключевые слова: арабо-израильские конфликты, Голанские высоты, еврейские поселения, Израиль, Сирия

SYRIAN-ISRAELI RELATIONS AND THE GOLAN HEIGHTS PROBLEM

A. Khazanov, S. Gasratyan

Institute of Oriental Studies (the Russian Academy of Sciences)

ul. Rozhdestvenka 12, Moscow 107031, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the state of the Golan Heights problem in the Middle East by the end of the Syrian-Israeli peace talks in 1994.

Methodology. The study analyzed a number of Middle Eastern publications. The methodology of the research is based on the principle of historicism. Methods of system analysis of events and their problem-chronological consideration are applied.

Results. The authors examined the historical background of the conflict around the Golan Heights in Syrian-Israeli relations. The strategic position of the region was analyzed, the legislative aspects related to the disputed territories were substantiated.

Research implications. The article summarizes the material on Syrian-Israeli relations. The research materials can be used in the development of special courses on the study of the Arab-Israeli conflicts.

Keywords: Arab-Israeli conflicts, Golan Heights, Jewish settlements, Israel, Syria

Введение

Одной из актуальных проблем на Ближнем Востоке является вопрос о статусе Голанских высот. Цель настоящей статьи – выявить значение Голанских высот в контексте отношений Израиля и Сирии. Авторы ставили перед собой следующие задачи:

- изучить подходы Израиля и Сирии к этой проблеме;
- раскрыть факторы, влияющие на позиции сторон;
- рассмотреть возможные сценарии развития событий.

Основу источниковой базы составили разнообразные опубликованные документы и работы российских и зарубежных авторов, касающиеся проблемы Голанских высот.

В монографии И. Г. Звягельской, Т. А. Карасовой и А. В. Федорченко «Государство Израиль»¹ делается вывод, что цель Х. Асада в переговорах с Израилем состояла в том, чтобы добиться от него возвращения всех Голанских высот. Израиль был категорически против. В книге Э. П. Пир-Будаговой «История Сирии. XX век»² подробно рассматриваются мирные переговоры Сирии и Израиля, включавшие проблему Голанских высот. Обстоятельному анализу проблема Голанских высот была подвергнута в кандидатской диссертации С. Мелконяна «Политика Израиля в отношении Сирийской Арабской Республики (2009–2019)»³.

Из работ зарубежных авторов следует отметить фундаментальную монографию израильского историка Г. Сакера «История Израиля»⁴, А. Эпштейна «Израиль-

ская война против Хезболлы»⁵, М. Моше «Сирия и Израиль» [8] и английского историка А. Кордесмана «Israel end Siria» [6].

Однако в целом проблема Голанских высот в контексте отношений между Сирией и Израилем исследована недостаточно, и некоторые её аспекты остаются невыясненными.

Стратегическая география Голан

В результате войны 1967 г. Израиль оккупировал принадлежавшие Сирии Голанские высоты. Стратегическое значение Голанских высот определяется их географией. Точное определение границ Голан отсутствует. Но их западной границей принято считать долину р. Иордан, южной – р. Ярмук, северной – р. Саар, которая отделяет вулканическое плато от каменистых предгорий горы Хермон. Восточная граница Голан не совсем ясна, хотя иногда ею считают реки Аллан и Рукад.

Голанские высоты имеют высоту от 120 до 520 м. На западе крутой откос Голан возвышается над р. Иордан и Галилейским морем на 500 м [4, р. 223]. На севере рядом с границей с Ливаном возвышается гора Хермон, а на востоке расположено плато Хауран. Около горы Хермон находится оз. Биркат Рам, в которое впадают подземные ручьи.

Голаны представляют большие естественные возможности для обороны, и Израиль возвёл там мощную систему огневых точек, противотанковых заграждений, минных полей. Сирия на своей части Голанских высот также соорудила мощную систему укреплений [6, р. 223].

Эти географические особенности создают уникальные возможности для наземной войны и оказались решающим фактором в войнах 1948, 1967 и 1973 гг. Однако следует отметить, что будущая война между Израилем и Сирией (если

⁵ Эпштейн А.Д. Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2006. 203 с.

¹ Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль = The State of Israel. М.: ИВ РАН, 2005. 559 с.

² Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.

³ Мелконян С. Г. Политика Израиля в отношении Сирийской Арабской Республики (2009–2019): дис. канд. ист. наук. М., 227 с.

⁴ Сакер Г.М. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней: в 3-х т. / пер. с англ. В. Гопмана. М.: Книжники, 2011. 1823 с.

она будет) будет кардинально отличаться от всех предыдущих. Новая ключевая характеристика военной конфронтации – электронные и сенсорные технологии. Эти технологии, одинаково эффективно работающие в любую погоду и в любое время дня и ночи, фундаментально изменили боевую мощь ЦАХАЛа. Израиль может теперь вести постоянное наблюдение над зоной Голан и знать с высокой степенью точности всё, что там происходит. Сирия гораздо меньше осведомлена о происходящем на захваченных Израилем Голанских высотах из-за отсутствия доступа к высоким вершинам и современным средствам наблюдения, какие есть у Израиля.

Второй фактор, игравший большую роль во всех сирийско-израильских сражениях за Голаны, – это способность проводить воздушные атаки, а также совместные операции ВВС и наземных войск. Этот фактор также претерпел фундаментальные изменения в пользу Израиля [1, с. 85]. Правда, Сирия имеет эффективные ракеты «земля–воздух». Но её военные самолеты не могут рассчитывать на успех в воздушных сражениях с израильской авиацией, и поэтому сирийские ракеты «земля–воздух» легко могут быть выведены из строя израильскими бомбардировщиками. В 2007 г. Израиль значительно увеличил бюджетные ассигнования на оборону, чтобы улучшить подготовку и повысить боеспособность ЦАХАЛа. Он поднял на более высокий уровень наблюдение над Голанскими высотами с помощью спутников и других новейших средств наблюдения.

Сирия также работает над улучшением подготовки и повышением боеспособности своей армии. Она приобрела противотанковые управляемые ракеты и разместила около Голан новейшие системы ПВО. В 2007 г. израильская пресса сообщала о крупномасштабных военных учениях (имитация наступления) сирийских войск, свидетельствующих об их планах начать войну¹.

¹ Jewish Daily Forward. 2007.March 9.

Еврейские поселения на Голанских высотах

Одним из серьёзных препятствий в мирных переговорах Израиля с Сирией был вопрос о еврейских поселениях на Голанских высотах. Сирия настаивала не только на уходе израильских войск с Голан, но и на полной эвакуации всех еврейских поселений. Эти требования были неприемлемы для Израиля.

В начале 1994 г. на Голанских высотах было 32 еврейских поселения. Первое из них, Мером Голан, появилось ещё в конце 1967 г. За ним последовали ещё 3 поселения в 1968 г., 1 – в 1969 г., 2 – в 1970 г. и т. д. Пиковым стал 1978 г., когда появились 4 новых поселения. Медленные темпы роста поселений были связаны со скудостью природных ресурсов, особенно воды и пригодной для возделывания земли. Это ограничивало возможности для развития сельского хозяйства. Но израильские лидеры полагали, что можно будет привлечь туда новых поселенцев, которые смогут работать в сфере туризма и в таких отраслях хозяйства, в которых Голанские высоты имеют преимущества, например, в виноделии. Кроме того, обсуждалась идея открытия университета в Северной Галилее, который привлёк бы туда много молодёжи.

Еврейское население Голанских высот было немногочисленным: в начале 1994 г. оно составляло около 13 тыс. чел., т. е. в 10 раз меньше, чем в Иудее и Самарии, и меньше, чем друзов на Голанах (16 тыс.) [9, р. 70].

Потенциальный рост еврейской общины на Голанских высотах ограничивался следующими факторами:

1. отдалённостью от центра страны: израильтяне охотнее селились не на Голанских высотах, а в Иудее-Самарии, которая ближе к центру;

2. перспективой трудоустройства, которое является серьёзной проблемой на Голанских высотах, впрочем, как и во многих частях Израиля.

В 1992–1994 гг. на Голанах были открыты шоколадная и деревообделочная фабрики, а также налажено производство вин и минеральных вод.

Общественный нажим на правительство (не уступать Голаны и не удалять еврейские поселения!), а также Закон о Голанских высотах 1981 г., который учредил на Голанах израильскую администрацию и ввёл там израильскую юрисдикцию, – это могущественные барьеры для любого правительства, которое захочет вернуть эту территорию Сирии.

Естественно, волнует резидентов этого района то, что в случае сирийской атаки Голанские высоты станут главным театром военных действий. Но для тех, для кого Голанские высоты – родной дом, наибольшие опасения вызывает то, что в ходе переговоров с Сирией Израиль может уступить этот район и эвакуировать поселения, как это уже случилось на Синае.

На Голанских высотах нет сирийских арабских поселенцев. 70 тыс. арабов, живших в 35 деревнях, бежали из этого района в 1967 г. 16 тыс. друзов остались на Голанах [9, p. 72].

Строительство еврейских поселений отражает официальную доктрину безопасности Израиля, гласящую, что региональная система обороны – это элемент военной силы страны. В специфических условиях Иудеи-Самарии и Голанских высот с учётом того, что численность регулярных войск на Голанах ограничена, еврейские поселения приобретают определённое оборонительное значение. В случае внезапной атаки сирийцев местные жители могут помогать ЦАХАЛ и восполнять регулярные войска до мобилизации резервистов. Они также смогут оказывать помощь в противодействии проникновению шпионов и террористов. Некоторые поселения очень малы, и их вклад в войну будет ограниченным, скорее они станут бременем, т. к. необходима эвакуация женщин и детей. Но чем

больше будет поселений, тем больше будет актива безопасности.

Профессор И. Дрор считал, что поселения имели прежде всего политическую значимость, т. к. они смогли «обеспечить израильскому правительству свободу действий в мирных переговорах или даже при временном урегулировании»¹. Генерал-майор И. Тель отметил, что поселения имеют большую ценность с точки зрения безопасности государства.

Эти заявления отражают существование двух главных школ в теории национальной безопасности:

1. еврейские поселения на Голанах имеют незначительную ценность, т. к. задача вести войну возложена на ЦАХАЛ, а поселения – это скорее обуза;

2. Голанские высоты имеют большую ценность с точки зрения безопасности, а существование поселений – это гарантия, что эта территория не будет уступлена и будет содействовать обороне страны.

Сторонники первой точки зрения считают, что поселения не имеют никакой стратегической ценности, поскольку если будут своевременные предупреждения о готовящейся сирийской атаке, несколько сотен дополнительных солдат из поселений не будут иметь никакого значения – у ЦАХАЛ будет необходимое время, чтобы мобилизовать и перебросить на фронт резервистов. Более того, в случае внезапной атаки у ЦАХАЛ не будет времени на эвакуацию женщин и детей из поселений, т. к. главной задачей будет остановить наступающую сирийскую армию.

Кроме того, сирийцы, очевидно, пришли к заключению, что в войне 1973 г. они сделали ошибку, не атаковав еврейские поселения на Голанах.

Поэтому израильские лидеры полагают, что в будущей войне сирийцы атакуют поселения, подвергнут артобстрелу, в связи с чем будут тяжёлые потери среди жителей. Кроме того, сирийцы могут по-

¹ Dror Yehezkel. Security and settlement. – Mibifuum: the united kibbutz movement. № 49, Summer 1987 (hebrew). P. 83.

пытаться захватить несколько поселений и удерживать их как сильные козырные карты в дипломатической торговле с Израилем.

Сторонники второй точки зрения утверждают, что, хотя поселения были созданы, скорее, исходя из политических, чем из стратегических соображений, дополнительный боеспособный персонал на Голанских высотах содействует обеспечению безопасности. Многие поселения очень малы, но даже 20–30 защитников на стратегически важных дорогах могут задержать сирийское наступление до прибытия ЦАХАЛа. Это преимущество перевешивает главный недостаток поселений – необходимость эвакуировать женщин и детей в случае сирийского наступления.

После войны 1973 г. все поселения на Голанских высотах были основательно укреплены. Каждое поселение теперь снабжено системой наблюдательных постов и всем необходимым для самообороны. Имея противотанковые ракеты, артиллерию и другое современное вооружение, они могут стать серьёзным препятствием для наступающих сирийских войск. Поселенцы на Голанских высотах разделяют эту точку зрения, утверждая, что если их комбатанты хорошо обучены и снабжены современным оружием, они могут существенно помочь обороне.

Этот подход исходит из того, что в будущей войне эти поселения не будут эвакуированы, и их сотни комбатантов обеспечат оборону укрепленных пунктов и наблюдательных постов в первые часы сражения¹.

Поселенцы утверждают, что «комбатанты могут быть дислоцированы в нужных местах в течение двух часов и внесут значительный вклад в оборону в случае внезапной сирийской атаки», «сирийцы рассматривают каждое поселение как объект обороны, и, конечно, в случае войны только женщины и дети, но не

мужчины-комбатанты будут эвакуированы».

Защитники этой точки зрения аргументируют её также тем, что существование поселений помогает мотивировать солдат ЦАХАЛа упорно сражаться за Голанские высоты и, следовательно, имеет позитивную психологическую ценность. Эти поселения дают еврейским резидентам уверенность, что ЦАХАЛ будет упорно сражаться за Голанские высоты.

В первые годы генералы, командовавшие Северной группой войск, утверждали, что эти поселения должны размещаться не ближе 5 км от израильско-сирийской границы и за горами, чтобы их не могли просматривать сирийские наблюдательные посты. Однако позже эта концепция была отвергнута. На практике около трети поселений на Голанах (10 из 32) расположены меньше, чем в 5 км от границы. В 1991 г. четверть поселений имели меньше 30 семей каждая. Например, в Натур было 7 семей, в Хаднес – 25, Канаф – 19, Одем – 22, Гошур – 30, Кела – 19 [9, p. 78].

Для любого израильского правительства трудно принять решение об удалении еврейских поселений с Голанских высот. Хотя еврейское население на Голанских высотах относительно мало численно (к середине 1990-х гг. – 13 тыс. чел.) и не способно оказывать такой сильный нажим на правительство, как население Иудеи-Самарии (в 10 раз больше), 2 фактора серьёзно мешают приятию такого решения:

1. в стране существует абсолютный консенсус в отношении того, что Голанские высоты жизненно важны для обороны северного Израиля и его водных ресурсов. Поэтому ЦАХАЛ и поселенцы должны оставаться там;

2. большинство населения Израиля – эмигранты, которых в своё время вынудили покинуть родную землю, и поэтому тему насильственного переселения они воспринимают крайне болезненно.

С другой стороны, сирийцы никогда не согласятся заключить мир с Израилем,

¹ Dictionary of military terms / Y. Bourla, ed. Tel Aviv, 1988. P. 421.

если на Голанах будут существовать поселения под израильским суверенитетом.

Закон о Голанских высотах

14 декабря 1981 г. Кнессет принял закон о Голанских высотах [3, с. 23]. Это был один из двух законов в истории Израиля, три чтения которого были приняты за один день. Утром кабинет министров единогласно принял предложение премьер-министра М. Бегина внести законопроект, в 4 часа дня билль был внесён в Кнессет и к концу дня уже был одобрен в трёх чтениях.

Окончательное голосование – 63:21 в пользу законопроекта.

«За» голосовали Ликуд, Национальная религиозная партия, 8 членов Мапай; «против» – Компартия, 18 членов Мапай и др. Раскол в Мапай отражает сильную поддержку в партии еврейских поселенцев на Голанах.

Закон о Голанских высотах гласит:

1. законодательство, юрисдикция и администрация Государства Израиль распространяются на территорию Голанских высот;

2. этот закон вступает в силу в день его принятия Кнессетом. Ответственность за исполнение этого закона возлагается на министра внутренних дел¹.

Сирия реагировала на принятие закона о Голанских высотах в Израиле с гневом и возмущением. Так, спикер сирийского парламента 16 декабря 1981 г. заявил: «Значение этого израильского решения – это аннексия оккупированной сирийской территории, объявление войны Сирии и аннулирование соглашения о прекращении огня»².

Уже 14 декабря 1981 г., в день, когда Кнессет принял закон о Голанских высотах, Сирия потребовала срочного созыва СБ ООН для того, «чтобы обсудить решение израильского правительства о распространении израильского законо-

дательства на оккупированные Голанские высоты»³.

17 декабря СБ единогласно одобрил Резолюцию, гласящую:

1. решение Израиля распространить свои законодательство, юрисдикцию и администрацию на оккупированные сирийские Голанские высоты является юридически ничтожным и недействительным, и неимеющим международно-правовой силы;

2. Израиль – оккупирующая страна, должна отменить это своё решение⁴.

Генеральная Ассамблея ООН также резко осудила этот закон. 20 января 1982 г. СБ ООН принял резолюцию, вводящую санкции против Израиля. Эта резолюция СБ ООН заявляла, что «продолжающаяся с июня 1967 г. оккупация сирийских Голанских высот и их аннексия Израилем 14 декабря 1981 г. представляют собой продолжающуюся угрозу международному миру и безопасности. «Поэтому решение израильского правительства от 14 декабря 1981 г. – это акт агрессии, и все государства – члены ООН должны предусмотреть «применение конкретных и эффективных мер для того, чтобы свести к нулю израильскую аннексию сирийских Голанских высот, а также воздерживаться от предоставления какой-либо помощи и кооперации с Израилем в демилитаризованных зонах (ДЗ), чтобы сдержать Израиль»⁵.

Хотя Голаны оккупированы Израилем, эта территория не имеет для Сирии такой большой экономической ценности, как, скажем, Синай и Суэцкий канал – для Египта или Западный берег – для Иордании.

Более того, хотя Сирия не имеет больше возможности обстреливать территорию Израиля с хорошо укрепленных позиций, она относительно надёжно за-

¹ Official Gazette. Jerusalem, December 15, 1981.

² FBIS, V, № 242, December 17, 1981. P. H-3.

³ Letter from Syrian ambassador to the UN to the president of the Security Council, December 14, 1981, Security Council document NOS/14791, December 14, 1981.

⁴ Security Council document, December 31, 1981. P. 1.

⁵ Security Council document NOS/14832/REV. 1982. January 19.

щищена от израильского вторжения. Сирийские военные позиции в Ливане защищают Сирию от вторжения через Ливан, причём эти позиции удерживаются так прочно, что в 1982 г. израильские войска не смогли их прорвать.

Размеры Сирии, конфигурация и рельеф делают крайне трудным вторжение в неё через единственно возможный путь – Хауран. Поэтому у Сирии нет крайней необходимости стремиться к миру с Израилем [7, p. 176].

Сирийско-израильские мирные переговоры

13 сентября 1993 г. в Вашингтоне представителями Израиля и ООП была подписана «Декларация о принципах организации временного самоуправления», предусматривавшая образование на территории Западного берега р. Иордан и в секторе Газа палестинской автономии и поэтапное урегулирование конфликта к 1999 г. Этому предшествовали секретные переговоры палестинской и израильской делегаций в Осло.

Реакция на «Декларацию о принципах» была неоднозначной. Её поддержали Египет, Марокко, Тунис, страны – члены ССАГПЗ. Недовольство выразили Сирия, Ливан, Ливия, Иран¹. Сирийцы считали, что секретные договорённости ООП поставили их и ливанцев в невыгодное положение в вопросе о выводе израильских войск с Голанских высот и с юга Ливана. Негативное отношение Дамаска к Декларации принципов проявилось в отказе президента Х. Асада встречаться с председателем ООП [5, с. 41].

Я. Арафат был вынужден обратиться к президенту Египта Х. Мубарак с просьбой о содействии такой встрече. Мубарак уговорил своего старого товарища принять Арафата. Арафат горячо поблагодарил Х. Асада за согласие не противодействовать Декларации принципов².

¹ The Middle East Economic Digest (далее – MEED). V. 37, 40. 08.10.1993.

² Там же.

10 сентября 1993 г., выступая в сирийском парламенте, Х. Асад заявил о своей готовности начать мирные переговоры с Израилем.

По словам И. Д. Звягельской, «цель Х. Асада состояла в том, чтобы получить от Израиля все Голанские высоты. Это было для сирийского президента вопросом принципа. При этом он не мог не принимать во внимание, что прорыв на палестинском направлении свёл бы сирийскую роль в регионе к защите её собственных интересов в тривиальном территориальном конфликте, который не займет значимого места в международной повестке. Полное освобождение Голанских высот в сирийском проекте означало вывод израильских войск на границу, существовавшую на 4 июня 1967 г. Израиль говорил о международной границе, согласованной Британией и Францией в 1923 г. [2, с. 162]. В этом случае сирийцы лишались контроля над стратегически важной территорией в районе Галилейского моря» [4, с. 254].

Первая сирийско-израильская встреча состоялась в августе 1992 г. в Вашингтоне. Израильскую делегацию возглавлял И. Рабинович, крупный израильский дипломат. Однако скоро стала очевидна абсолютная несовместимость позиций обеих сторон. Рабин хотел, чтобы элементы мира – установление дипотношений, совместные действия по укреплению безопасности и т. п. – были осуществлены ещё до полного вывода израильских войск с Голанских высот. Кроме того, Рабин считал, что процесс вывода израильских войск должен быть растянут по меньшей мере на 5 лет. Все эти условия были абсолютно неприемлемы для Х. Асада [4, с. 254].

Сирия отставала от ООП и Иордании в переговорах с Израилем, что не соответствовало договорённостям в Мадриде в 1991 г. о синхронном продвижении к миру. Это угрожало ей изоляцией и не могло не тревожить Х. Асада, который обратился к США с просьбой оказать нажим на Израиль с тем, чтобы он выпол-

нял Мадридские соглашения. Вашингтон охотно откликнулся на эту просьбу. Президент США Б. Клинтон отказался удовлетворить просьбу премьер-министра И. Рабина признать израильский суверенитет над Голанами. Он просил Х. Асада возобновить мирные переговоры с Израилем, которые Сирия прервала после Осло¹.

Клинтон начал активно и непосредственно вовлекаться в сирийско-израильские переговоры, в т. ч. через личные встречи с Асадом и Рабином, чтобы добиться подписания ими Декларации о принципах, основные положения которой были согласованы в конце июля – начале августа 1993 г. Они включали уход Израиля с Голан в обмен на полный мир и нормализацию отношений с Сирией.

Демонстрируя свой интерес к сирийско-израильским переговорам, Клинтон в начале октября 1993 г. встретился в Вашингтоне с министром иностранных дел Сирии Фарак аль-Шара, а в ноябре 1993 г. – с Рабином и несколько раз разговаривал по телефону с Асадом.

Но все эти шаги не изменили позицию Рабина. Он потребовал провести секретную встречу с Асадом, но тот отверг это требование.

Асад сделал несколько жестов доброй воли в сторону Израиля и США. Так, он пообещал разрешить американским следователям провести расследование по делу об израильских солдатах, пропавших без вести в Ливане в 1982 г. Он также обещал разрешить выезд в Израиль оставшимся сирийским евреям (около 1 тыс. чел.) и сказал американским сенаторам, посетившим Сирию, что добивается полного мира с Израилем. «Даже полуграмотный человек может понять значение мира, который я предлагаю», – заявил Х. Асад [8].

Он надеялся, что Б. Клинтон предоставит Сирии экономическую помощь и исключит её из списка стран, поддерживающих международный терроризм.

¹ New York Times, 10 Dec. 1993.

Но Вашингтон не собирался исключать Сирию из этого списка. В то же время Клинтон стремился продолжить процесс сближения с Асадом, начатый Бушем, чтобы усилить так называемое «двойное сдерживание» – Ирана (союзника Сирии) и Ирака (врага Сирии) и содействовать арабо-израильскому мирному процессу. В Вашингтоне надеялись, что саммит Клинтон – Асад будет способствовать мирным переговорам между Сирией и Израилем и установлению полного, справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке².

Израильские лидеры, особенно Рабин и Перес, не ждали ничего хорошего от предстоявшей встречи Клинтона и Асада, т. к. предпочитали двигаться вперёд на палестино-иорданском треке и были озабочены тем, что население Израиля не поддерживало израильский уход с Голан. Опросы общественного мнения в середине января 1994 г. (после встречи Клинтона и Асада) показали, что большинство респондентов были против уступки Голан в обмен на полный мир и меры безопасности. Тем не менее Рабин и Перес хотели продвигаться на сирийском треке, надеясь, что Асад скажет Клинтону «магические слова»: мир, нормализация с дипломатическими отношениями, открытыми границами, торговлей и т. п.³.

На продолжавшейся 6 часов встрече с Б. Клинтоном в Женеве 16 января 1994 г. Х. Асад публично не сказал те «магические слова», которых ждал Рабин, но вместо этого высказался в пользу реального мира с Израилем в обмен на выполнение им Резолюций ООН 242, 338 и 425 (касающейся южного Ливана). Асад упомянул о «совместных с США усилиях, чтобы положить конец арабо-израильскому конфликту и достичь полного и справедливого мира, который позволит народам этого региона сосредоточить усилия на их росте и прогрессе... в новой эре безопасности и стабильности». Отвечая на вопрос журналиста, Асад сказал: «Мы го-

² International Herald Tribune, 15–16 Jan. 1994.

³ Там же.

товы подписать мирный договор сейчас». Он предложил формулу: «полный мир в обмен на полный вывод войск».

Когда Клинтона спросили: «Вы чувствуете, что имеете твёрдое обязательство президента Асада нормализовать отношения с Израилем?», он ответил: «Короткий ответ – да. Я полагаю, что президент Асад сделал ясное и недвусмысленное заявление о нормализации отношений. Теперь, чтобы добиться таких отношений, следует, проявляя добрую волю, договориться о мирном соглашении и выполнить его. Это важное соглашение – впервые было чётко сказано, что будет возможность такого рода отношений» [8, р. 242–243].

Б. Клинтон надеялся, что Израиль согласится на вывод войск с Голан ради мира и безопасности. США теперь требовали, чтобы Израиль обсудил вопрос о выводе войск в ходе возобновлённых переговоров с Сирией. Однако в следующих двух раундах переговоров (с 24 января до 25 февраля 1994 г.) пропасть между сирийской и израильской позицией всё время расширялась. Сирия критиковала решение Рабина провести референдум в Израиле по вопросу о Голанах и требовала обсудить сирийский документ по этому вопросу (от августа 1992 г.). Израильская делегация игнорировала этот документ. В результате в конце февраля 1994 г. сирийско-израильские переговоры были прерваны.

Опасаясь, что Вашингтон потребует от Тель-Авива уступок в вопросе о Голанских высотах, представители еврейских поселенцев на Голанах выступили с протестами против вмешательства США в мирный процесс [5, с. 45].

18 января 1994 г. премьер-министр И. Рабин заявил: «Когда и если мы придём к согласию по мирному договору (а нам придётся платить более болезненную цену, чем ожидают жители Израиля), то, по моему мнению, нам надо будет вынести этот вопрос на референдум»¹.

¹ The New York Times. 1994. January 19

В то время как переговоры между Асадом и Рабином были прерваны, Рабин заключил мирный договор с королём Иордании Хусейном (1994 г.) и установил дипломатические и экономические связи с несколькими арабскими государствами Северной Африки и Персидского залива.

Для сдерживания растущего влияния Израиля и усиления своих собственных позиций Асад пытался заручиться дипломатической поддержкой президента Египта Мубарака и короля Саудовской Аравии Фахда.

Однако его главные усилия были направлены на получение поддержки Клинтона его переговоров с Израилем. Так, во время встречи с Б. Клинтоном 27 октября 1994 г. Х. Асад убеждал его, что Сирия готова к полному миру с Израилем в обмен на его полный уход с Голанских высот. При этом, отказавшись публично осудить терроризм против Израиля, Асад согласился растянуть период израильского ухода с Голан больше, чем на год и достичь нормализации (но ещё без установления дипотношений) после первой фазы ухода Израиля. Асад также согласился продолжить переговоры между сирийскими и израильскими послами в Вашингтоне (в них участвовали военачальники обеих стран) [8, р. 252]. Эти переговоры протекали вяло, в обстановке пессимизма и роста критических замечаний в адрес друг друга.

Сирия отклонила израильское предложение о секретных переговорах и отказалась повысить уровень переговоров в Вашингтоне. Дамаск оставался глух и к призывам Тель-Авива использовать сирийское влияние для прекращения нападений на израильских солдат² на юге Ливана [5, р. 46]. После продолжавшихся в течение месяца сирийско-израильских переговоров они были прерваны в конце февраля 1994 г. и больше уже не возобновлялись.

² MEED. V. 38, № 9, 04.03.1994. P. 18.

Заключение

Итак, захват Израилем Голанских высот в ходе «Шестидневной войны» 1967 г. и его закрепление на законодательном уровне путём принятия «Закона о Голанских высотах» от 14 декабря 1981 г. являются грубым нарушением международного права, что отражено в Резолюции № 497 СБ ООН. В документе отмечается, что решение Израиля установить свои законы, юрисдикцию и управление на оккупированных сирийских Голанских высотах является недействительным и не имеет международной юридической силы.

Подходы Сирии и Израиля к проблеме Голанских высот диаметрально противоположны и исключают возможность компромисса:

– Сирия жёстко придерживается позиции «полный мир в обмен на полный уход израильских войск из Голан на позиции до войны 1967 г. и ликвидация еврейских поселений на Голанах»;

– Израиль настаивает на первоочередности предоставления ему гарантий

безопасности и не соглашается на отход с Голанских высот.

Факторы, влияющие на позиции сторон – это, прежде всего, политика внешних игроков (США, Ирана и Саудовской Аравии), а также соображения безопасности и общественное мнение в Израиле и Сирии.

Скорее всего, сирийско-израильские отношения изменятся в ещё более худшую сторону, т. к. осложняться такими факторами, как тесные связи Сирии с Хезболлой и Ираном, её вовлечённость в конфликт в Ливане, конфронтация Израиля с ХАМАСом и палестинцами.

Сценарии развития событий не исключают возможность новой войны между Сирией и Израилем. Такая война может перерасти в более широкий вооружённый конфликт с Ираном, который, в свою очередь, будет угрожать американским войскам в Персидском заливе и саудовским нефтепромыслам, т. е. дело от агрессивной риторики друг против друга может закончиться новой сирийско-израильской войной.

Дата поступления в редакцию 02.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов С. М., Акулов С. А. Сирийско-израильский конфликт: непройденный маршрут // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 3. С. 79–94.
2. Андрейченко Л., Бабиева Ж. Р., Буш Н. К. Голанские высоты как стратегический регион Ближнего Востока // Международные отношения. 2019. № 2. С. 161–168.
3. Антонова Е. Н., Казенова Т. А. Голанские высоты: политические аспекты проблем непризнанных территорий // Актуальные проблемы социогуманитарных дисциплин: сб. трудов / под ред. В. С. Григорьев, Е. В. Касимов Чебоксары, 2019. С. 22–28.
4. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. М.: Аспект-Пресс, 2012. 359 с.
5. Панкратьев В. П. Арабо-израильские отношения в контексте ближневосточного конфликта в 1980–1990-е годы. М.: ИВ РАН, 2011. 234 с.
6. Cordesman A. H. Israel and Syria. Westpoint, 2008. 284 p.
7. Diplomacy in the Middle East / ed. by L. C. Brown. London; New York: Tauris, 2003. 365 p.
8. Moshe M. Syria and Israel. From war to peace – making. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
9. Shalev A. Israel and Syria: Peace and Security on the Golan. London, New York, 1994, 281 p.

REFERENCES

1. Abramov S. M., Akulov S. A. [Syrian-Israeli conflict: route not traveled]. In: *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and social-educational idea], 2021, vol. 13, no. 3, pp. 79–94.
2. Andreichenko L., Babieva J. R., Bush N. K. [Golan Heights as a strategic region of the Near East]. In: *Mezhdunarodnyye otnosheniya* [International relations], 2019, no. 2, pp. 161–168.

3. Antonova E. N., Kazenova T. A. [The Golan Heights: Political Aspects of the Problem of the Unrecognized Territories]. In: Grigoriev V. S., Kasimov E. V., ed. *Aktual'nyye problemy sotsiogumanitarnykh distsiplin* [Actual Problems of Socio-Humanitarian Disciplines]. Cheboksary, 2019, pp. 22–28.
4. Zvyagelskaya I. D. *Istoriya Gosudarstva Izrail* [History of the State of Israel]. Moscow, Aspect-Press Publ., 2012. 359 p.
5. Pankratiev V. P. *Arabo-izrail'skiye otnosheniya v kontekste blizhnévostochnogo konflikta v 1980–1990-ye gody* [Arab-Israeli relations in the context of the Middle East conflict in the 1980–1990s]. Moscow, IV RAN Publ., 2011. 234 p.
6. Cordesman A. H. *Israel and Syria*. Westpoint, 2008. 284 p.
7. Brown L. C., ed. *Diplomacy in the Middle East*. London, New York, Tauris Publ, 2003. 365 p
8. Moshe M. *Syria and Israel. From war to peace – making*. Oxford, Clarendon Press, 1995. 280 p.
9. Shalev A. *Israel and Syria: Peace and Security on the Golan*. London, New York, 1994. 281 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук;
e-mail: khazanov@wisc.edu

Гасратян Светлана Манвеловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук;
e-mail: gasratyan_svetlana@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly M. Khazanov – Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;
e-mail khazanov@wisc.edu

Svetlana M. Gasratyan – Cand. Sci. (History), Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;
e-mail gasratyan_svetlana@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хазанов А. М., Гасратян С. М. Сирийско-израильские отношения и проблема Голанских высот // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: **История и политические науки**. 2023. № 2. С. 109–119.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-109-119

FOR CITATION

Khazanov A. M., Gasratyan S. M. Syrian-Israeli relations and the Golan Heights problem. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 109–119.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-109-119

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(5)“1799”

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-120-129

ИОНИЧЕСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1799 Г. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Чернов А. В.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Российский государственный геологоразведочный университет им. С. Орджоникидзе

117997, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 23, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление различных подходов к изучению конституции Республики Семи Соединённых Островов 1799 г. в отечественной историографии. Установление степени изученности данной темы.

Процедура и методы. В работе использованы историко-сравнительный метод, который позволил выявить сходства и различия исследований различных авторов, а также историко-генетический метод, способствовавший установлению генетических взаимосвязей данных исследований.

Результаты. Определены различные подходы в изучении Ионической конституции 1799 г. Установлены основные результаты исследований по данной тематике, полученные отечественными учёными. Сделаны выводы о дальнейших перспективах изучения данного вопроса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленное исследование создаёт основу для дальнейшего изучения Конституции Ионической республики 1799 г.

Ключевые слова: историография, конституционная дипломатия, Республика Семи Соединённых Островов

THE SEPTINSULAR REPUBLIC'S CONSTITUTION OF 1799 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A. Chernov

RUDN University

ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting

ul. Miklukho-Maklaya 23, Moscow 117997, Russian Federation

© CC BY Чернов А. В., 2023.

Abstract

Aim. To reveal different approaches to the study of the constitution of the Septinsular Republic of 1799 in Russian historiography. Another goal is to identify the degree of knowledge of this problem.

Methodology. The author used historical-comparative method which made it possible to identify the similarities and the differences in the studies of various authors. The historical-genetic method was also used by the author which made it possible to establish the genetic relationships of these studies.

Results. The author identified various approaches in the study of the Septinsular Republic's constitution of 1799 and the main results of the research on this topic obtained by Russian scientists. Conclusions were drawn about the further prospects for studying this issue.

Research implications. This research creates the basis for further study of the Septinsular Republic's constitution of 1799.

Keywords: historiography, constitutional diplomacy, Septinsular Republic

Введение

Республика Семи Соединённых Островов возникла в результате совместной военной операции России и Турции, в ходе которой русско-турецкая эскадра под руководством Ф. Ф. Ушакова освободила Ионические острова от французов. Ещё до того, как острова были заняты союзниками, было принято решение о том, что на островах будет создано государство под протекторатом России и Турции. При этом новое государство, по настоянию Петербурга, должно было получить конституцию. Кроме того, за краткий период независимости с 1799 г. по 1807 г. в Ионической республике сменилось три, а по оценкам некоторых исследователей, даже четыре конституции [19, с. 120]. В этой связи конституционный процесс в островном государстве представляет большой интерес.

В отечественной историографии лучше всего изучен первый этап этого конституционного процесса, связанный с разработкой Конституции 1799 г., что обусловлено участием в её создании Ф. Ф. Ушакова. В основном работы, в которых рассматривается этот документ, можно условно разделить на 3 группы:

1. работы, посвящённые жизни и деятельности Ф. Ф. Ушакова;

2. специальные работы, в которых рассматривается зарождение Ионической республики и создание её первой конституции;

3. работы, в которых изучается развитие «конституционной дипломатии» России.

Такое обилие работ отражает и множество мнений, что, в свою очередь, порождает необходимость изучения взглядов различных исследователей данной проблемы.

Дореволюционная историография

Первым из биографов Ф. Ф. Ушакова значительное внимание Ионической конституции 1799 г. и формированию островной республики уделит Р. К. Скаловский. Причинами, которые побудили Ушакова и русское правительство создать новое государство и дать ему конституцию, автор называет необходимость восстановить порядок на островах и не допустить захвата этих территорий иными странами [22, с. 247–249]. Ф. Ф. Ушаков, по мнению исследователя, принимал деятельное участие в разработке «постановлений для новой Республики» [22, с. 245]. Также Скаловский считал, что «законы для управления Ионическими островами заимствованы были из венецианских уложений» [22, с. 247]. Причиной же отмены Временного плана исследователь называет требования нобилей-депутатов, отправленных в Константинополь и желавших восстановления всевластия дворянства на островах.

К теме учреждения Республики Семи Островов в т. 9 многотомного издания «История русской армии и флота» обратился Н. Д. Каллистов. Данный ис-

следователь очень высоко оценивает деятельность Ф. Ф. Ушакова по созданию Республики Семи Островов, называя его «тонким политиком», «творцом и организатором республики» [16, с. 3–32]. «Образцами» для законодательства Республики, по мнению Каллистова, поступили «как местные установления, так и рагузинские, и венецианские» [16, с. 32].

Советская историография

Интерес к личности и деятельности Ф. Ф. Ушакова значительно возрос в 40-х – 50-х гг. XX в. в связи с обращением к победным традициям русской армии и флота в годы Великой Отечественной войны. Академик Тарле писал, что Ушаков «разработал основы временной “конституции”», создал «почти совсем самостоятельную республику», при этом «фактически никаких вмешательств русской военной власти во внутренние дела Ионических островов не было» [28, с. 165–166]. Причину замены «Временного плана» более консервативной «Константинопольской конституцией» исследователь видит в том, что «заправили из населения Ионических островов» посчитали «План» слишком «демократичным», и «какие-то самозванные делегаты с о. Корфу съездили в Константинополь и “упросили министерство Порты и русского посланника Томару изменить конституцию и одному дворянству предоставить всю власть”» [28, с. 166].

Значительное внимание созданию Ионической республики в своих многочисленных работах, посвящённых Ф. Ф. Ушакову, уделил Г. П. Штурм. Биограф считал, что Павел I, будучи крайним реакционером, не мог предписывать Ушакову установить на Ионических островах республиканский строй» [29, с. 109], в связи с чем «Временный план» вызвал недовольство при русском дворе. Образцом для «Временного плана» Штурм, вслед за Скаловским, называет «основные законы Венецианской республики», которые,

правда, «были им существенно изменены» [29, с. 109].

Книга «Адмирал Ушаков», хотя и рассчитана на школьников старших классов средней школы, была написана А. И. Андрущенко на основе архивных материалов, к тому времени ещё не введённых в научный оборот [24, с. 16]. Данный автор указывает, что «Временный план» разработал не сам Ф. Ф. Ушаков, а Сенат Ионических островов. В книге дан интересный анализ политических прав, которые предполагались по новому законодательству. Завершая анализ, исследователь заметил, что «ушаковская “Конституция” производила на всех монархов... впечатление слишком демократического законодательства» [8, с. 244]. Важно заметить, что Андрущенко первым в отечественной историографии указал на то, что «республиканская форма... Ионических островов была избрана Павлом I и его дипломатией как наиболее удобное государственное устройство, позволяющее объявить острова независимыми и только находящимися под покровительством России и Турции, фактически же только под протекторатом одной России». А также на то, что образцом для ионического законодательства должно было выступить рагузское [8, с. 243].

В 1951–1956 гг. вышло 3 тома известной публикации документов под заглавием «Адмирал Ушаков». В издание вошли многие важные документы, связанные с деятельностью Ф. Ф. Ушакова на Ионических островах. Автор вступительной статьи и редактор сборника Р. Н. Мордвинов указал, что при разработке «Временного плана» Ушаков был ограничен строгими инструкциями из Петербурга, но при этом старался предоставить сельскому населению максимум политических прав [1, с. XXI]. Но главное значение этого сборника заключается в опубликованных в нём документах, которые стали активно использовать биографы Ф. Ф. Ушакова и исследователи иных тем, связанных с деятельностью адмирала.

В 1960-е – начале 1980-х гг. вышла целая серия работ А. М. Станиславской, посвящённых различным аспектам международных отношений в Средиземноморье на рубеже XVIII–XIX вв. [23–27]. В данных работах автор детально, с привлечением широкого круга ранее неизвестных источников, изучила широкий круг вопросов, связанных с политикой России в отношении Ионической республики, что позволило ей разрешить многие ранее не до конца исследованные вопросы. Так, А. М. Станиславская убедительно доказала, что идею создания республики на Ионических островах выдвинул не Ф. Ф. Ушаков, а император Павел I и его окружение. Император высказал и пожелание, чтобы образцом для новой республики стала Пагуза, однако Ушакову была дана относительная свобода при выборе конкретных форм государственного устройства нового государства [24, с. 128, 138–139]. При этом, по мнению исследователя, адмирал «вышел за пределы того, что... имели в виду царь и султан» [24, с. 215]. В ходе своих исследований А. М. Станиславская выявила, что непосредственным разработчиком «Временного плана» был граф А. Орио, однако Ф. Ф. Ушаков активно участвовал в разработке и утверждении этого проекта и «вполне правомерно», что историки тесно связывают «План» с именем Ушакова [24, с. 140]. А. М. Станиславская провела подробный анализ самого проекта и пришла к выводу, что «План временного правления – одна из либеральных европейских конституций своего времени» [24, с. 147], это был огромный шаг вперед для Ионических островов и первая попытка зарубежного конституционализма для России. Исследуя причины замены «Временного плана» на «Византийскую конституцию», А. М. Станиславская пришла к выводу, что против первого выступило ионическое дворянство и Порты, а также после некоторых колебаний российский посол в Константинополе В. С. Томара. Столь значительная оппозиция плану

предрешила его отмену [24, с. 212–265]. Труды А. М. Станиславской стали основополагающими для изучения политики России на Ионических островах.

Постсоветская историография

На постсоветском этапе вновь возрос интерес к личности и деятельности Ф. Ф. Ушакова, что было во многом связано с канонизацией адмирала [17, с. 30–31]. Однако многочисленные работы, вышедшие в этот период, не давали ничего принципиально нового по сравнению с более ранней литературой и, в первую очередь, с исследованиями А. М. Станиславской [11; 18; 20–21]. Однако в последние годы вышел ряд работ, специально посвящённых политике России на Ионических островах, кроме того, интересующие нас вопросы рассматривались в контексте изучения «конституционной дипломатии».

Интересна работа В. Я. Гросула [13]. В данной публикации исследователь показал, что политика России на Ионических островах стала первым актом «конституционной дипломатии» – целенаправленной политики, в рамках которой российские дипломаты способствовали установлению конституционных форм правления в зарубежных государствах. По мнению автора, к подобной политике российское правительство обращалось на протяжении более чем столетия, начиная с последних лет XVIII в. и заканчивая началом XX в. В рамках небольшой по объёму обобщающей статьи В. Я. Гросул не высказал принципиально новых идей о политике России в отношении Ионической республики, но главная ценность статьи в том, что её автор включил данную политику в широкий контекст «конституционной дипломатии» России. Позже В. Я. Гросул опубликовал ещё несколько статей, посвящённых российской «конституционной дипломатии» [12; 14], в которых показал, что опыт, полученный российскими дипломатами при создании Республики Семи Островов, позже был

неоднократно использован при решении аналогичных задач [12, с. 63].

К вопросам «конституционной дипломатии» и шире российского конституционализма обратился в своих работах В. Ю. Захаров. В рамках своих исследований Захаров коснулся и вопроса о политике России на Ионических островах. Исследователь высоко оценивает роль Ф. Ф. Ушакова в создании Республики Семи Островов и считает, что «не чуждый идеям Просвещения» адмирал «предложил преобразовать острова в республику» наподобие Рагузинской. Оценивая же позицию Павла I, автор высказал мнение, что император «предоставил Ушакову почти полную свободу действий» на островах [15, с. 196]. «Временный план» был составлен Ушаковым и Орио совместно, и это «огромный шаг вперёд по сравнению с предшествующим развитием островов» [15, с. 200]. Замена «Временного плана» на «Византийскую конституцию» произошла, по мнению Захарова, по инициативе Порты. События, последовавшие за этим на островах, исследователь называет гражданской войной.

Интересную оценку В. Ю. Захаров дал «спору» между Ф. Ф. Ушаковым и В. С. Томарой о характере будущей Ионической конституции: «В споре Ушакова и Томары... отразилась борьба внутри России между сторонниками аристократического и либерально-дворянского конституционализма» [15, с. 201]. Наконец, В. Ю. Захаров провёл краткое сравнение между проектом 1799 г. и Конституцией 1803 г. и пришёл к выводу, что последняя была «органическим продолжением “Временного плана”» [15, с. 205]. Добавим, что в ходе своих исследований автор изучил широкий круг конституций, созданных на рубеже XVIII–XIX вв., однако не дал развернутого сравнительного анализа этих документов.

Компаративное исследование конституционных проектов, возникших на Ионических островах в 1799–1803 гг., сделали О. Е. Петрунина и С. Г. Клисун.

Касаясь причин, которые привели к установлению конституционного правления на Ионических островах, исследователи утверждают, что официальных договорённостей между Портой и Петербургом на этот счёт не было. Впервые идея об установлении такой формы правления возникла в знаменитом обращении константинопольского патриарха Григория V к жителям островов [19, с. 124]. По мнению данных авторов, «Временный план» является плодом коллективного творчества Ф. Ф. Ушакова, А. Орио и Сената Ионических островов [19, с. 120]. Сравнивая «Временный план» с более поздними конституционными проектами, возникшими на островах, авторы замечают, что к первому была близка «Византийская конституция», а также влияние «Плана» «чувствуется» в Конституции 1803 г., при подготовке которой было решено использовать главную идею конституции 1799 г. – «опереться на городское сословие» [19, с. 146].

В последние годы большой вклад в изучение интересующей нас проблемы сделала группа учёных во главе с Г. Н. Андреевой. Последняя уделила значительное внимание месту Ионической конституции 1799 г. в мировых конституционных процессах [4; 5]. Г. Н. Андреева пришла к выводу, что разработка конституционных проектов для Ионической республики способствовала получению российским правительством первого и чрезвычайно ценного опыта конституционного строительства. Говоря о месте «Временного плана» и более поздних конституций Республики Семи Островов в мировых конституционных процессах, Андреева видит главную их ценность в том, что, во-первых, создание Ионической республики – это опыт создания конституционных норм под контролем сразу нескольких зарубежных государств, но при учёте мнения и интересов местных жителей. Во-вторых, в ходе создания Ионической республики был получен «первый опыт конституционного пе-

рехода от колонии к государственности» [5, с. 31].

Также Г. Н. Андреева провела давно напрашивавшееся сравнительное исследование «Временного плана» и основных законов Рагузской республики, которые согласно желанию императора Павла I должны были стать образцом для конституции островного государства. В результате проведённого анализа исследователь пришёл к выводу, что в некоторых вопросах рагузское законодательство послужило примером для ионического, но в целом «нельзя не признать, что творцы этой Конституции ушли достаточно далеко от исходного образца» [2, с. 70]. Попутно Г. Н. Андреева выявила причины выбора Рагузской республики как образца для островного государства, провела сравнение «Временного плана» с широким кругом конституций XVIII в. Автор разделил все конституции, возникшие в XVIII в., на 2 группы: конституционные, разработанные в ходе внутреннего конституционного строительства, и конституции, установленные в результате внешнего воздействия иных государств. «Временный план», как это ни парадоксально, оказался ближе к конституциям первой группы. «Это связано с тем, что островитянам была предоставлена определённая свобода в выборе организации своего государства» [3].

Коллектив под руководством Г. Н. Андреевой также провёл сравнительный анализ практики разработки Ионических конституции 1799 г. и 1803 г. На первом этапе, по мнению авторов, российские власти привлекли к разработке «Временного плана» местное население. Однако разработанный таким образом документ вызвал лишь споры и разногласия на островах, в дальнейшем российское правительство перешло к разработке конституции силами собственных чиновников. Провал первоначального плана «стал одним из доводов против установления конституционного строя в России» [7, с. 69].

Много внимания Г. Н. Андреева и её соавторы уделили фигуре В. С. Томары [6; 9; 10; 30]. В сложной ситуации, в которой находился российский посол в Константинополе, он, несмотря на сопротивление Порты и изменение политического курса Павла I, добился сохранения относительной независимости Ионической республики [7, с. 67–68].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что Ионическая конституция 1799 г. хорошо изучена в отечественной историографии. Это во многом связано с интересом исследователей к фигуре Ф. Ф. Ушакова, много сделавшего для разработки и реализации этого документа. С другой стороны, особый интерес именно к «Временному плану» вызван тем, что этот документ стал первым шагом в развитии российской «конституционной дипломатии». Некоторые работы о первой Ионической конституции могут стать примером для будущих исследований, посвящённым другим конституционным проектам. Речь идёт, конечно, о блестящих исследованиях А. М. Станиславской и недавних работах авторского коллектива во главе с Г. Н. Андреевой.

Дальнейшее развитие интересующей нас темы может пойти по пути продолжения компаративных исследований, т. к. напрашивается новое сравнительное исследование всех конституционных проектов, возникших на Ионических островах. Другим интересным направлением является исследование взглядов и деятельности в отношении создания Ионической республики целого ряда представителей российской власти (Павла I, В. П. Кочубея, В. С. Томары и др.). Наконец, как верно заметил В. Я. Гросул, давно назрело создание обобщающего исследования, посвящённого «конституционной дипломатии» России, в котором необходимо раскрыть значение «Временного плана» как первого опыта российского конституционализма за рубежом.

Дата поступления в редакцию 05.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмирал Ушаков: сб. док-ов и мат-ов. Т. 2. / под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военное издательство, 1952. 606 с.
2. Андреева Г. Н. Дубровницкая (Рагузская) Республика как образец для создания полунезависимого греческого государства в конце XVIII – начале XIX веков: к вопросу об источниках Ионической Конституции 1799 года // Реформы и право. 2011. № 2. С. 64–70.
3. Андреева Г. Н. Ионическая конституция 1799 г. и другие конституции XVIII в.: компаративистский анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2. С. 122–133.
4. Андреева Г. Н. Место Ионической Конституции 1799 г. в мировых конституционных процессах: постановка проблемы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3. С. 79–84.
5. Андреева Г. Н. Об истоках российского конституционализма и о месте России в мировых конституционных процессах // Lex russica. 2016. № 3. С. 22–34.
6. Андреева Г. Н. Об особенностях конституционного процесса на Ионических островах и черновике письма В. С. Томары А. Я. Италинскому от 2/13 ноября 1799 года // Новый ракурс. 2020. № 1. С. 10–27
7. Андреева Г. Н., Гинзбург Ю. В., Ялбулганов А. А. Российский административный ресурс и создание первых греческих конституций (конец XVIII – начало XIX вв.) // Реформы и право. 2010. № 2. С. 64–69.
8. Андрущенко А. Н. Адмирал Ушаков. М.: Учпедгиз, 1951. 275 с.
9. Гинзбург Ю. В. Василий Степанович Томара и Конституция Ионических островов 1799 г. // Публично-правовые исследования. 2012. Т. 3. С. 96–117.
10. Гинзбург Ю. В. Российское внешнеполитическое ведомство и создание Республики Семи Соединённых островов // Селиванов И. Н., Животич А., Гинзбург Ю. В. Международные отношения на Балканах в событиях и лицах. Курск: Курский гос. ун-т, 2018. С. 7–62.
11. Гребенщикова Г. А. Россия и Турция на этапе перемен: военно-политический союз при императоре Павле // Клио. 2013. № 1. С. 73–86
12. Гросул В. Я. Российский внешнеполитический конституционализм и Балканы (XVIII–XIX вв.) // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 60–70
13. Гросул В. Я. Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. 1996. № 2. С. 166–180.
14. Гросул В. Я. У истоков Бессарабской автономии в составе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 74–88.
15. Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 2. М.: Прометей, 2022. 648 с.
16. История русской армии и флота. Т. 9. М.: Типо Литография Т-ва «Владимир Чичерин», 1913. 250 с.
17. Лапин В. В. Два адмирала: Ф. Ф. Ушаков и П. С. Нахимов в исторической памяти. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2002. 272 с.
18. Овчинников В. Адмирал Ф. Ф. Ушаков – создатель Ионической Республики // Морской сборник. 2014. № 5. С. 85–90.
19. Петрунина О. Е., Клисунов С. Г. Эволюция государственного устройства Республики семи Соединённых островов в 1799–1803 гг. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2009. № 2. С. 119–147
20. Рассохо-Анохина В. Н. Миротворческая миссия адмирала Ф. Ф. Ушакова // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2. С. 10.
21. Рукавишников Е. Н. Деятельность адмирала Ф. Ф. Ушакова на Средиземном море // Морской сборник. 2020. № 4. С. 86–94.
22. Скаловский Р. К. Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова. М., Берлин: Директ-Медиа, 2018. 332 с.
23. Станиславская А. М. Адмирал Ушаков и Ионическая конституция 1799 г. // Вопросы истории внешней политики России и внешнеполитических отношений: сб. статей памяти акад. В. М. Хвостова / отв. ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1976. С. 372–397
24. Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции: 1798–1800. М.: Наука, 1983. 300 с.

25. Станиславская А. М. *Россия и Греция в кон. XVIII – нач. XIX вв. Политика России в Ионической республике. 1798–1807.* М.: Наука, 1976. 376 с.
26. Станиславская А. М. *Россия и Конституция 1803 г. Республики Семи Соединённых Островов // Балканские исследования: международные отношения на Балканах / под ред. В. Н. Виноградова.* М.: Наука, 1974. С. 39–60.
27. Станиславская А. М. *Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807).* М.: Изд-во АН СССР, 1962. 505 с.
28. Тарле Е. В. *Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800) // Тарле Е. В. Сочинения в 12 т. Т. 10.* М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 95–229.
29. Шторм Г. П. *Адмирал Ушаков.* М.: Военгиз, 1950. 109 с.
30. Ялбулганов А. А. *Россия и конституционный процесс на Ионических островах // Реформы и право.* 2011. № 4. С. 55–64

REFERENCES

1. Mordvinova R. N., ed. *Admiral Ushakov: sb. dok-ov i mat-ov* [Admiral Ushakov: Sat. docks and mats. Vol. 2]. Moscow, Voennoye izdatelstvo Publ., 1952. 606 p.
2. Andreeva G. N. [The Republic of Dubrovnik (Republic of Ragusa) as a model for creation of the semi-independent Greek state in the end of XVIII - the beginning of XIX century: regarding the sources of the Constitution of the Ionian Islands of 1799]. In: *Reformy i pravo* [Reforms and Law], 2011, no. 2, pp. 64–70.
3. Andreeva G. N. [The Ionian constitution of 1799 and other constitutions of the 18th century: a comparative analysis]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 2011, no. 2, pp. 122–133.
4. Andreeva G. N. [Place of the Ionian Constitution of 1799 in the world constitutional processes: statement of the problem]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2010, no. 3, pp. 79–84.
5. Andreeva G. N. [The origins of Russian constitutionalism and the place of Russia in global constitutional processes]. In: *Lex russica*, 2016, no. 3, pp. 22–34.
6. Andreeva G. N. [On the peculiarities of the constitutional process in the Ionian Islands and the draft letter of V. S. Tomara to A. Ya. Italinsky dated November 2/13, 1799]. In: *Novyy rakurs* [New perspective], 2020, no. 1, pp. 10–27
7. Andreeva G. N., Ginzburg Yu. V., Yalbulganov A. A. [Russian administrative resource and the creation of the first Greek constitutions (late 18th – early 19th centuries)]. In: *Reformy i pravo* [Reforms and Law], 2010, no. 2, pp. 64–69.
8. Andrushchenko A. N. *Admiral Ushakov* [Admiral Ushakov]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1951. 275 p.
9. Ginzburg Yu. V. [Vasily Stepanovich Tomara and the Constitution of the Ionian Islands of 1799]. In: *Publichno-pravovyye issledovaniya* [Public Law Research], 2012, vol. 3, pp. 96–117.
10. Ginzburg Yu. V. [Russian Foreign Ministry and the Creation of the Republic of the Seven United Islands]. In: Selivanov I. N., Zhivotich A., Ginzburg Yu. V. *Mezhdunarodnyye otnosheniya na Balkanakh v sobytiyakh i litsakh* [International Relations in the Balkans in Events and Persons]. Kursk, Kursk. gos. un-t Publ., 2018, pp. 7–62.
11. Grebenshchikova G. A. [Russia and Turkey at the stage of change: military-political alliance under Emperor Paul]. In: *Klio* [Clio], 2013, no. 1, pp. 73–86
12. Grosul V. Ya. [The Russian foreign policy constitutionalism and the Balkans (XVIII-XIX)]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary history], 2011, no. 2, pp. 60–70.
13. Grosul V. Ya. [Russian constitutionalism outside of Russia]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Patriotic history], 1996, no. 2, pp. 166–180.
14. Grosul V. Ya. [Origins of Bessarabian autonomy as part of Russia]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* RUDN Journal of Russian History], 2012, no. 1, pp. 74–88.
15. Zakharov V. Yu. *Rossiyskiy i zarubezhnyy konstitutsionalizm kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX vv.: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza. Ch. 2.* [Russian and foreign constitutionalism of the late 18th – 1st quarter of the 19th centuries: an experience of comparative historical analysis. Part 2]. Moscow, Prometheus Publ., 2022. 648 p.
16. *Istoriya russkoy armii i flota. T. 9* [History of the Russian army and navy. Vol. 9. Moscow, Tipo Litografiya T-va «Vladimir Chicherin» Publ., 1913, 250 p.

17. Lapin V. V. *Dva admirala: F. F. Ushakov i P. S. Nakhimov v istoricheskoy pamyati* [Two admirals: F. F. Ushakov and P. S. Nakhimov in historical memory]. St. Petersburg, Izd-vo YEUSPb Publ., 2002. 272 p.
18. Ovchinnikov V. [Admiral F. F. Ushakov – the creator of the Ionian Republic]. In: *Morskoy sbornik* [Marine collection], 2014, no. 5, pp. 85–90.
19. Petrunina O. E., Klisunov S. G. [The evolution of the state structure of the Republic of the seven United Islands in 1799–1803]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (state and society)], 2009, no. 2, pp. 119–147.
20. Rassokho-Anokhina V. N. [The peacekeeping mission of Admiral F. F. Ushakov]. In: *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2019, no. 2, p. 10.
21. Rukavishnikov E. N. [Activities of Admiral F. F. Ushakov in the Mediterranean Sea]. In: *Morskoy sbornik* [Marine Collection], 2020, no. 4, pp. 86–94.
22. Skalovsky R. K. *Zhizn admirala F. F. Ushakova* [Life of Admiral F. F. Ushakov]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2018. 332 p.
23. Stanislavskaya A. M. [Admiral Ushakov and the Ionian Constitution of 1799]. In: Manfred A. Z., ed. *Voprosy istorii vneshney politiki Rossii i vneshnepoliticheskikh otnoshenii: sb. statey* [Questions of the History of Russia's Foreign Policy and Foreign Policy Relations: collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 372–397.
24. Stanislavskaya A. M. *Politicheskaya deyatelnost F. F. Ushakova v Gretsii: 1798–1800* [Political activity of F. F. Ushakov in Greece: 1798–1800]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 300 p.
25. Stanislavskaya A. M. *Rossiya i Gretsia v kon. XVIII – nach. XX vv. Politika Rossii v Ionicheskoy respublike. 1798–1807* [Russia and Greece in the con. 18th – early 19th centuries Russian policy in the Ionian Republic. 1798–1807]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 376 p.
26. Stanislavskaya A. M. [Russia and the Constitution of 1803 of the Republic of the United Seven Islands]. In: Vinogradova V. N., ed. *Balkanskiye issledovaniya: mezhdunarodnyye otnosheniya na Balkanakh* [Balkan Studies: International Relations in the Balkans]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 39–60.
27. Stanislavskaya A. M. *Russko-angliyskiye otnosheniya i problemy Sredizemnomor'ya (1798–1807)* [Russian-English relations and problems of the Mediterranean (1798–1807)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1962. 505 p.
28. Tarle E. V. [Admiral Ushakov on the Mediterranean Sea (1798–1800)]. In: Tarle E. V. *Sochineniya v 12 tt. T. 10* [Works in 12 vols. Vol. 10]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1959, pp. 95–229.
29. Storm G. P. *Admiral Ushakov* [Admiral Ushakov]. Moscow, Voengiz Publ., 1950. 109 p.
30. Yalbulganov A. A. [Russia and the constitutional process in the Ionian Islands]. In: *Reformy i pravo* [Reforms and Law], 2011, no. 4, pp. 55–64.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доцент кафедры гуманитарных наук факультета экономики и управления Российского государственного геологоразведочного университета им. С. Орджоникидзе;
e-mail: chernov-avl@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Chernov – Cand. Sci. (History), Senior lecturer, Department of History of Russia, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Assoc. Prof., Department of Human Sciences, Faculty of Economics and management, Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting;
e-mail: chernov-avl@rudn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чернов А. В. Ионическая конституция 1799 г. в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 120–129.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-120-129

FOR CITATION

Chernov A. V. The Septinsular Republic's constitution of 1799 in Russian historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 120–129.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-120-129

УДК 94 (470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-130-137

КОНФЛИКТ РОССИИ И КИТАЯ 1911 Г. В ОСВЕЩЕНИИ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Черемных О. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести анализ действий российской дипломатии в отношении Китая в 1911 г.

Процедура и методы. Рассмотрен конфликт России и Китая 1911 г. в связи с требованием российского правительства пересмотреть отдельные статьи торгового договора 1881 г. При проведении исследования применены сравнительно-исторический метод, методы обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Были выявлены причины конфликта, приведены цитаты из европейской современной событиям прессы, выдвинуто предположение об авторе статьи в «Вестнике Европы», дан авторский комментарий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение российской дипломатии накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Вестник Европы, российско-китайские отношения, 1911 г., позиция силы, европейская пресса

THE CONFLICT BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN 1911 IN THE COVERAGE OF “HERALD OF EUROPE”

O. Cheremnykh

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the actions of Russian diplomacy in relation to China in 1911.

Methodology. The article examines the conflict between Russia and China in 1911 in connection with the demand of the Russian government to revise certain articles of the trade agreement of 1881. The comparative-historical method, methods of generalization and interpretation of the results were used in the study.

Results. In the course of the work, the causes of the conflict were identified, quotes from the European contemporary press were given, an assumption was made about the author of the article in «Herald of Europe», and the author's commentary was presented.

Research implications. The results of the study contribute to the study of Russian diplomacy on the eve of the First World War.

Keywords: Herald of Europe, Russian-Chinese relations, 1911, Position of Power, European press

Введение

К 1911 г. Китай попал в полосу затяжного кризиса. Колоссальный внешний долг, противоречивая политика невежественного руководства, нарастание революционного движения – вот основные составляющие коллапса в стране. Кризис переживали и российско-китайские отношения. В этот период российская дипломатия была нацелена на сближение с Японией, в противовес Китаю. В Китае ряд молодых политиков требовал модернизации армии и выдворения всех иностранцев, включая русских, из страны. В начале 1911 г. конфликт разгорелся из-за взаимных претензий по поводу отдельных положений российско-китайского торгового трактата, который предстояло продлить на следующие 10 лет.

Журнал «Вестник Европы» внимательно следил за публикациями документов в «Правительственном вестнике», последовательно занимая позицию критики действий правительства Российской империи, и российско-китайский конфликт не стал исключением.

Цель данной публикации – обращение к малоизвестной странице российской истории, показ позиции флагмана отечественного либерализма и аргументации «Вестника Европы» и ведущих европейских газет по поводу российско-китайского конфликта 1911 г.

Российско-китайский конфликт в прессе

В мартовском номере журнала «Вестник Европы» за 1911 г. в разделе «Иностранное обозрение» появился анализ назревшего конфликта России и Китая. Статья о конфликте без названия и указания автора стала первой частью раздела и занимала 10 страниц¹. В ней разбирались следующие пункты:

1. новый конфликт на Дальнем Востоке;
2. русская дипломатическая нота и её странные особенности;

3. китайский ответ и восстановление миролюбия;

4. отзывы заграничной печати.

«Русская дипломатия продолжает удивлять Европу своими неожиданными энергическими выступлениями по разным вопросам азиатской политики», – так начинается статья, и далее кратко поясняется, чем русская дипломатия удивляла накануне – «секретными русско-германскими переговорами о персидских и малоазиатских делах»².

Перед тем как разъяснить суть разногласий с Китаем, автор статьи указывает, что они «в сущности касались весьма второстепенных для нас интересов и даже оставались совершенно неизвестными широкому кругу русского общества»³.

В 1881 г. Россия заключила торговый трактат с Китаем сроком на 10 лет⁴. Соответственно, когда срок заканчивался, подписывали новое соглашение. Так было и в 1891 г., и в 1901 г.

Но в 1911 г. китайское правительство предполагало внести в договор некоторые изменения» с точки зрения принципа «равноправности в обоюдных договорных отношениях». Автор статьи в «Вестнике Европы» выдвинул тезис, что раз «Китайская империя не располагает в данный момент значительными вооружёнными силами, то её притязание на равноправность с Россией показалось неуместным и даже дерзким». Отсюда в начале февраля 1911 г. правительством России была выдвинута дипломатическая нота, которую автор статьи иронично называет «замечательной»⁵.

Нота российского правительства содержала 6 пунктов. Первый говорил о том, что Россия имеет право «устанавливать самостоятельно ввозные и вывозные тарифы по границе с Китаем, исключая 50-верстной полосы вдоль этой

² Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 320.

³ Там же.

⁴ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 138 с.

⁵ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 320.

¹ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 320–330.

границы», где обе страны осуществляют «беспошлинный ввоз и вывоз произведений почвы и промышленности». Второй пункт касался статуса русских подданных в Китае. Они «в административном и судебном отношении подлежат исключительно юрисдикции российских властей». Тяжбы между русскими и китайцами «разбираются смешанными судами из русских и китайских судей». Третий пункт был связан со свободой проживания, передвижения и беспошлинной торговли русских в «Монголии и областях Застенного Китая». Четвертый пункт указывал на необходимость назначения Россией «своих консулов в Кобдо, Хами и Гучене», в виду возникновения «ряда тяжёлых дел между русскими и китайскими торговцами». Пятый пункт напоминал о правах российских консулов в ситуации, когда китайские власти «не могут отказаться от совместного с ними разбора тяжёлых дел между русскими и китайскими подданными». В шестом пункте перечислялись города Монголии и Застенного Китая, где Россия собирается учредить консульства, а «русские подданные могут приобретать землю и возводить на ней постройки»¹.

В конце ноты содержалась угроза, что если хоть один из пунктов не будет исполнен китайским правительством, то российское правительство примет «те меры, которые оно признает для сего нужными»².

Редакция «Вестника» недоумевает, как можно обвинять китайские власти в «нежелании сохранить силу постановлений того именно торгового трактата, о пересмотре которого велись в последнее время переговоры в Пекине»; ставить им в вину возражения «против отдельных русских нововведений и требований, не предусмотренных трактатом 1881-го года»? Ведь текст «трактата подлежал теперь пересмотру и служил предметом переговоров; следовательно, китайское

правительство имело бесспорное право желать, чтобы те или другие параграфы договора были изменены согласно изменившимся условиям и потребностям китайской жизни»³.

В связи с этим возникают вопросы: если нельзя внести изменения в трактат, то зачем вести переговоры; почему трактат, заключённый на 10 лет, превращается в соглашение на вечные времена; почему и когда Китай «потерял право самостоятельного голоса при возобновлении и пересмотре своих международных договоров»⁴.

«Вестник» понимает реалии эпохи, когда в «международных отношениях вообще не принято руководствоваться какими-либо нравственными правилами». Но, «отступая от предписаний морали относительно более слабого соседа, не следует ссылаться на заботу о сохранении добрососедских отношений и издавна существующих дружеских связей»⁵.

Китай не может противостоять России в военном отношении, «не имеет ещё хорошо устроенной и внушительной армии, но со временем он может выставить такую массу вооружённых сил, которая превзойдет соединённые армии всех европейских держав. Дальновидная политика имела бы в виду это возможное будущее», но «дипломатия, привыкшая подчиняться только соображениям данного момента, поступает иначе – она жертвует будущим ради временного и непрочного успеха в настоящем»⁶. Тем более что «в первое десятилетие XX в. в Китае сформировался довольно сложный и противоречивый образ России» [6, р. 36].

Ответную ноту китайского правительства «Вестник» характеризует как написанную «в самом невинном, вежливом и дружеском тоне». Ноту писал фактический правитель Китая – князь Цин, дядя малолетнего императора Пуи. Офици-

¹ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 321–322.

² Там же. С. 322.

³ Там же.

⁴ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 322.

⁵ Там же. С. 323.

⁶ Там же. С. 324.

ально он руководил министерством иностранных дел.

В ответе на п. 1 российской ноты князь Цин предположил, «что дело касается сообщения вверенного мне министерства от 22 декабря 1909 года, в котором я, на основании петиции китайских купцов, ходатайствовал перед Российским правительством о том, чтобы оно приняло во внимание торговые интересы и отсрочило взимание пошлин в знак дружественных отношений. Ходатайство это было удовлетворено Российским правительством и не должно быть ошибочно толкуемо в смысле ограничения прав»¹.

По п. 2 о порядке «разбора смешанных дел между китайскими и российскими подданными» князь Цин ответил, что вверенное ему «министерство никогда не протестовало против этого»².

По поводу п. 3 князь Цин, с одной стороны, отметил, что Китай всегда строго соблюдал постановления «договора о том, что российские подданные получают во всех перечисленных пунктах Китая право ввоза и вывоза для торговли», но, с другой стороны, это право «будет отменено, когда с развитием торговли возникнет необходимость установить таможенный тариф, о чём оба правительства войдут в соглашение»³.

По п. 4 «китайское правительство охотно выражает своё согласие на назначение в означенные 3 пункта российских консулов», но при условии «введения таможенного тарифа»⁴ согласно ст. 12 договора.

Рассматривая п. 5, князь Цин предложил взаимно выработать порядок сношений «китайских местных властей с российскими консулами», а «местным властям вновь преподаны будут указания о необходимости обратить особое внимание»⁵ на ст. 11 договора.

Наконец, отвечая на п. 6, князь Цин подтвердил, что Россия «имеет право руководствоваться постановлениями ст. 13 договора в отношении как тех пунктов, где имеют быть учреждены консульства, так и Калгана»⁶.

После ответа по существу претензий князь Цин высказал ряд принципиальных положений. Во-первых, «Китайское правительство никогда не возражало против привилегий, предоставленных России договорными постановлениями и изложенных в приведённых выше шести пунктах». Во-вторых, «министерство всегда предписывало справедливый образ действий», если «местные китайские власти не могли столкнуться с русскими представителями». В-третьих, если и «происходили взаимные пререкания, то явление это принадлежит к числу обычных в международной практике» и его можно уладить «путём искренних взаимных переговоров». В-четвёртых, заявление, что «Россия предоставляет себе свободу избрать все доступные меры, далеко не соответствует идее о дружбе между двумя государствами»⁷.

Проанализировав ответную ноту Китая, «Вестник» пришёл к выводу, что «китайское правительство вполне воспользовалось неясностью изложения русской ноты и ограничилось указанием на добросовестное соблюдение различных статей договора 1881-го года в прошлом, ничем не связывая себя относительно будущего». Соответственно, «решительный шаг, предпринятый русской дипломатией, не только не привёл к желанным результатам, но ещё сильнее раскрыл противоположность интересов и точек зрения России и Китая»⁸.

Далее журнал приводит обзор иностранной печати по поводу российско-китайского инцидента: после того, как «в газетах появился текст русской ноты, она произвела в Европе впечатление бомбы,

¹ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 324.

² Там же. С. 324–325.

³ Там же. С. 325.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 325.

⁷ Там же. С. 325–326.

⁸ Там же. С. 326–327.

способной вызвать немедленный взрыв на Дальнем Востоке». Европейские издания, в т. ч. ежедневная парижская газета *Le Temps*, обратили внимание на то, что «возрождение активной русской политики относительно Китая последовало вслед за Потсдамским свиданием» 1910 г. Николая II и Вильгельма II, а «влиятельные органы немецкой прессы стали усердно одобрять и поощрять воинственную инициативу России»¹.

Инициатива Потсдамского свидания принадлежала России, хотя «решение о переговорах было принято русской стороной под явным нажимом Германии» [1, с. 11]. Россия требовала от Германии умиротворяющего воздействия на Австро-Венгрию на Балканах и признание Германией специальных интересов России в северной Персии. Германия требовала от России не поддерживать враждебную Германии политику Англии и согласия на сооружение Германией Багдадской железной дороги, предполагая в будущем соединить её с персидской железнодорожной сетью².

«При вступлении в деловые переговоры с германским правительством» российский государственный деятель С. Д. Сазонов ставил задачу установить такой «*modus vivendi*, который мог бы служить отправным пунктом для дальнейших, возможно, прочных добрососедских отношений между нами. Это было настоятельно необходимо не только с точки зрения нашей собственной безопасности, но и европейского мира, и для достижения этой цели не следовало останавливаться перед принесением даже нелёгких жертв» [4, с. 34–35].

Среди «влиятельных органов немецкой прессы», писавших о российско-китайском конфликте, была берлинская еженедельная газета *National Zeitung*, в

которой говорилось, что «чрезвычайно искусная политика нового русского министра иностранных дел» С. Д. Сазонова «не допустила ослабление престижа России на Дальнем Востоке»; что «для достижения своей цели Россия не остановится перед употреблением силы». Россия «удалила свои войска от польской границы», тем самым она «решилась развить более обширную деятельность на Востоке», где «будущее обещает ей самую обильную жатву». С. Д. Сазонова как представителя «сознательной силы» *National Zeitung* сравнивает с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. фон Эренталем и германским статс-секретарем по иностранным делам А. Киндерлен-Вехтером³. Сам С. Д. Сазонов считал, что А. Киндерлен-Вехтер «бесспорно умный человек, близко знакомый со всеми подробностями международного положения и не боявшийся свободно высказывать свои политические мнения» [4, с. 29]. Спустя год «Вестник Европы» «барона (затем графа) Эренталю, министра иностранных дел, устроившего присоединение Боснии», будет характеризовать как «бесталанного дипломата» [5, с. 51].

Далее «Вестник Европы» приводит цитату из немецкой ежедневной газеты *Deutsche Tageszeitung*. Газета, с одной стороны, отмечала, что «Россия обеспечила себе тыл на западной границе и направила всю свою энергию и всё своё внимание на Дальний Восток», что было созвучно с мнением *National Zeitung*. С другой стороны, газета выражала уверенность, что Россия «расположена жить в добром соседстве с Германией в продолжение длинного ряда лет»⁴.

«Вестник» цитирует ещё одну немецкую ежедневную газету *Berliner Tageblatt*, называя её «прогрессивной» и считая, что она «не отстаёт от этого общего поощрительного хора». «Русский медведь – по словам этой газеты – заговорил своим прежним голосом, и отзвук его угрозы раз-

¹ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 327.

² Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917. Сер. 2. 1900–1913. Т. 18. Ч. 1. М.: Политическая литература, 1938. С. 173–174.

³ Вестник Европы. 1911. Книга 3. Март. С. 328.

⁴ Там же.

носится за пределы Туркестана с такой силой, какой мы не знали со времени русско-японской войны. Эра г. Сазонова начинается энергическим возрождением русской политики»¹. А вот берлинская межрегиональная газета *Vossische Zeitung* «сочла даже возможным сделать общий вывод, поучительный для России и далеко не лестный для Франции и Англии: Россия остаётся бессильной, когда она ограничивается участием в тройственном соглашении, и тотчас приобретает могучую силу, как только улучшает свои отношения с Германией»².

Венская газета *Neue Freie Presse*, в свою очередь, говорила о «решимости России действовать наступательно на Дальнем Востоке». На это указывают «прошлогодний русско-японский договор о Манчжурии, удаление русских войск с западной границы, перемена в отношениях с двумя соседними империями, отказ от дальнейшей оккупации северной части Персии», тем самым «Руссийское царство вновь приступает к своим великим азиатским задачам». Именно поэтому «русская нота приобретает особенное значение для различных европейских комбинаций»³.

«Вестник Европы» обнаружил «удивительный факт, что наше министерство иностранных дел приняло своё весьма серьёзное решение относительно Китая, не предупредив ни союзную Францию, ни Англию», а в прессе этих стран видна тревога, вызванная «угрожающим тоном русской ноты». Так, *Times* «дипломатично отмечает возможные опасности сделанного шага и выражает уверенность, что Россия не имеет в виду затевать новую китайскую войну»⁴. А парижская *Le Temps* предлагает вспомнить, что, во-первых, «все русские начинания, пользовавшиеся сочувствием и поддержкой Берлина, кончились плачевно для России», а, во-вторых, «франко-русский союз не раз

должен был расплачиваться в Европе за слишком разорительные успехи свои в Азии»⁵.

Вместе с тем редакция не допускает «и мысли, чтобы русская дипломатия действовала во вред национальным интересам России из угождения могущественным берлинским друзьям, создавая опасные затруднения на Дальнем Востоке без всякой к тому надобности». «Частые скачки и непримиримые противоречия русской внешней политики не представляют ничего загадочного». У российской власти есть уважение только к «внешней материальной силе и к чисто-внешнему авторитету». А так как «военное могущество Германии настолько осязательно и бесспорно», то «с ним не могут сравниться никакие французские и английские влияния»⁶.

Свой вывод «Вестник Европы» подкрепляет следующими примерами. Российская дипломатия «в боснийском вопросе... сразу подчинилась ультиматуму барона Эренталя, поддержанному графом Пурталесом от имени Германии», причём «не сообщив об этом даже своим союзникам». «Пока Япония считалась слабой», российская дипломатия неизменно применяла «к ней систему высокомерия и угроз». Но, «испытав на себе её силу», российская дипломатия предоставила «ей свободу действий в тех краях, где ещё недавно мы были самовластными и неприступными хозяевами»⁷.

Можно добавить и другие примеры, в частности, когда в июне 1908 г. состоялась встреча в Ревеле Николая II и Эдуарда VII, то в ходе «дискуссии по македонскому вопросу» предшественник С. Д. Сазонова на посту министра иностранных дел А. П. Извольский «старался придать английской программе более умеренный характер». Он не скрыл от своего британского собеседника, постоянного заместителя секретаря Министерства иностран-

¹ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 328.

² Там же.

³ Там же. С. 328–329.

⁴ Там же. С. 329.

⁵ Вестник Европы. 1911. Книга 3. С. 329.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 330.

ных дел Великобритании, Ч. Хардинджа, «что Россия опасается военного превосходства Германии» [2, с. 187].

Вот и Китаю пока он представляется «фактически бессильным» внушается «чувство страха и преклонения пред Россией»¹.

В самом конце статьи приведена важная аналогия с внутренней политикой, когда к «собственному нашему народу, к важнейшим его интересам и к лучшим его умственным силам у нас постоянно применяется та же система угроз»², как и в ноте Китаю.

Заключение

Таким образом, «Вестник Европы» раскрыл для российской общественности суть возникшего конфликта между Россией и Китаем, который чуть было не привёл к военному столкновению.

В журнале детально рассмотрен весь конфликт: отражена, как позиция российского правительства, так и позиция китайской стороны. Свои выводы «Вестник Европы» подкрепил многочисленными ссылками на европейские издания.

Журнал приводит доводы в пользу того, что российское правительство признаёт только позицию силы, в т. ч. и во внутренней политике.

Как известно, в том же году в Китае началась Синьхайская революция, произошли гигантские перемены, которые привели к изменениям и в самой Азии, и в азиатской дипломатии. А европейская дипломатия постепенно стала двигаться в сторону Первой мировой войны.

Статья без названия является частью иностранного обзора «Вестника Европы». Автор статьи не указан. С большой долей вероятности можно предположить, что она написана самим издателем журнала – М. М. Ковалевским.

Интересно, что первый главный редактор «Вестника Европы» – Н. М. Карамзин – «стал первым русским писателем и просветителем, который начал знакомить русское общество с историей и культурой Китая» [3, с. 309], написав для журнала в год его основания 3 статьи о Китае.

Дата поступления в редакцию 18.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатьев А. В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3–24.
2. История дипломатии. Т. 2 / под ред. В. П. Потемкина. М.; Л.: Госполитиздат, 1945. 423 с.
3. Ли Пэнфей. Николай Карамзин и его представления о Китае (на материале журнала «Вестник Европы») // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т. 3. № 4. С. 308–325.
4. Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. 368 с.
5. Хасанов Р. Р. Трансформация образа внешней политики Австро-Венгрии в журнале «Вестник Европы» (1867–1914) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 1. С. 42–54.
6. Samoylov N. A. The evolution of Russia's image in China in the early 20th century: key factors and research methodology // *Vestnik of Saint Petersburg university. Asian and African studies*. 2019. № 1. P. 28–39.

REFERENCES

1. Ignatiev A. V. [The Last Tsar and Foreign Policy]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2001, no. 6, pp. 3–24.
2. Potemkin V. P., ed. *Istoriya diplomatii. T. 2* [History of diplomacy. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1945. 423 p.
3. Penfei Li. [Nikolai Karamzin and his concepts of China (a case study of magazine “Herald of Europe”)]. In: *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Kazan Linguistic Journal], 2020, vol. 3, no. 4, pp. 308–325.

¹ Вестник Европы. 1911. Книга 3. Март. С. 330.

² Там же.

4. Sazonov S. D. *Vospominaniya* [Memories]. Minsk, Harvest Publ., 2002. 368 p.
5. Khasanov R. R. [Transformation of image of Austro-Hungarian foreign policy in the magazine “Vestnik Evropy” (1867–1914)]. In: *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii* [Magistra Vitae: electronic journal for historical sciences and archeology], 2020, no. 1, pp. 42–54.
6. Samoylov N. A. The evolution of Russia’s image in China in the early 20th century: key factors and research methodology. In: Vestnik of Saint Petersburg university. Asian and African studies, 2019, no. 1, pp. 28–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черемных Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры инновационных технологий исторического, обществоведческого и правового образования Государственного университета просвещения;
e-mail: rggu-voskafedra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Cheremnykh – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Innovative Technologies of Historical, Social Science and Legal Education, State University of Education;
e-mail: rggu-voskafedra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черемных О. А. Конфликт России и Китая 1911 г. в освещении «Вестника Европы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 130–137.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-130-137

FOR CITATION

Cheremnykh O. A. The conflict between Russia and China in 1911 in the coverage of “Herald of Europe”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 130–137.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-130-137

УДК 32.019.57

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-138-144

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ДАИШ И ТАЛИБАН, ЗАПРЕЩЁННЫХ В РОССИИ

Капустин А. С.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и сопоставить причины, способствующие вовлечению граждан в террористические организации ДАИШ и Талибан (запрещены в России).

Процедуры и методы. Проанализирован ряд кейсов вовлечения граждан в деятельность террористических организаций методом компаративного анализа с элементами *case-study*.

Результаты. На основе анализа кейсов пополнения рядов Талибана и ДАИШ был выявлен комплекс схожих причин вовлечения, среди которых определяющими являются личностные мотивы и результаты институционального воздействия, значение которых многократно возрастает при наличии социальных и экономических предпосылок. В качестве различий причин вовлечения были определены идеологические и географические аспекты, а также воздействие на конкретные сегменты целевой аудитории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в работе государственных органов в сфере национальной безопасности, отвечающих за системное противодействие вербовке в террористические организации, а также политологами и журналистами.

Ключевые слова: терроризм, рекрутинг, интернет, пропаганда, национальная безопасность

COMPARATIVE ANALYSIS OF INVOLVEMENT IN TERRORIST ORGANIZATIONS ON THE EXAMPLE OF DAESH AND THE TALIBAN, PROHIBITED IN THE RUSSIA

A. Kapustin

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and compare the reasons for the citizens' involvement in the terrorist organizations DAESH and the Taliban (prohibited in the Russia).

Methodology. The author analyzes cases of citizens' involvement in the activities of terrorist organizations applying the method of comparative analysis as well as elements of case-study.

Results. Based on the analysis of cases of rank replenishment of the Taliban and Daesh, a set of similar reasons for involvement was identified, which includes such decisive motives as the personal one and the results of institutional influence, the importance of which significantly increases in the presence of social and economic prerequisites. Ideological and geographical aspects, as well as the impact on specific segments of the target audience, were identified as differences in the reasons for involvement.

Research Implications. The research results can be used in the work of state bodies in the sphere of national security responsible for systemic counteraction to recruitment into terrorist organizations, as well as by political scientists and journalists.

Keywords: terrorism, recruitment, internet, propaganda, national security

Введение

С первым приходом к власти международной террористической организации Талибан (запрещена в России) свою эффективность продемонстрировал «призыв к хиджре», т. е. переселению зарубежных мусульман в место конфликта для ведения джихада. Также хиджра как технология пополнения рядов боевиков была популярна у мусульман и сочувствующих им граждан разных стран немусульманских конфессий ещё с 2013 г., когда набирала обороты гражданская война в Сирии и Ираке. Низкий уровень жизни, коррупция и нарушение прав человека создают почву для радикализации населения. Активная вербовка в ряды экстремистов происходит во многих регионах мира, в основном в мечетях и молельных комнатах. Не последнюю роль в этом процессе играют интернет и социальные сети.

Проблема вовлечения граждан в террористические организации находит отражение в исследованиях, рассматривающих вопросы деятельности террористических организаций в интернете, а также в работах, анализирующих информационную политику террористов.

В числе работ первой группы может быть упомянуто исследование Е. В. Мურიкиной об информационной политике террористов в интернете [7]. Популярность этого способа коммуникации обоснована слабостью цензуры. Информационные потоки террористических организаций ориентированы на против-

ников терроризма, международную общественность, сочувствующих и участников террористических групп. В работе рассматриваются методы воздействия на целевые группы.

Опыт противодействия террористическим угрозам в интернете представлен в работе Л. А. Бураевой [1]. Ряд террористических организаций осуществляет деятельность в интернете, развивая аккаунты на площадках общего доступа. Автор считает, что одним из способов борьбы, хоть и не самым эффективным, с распространением запрещённого контента является блокировка ресурсов.

И. В. Пашенко обращает внимание на «саморадикализацию» граждан, попадающих под влияние идей терроризма, что способствует самостоятельному поиску и потреблению пользователем интернета исламистского контента [8].

В группе работ, посвящённых анализу информационной политики запрещённых организаций, имеет значение работа А. П. Федорова, где автор подчёркивает, что ДАИШ использует политическое манипулирование в интернете, распространяя фото, видео и аудиоматериалы в социальных сетях [10]. Автор описывает принцип работы медиа центров ДАИШ по изготовлению и распространению контента, выделяя, что каждый субъект рассчитан на определённую целевую аудиторию.

Пропаганда ДАИШ рассматривается в докладе А. Крупнова [5]. Прогноз авто-

ра о трансформации сообщества сторонников ДАИШ в «Виртуальный Халифат» уже реализуется на практике.

В сфере внимания политической науки в основном находится деятельность ДАИШ (запрещённой в России террористической организации) и нет ни одного исследования, сравнивающего информационную политику ДАИШ и Талибана.

Выявим и сопоставим причины, способствующие вовлечению граждан в террористические организации ДАИШ и Талибан.

Анализ вербовочной деятельности ДАИШ и Талибана

В ходе изучения русскоязычных и англоязычных СМИ, выходящих в период с 2011 по 2021 гг., были выявлены следующие факторы радикализации граждан:

- притеснение и дискриминация личности (табл. 1);
- исторические обиды, политические обиды и социально-экономическое неравенство (табл. 2);
- личное знакомство и вдохновляющая проповедь (табл. 3);

– пропаганда радикального ислама (табл. 4) [12].

Итак, анализ факторов привлечения граждан в ряды двух радикальных исламистских движений показал, что:

1. Талибан и ДАИШ – это конкурирующие организации, что подтверждается присутствием региональных ячеек ДАИШ в виде «Вилаята Хорасан» [11] на территории Афганистана, имеющих противостоящие друг другу – пуштунское и непуштунское отделения. ДАИШ подкупает боевиков Талибана для пополнения своих рядов [4];

2. Талибаном при вербовке используется национально-освободительный мотив для изгнания интервентов. В свою очередь, ДАИШ стремится объединить мусульман всего мира для построения государства с законами шариата, что предполагает идеологическую экспансию;

3. в ряды Талибана вступают солдаты и офицеры низшего звена, недовольные коррупцией и кумовством. Напротив, ряды ДАИШ пополняют офицеры и солдаты элитных подразделений бывшей афганской армии;

Таблица 1 / Table 1

Притеснение и дискриминация личности / Harassment and discrimination against individuals

Вовлечение в ДАИШ	Вовлечение в Талибан	Сходства	Различия
Денис Кусперт рос в атмосфере расизма, а затем стал пропагандистом для немецкоязычной аудитории Экс-глава ОМОН Таджикистана уехал воевать в Сирию в рамках духовных поисков и для защиты мусульман	Многие афганцы вступили в Талибан после потери родственников на войне с американцами, некоторые из-за произвола властей	Потребность в защите от произвола власти или притеснений со стороны социума	ДАИШ привлекает людей со всего мира. Талибан, в основном, привлекает к себе население страны, желающее прогнать оккупантов

Источник: составлено автором по [5]; German Officials Alarmed by Ex-Rapper's New Message: Jihad // The New York Times: [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2011/09/01/world/europe/01jihadi.html>; Tajik officer's defection to ISIS highlights US support for repressive regime // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jun/02/isis-defection-gulmurod-khalimov-tajikistan>; What the Taliban's youngest fighters tell us about the future of the movement // The Washington Post [сайт]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/young-taliban-afghanistan-fighters/2021/11/12/94c31236-3cad-11ec-bd6f-da376f47304e_story.html (дата обращения: 24.03.2022); Report Afghanistan: Recruitment to Taliban // LANDINFO. 2017. 26 p.

Таблица 2 / Table 2

**Исторические и политические обиды. Социально-экономическое неравенство /
Historical and political grievances. Socioeconomic inequality**

Вовлечение в ДАИШ	Вовлечение в Талибан	Сходства	Различия
Проправительственные вооружённые формирования Сирии устраивали гонения мирного населения, поэтому граждан привлекали идеи экстремистских организаций. Некоторые бывшие сотрудники афганских элитных воинских частей вступили в ДАИШ. Иностранцы боевики получали 1000 долл. в месяц	Талибы боролись с коррупцией и интервентами. Специалисты силовых структур нижнего звена после бегства бывшего президента присоединились к талибам. До 70% молодых бойцов Талибана сражаются за деньги	1. Враг в виде правительства и иностранных интервентов; 2. отсутствие социальных лифтов; 3. концепция «халифата»; 4. низкие доходы населения; 5. коррупция и кумовство; 6. материальная мотивация	1. Талибы используют национально-освободительный мотив; ДАИШ призывает к религиозной экспансии; 2. ДАИШ подкупает бойцов Талибана; 3. бывшие солдаты афганской армии вступают в Талибан. Элитные подразделения присоединяются к ДАИШ

Источник: составлено автором по [2; 3]; Report Afghanistan: Recruitment to Taliban // LANDINFO. 2017. 26 p.; Талибан: от создания до наших дней // Центр Льва Гумилева: [сайт]. URL: <https://www.gumilev-center.ru/taliban-ot-sozdaniya-do-nashikh-dnej/>; Left Behind After U.S. Withdrawal, Some Former Afghan Spies and Soldiers Turn to Islamic State // The Wall Street Journal: [сайт]. URL: https://www.wsj.com/articles/left-behind-after-u-s-withdrawal-some-former-afghan-spies-and-soldiers-turn-to-islamic-state-11635691605?mod=Searchresults_pos7&page=1 (дата обращения 20.04.2022); ISIS Pays Foreign Fighters \$1,000 a Month: Jordan King // NBC News: [сайт]. URL: <https://www.nbcnews.com/storyline/isis-terror/isis-pays-foreign-fighters-1-000-month-jordan-king-n209026> (дата обращения: 01.03.2022)

Таблица 3 / Table 3

Личное знакомство. Вдохновляющая проповедь / Personal acquaintance. Inspiring Preaching

Вовлечение в ДАИШ	Вовлечение в Талибан	Сходства	Различия
Пропаганда через мечети и моленные комнаты. Людей вербуют на встречах, объединяя в «кружки по интересам». Андрей Карасик принял ислам после знакомства в тренажёрном зале с египтянином и стал посещать моленный дом	Талибы вербуют детей в школах и университетах. Медресе привлекают бедных, обеспечивая детей едой и одеждой, семьям платят за отправку мальчиков в медресе	1. Пропаганда в мечетях, моленных домах и медресе; 2. личное знакомство с вербовщиком; 3. ориентир пропаганды на молодёжь	1. Талибан вербует в школах и университетах, ДАИШ – в «кружках по интересам»; 2. ДАИШ вербует иностранцев, в т. ч. христиан. Талибан привлекает молодёжь, используя экономическую мотивацию

Источник: составлено автором по: [6]; Report Afghanistan: Recruitment to Taliban // LANDINFO. 2017. 26 p.; Как террористы вербуют россиян в ИГИЛ // Московский комсомолец: [сайт]. URL: <https://serp.mk.ru/articles/2016/12/14/kak-terroristy-verbuyut-rossiyanok-v-igil.html>; Преподаватель вуза из Волгограда погиб за ИГИЛ // V1.ru [сайт]. URL: <https://v1.ru/text/gorod/2016/04/05/57163341/>; «Талибан» вербует афганских детей для терактов и наркоторговли // Межрегиональный общественный фонд содействия стратегической безопасности: [сайт]. URL: <http://www.fssb.su/islam-terror/2346-taliban-verbuet-afganskih-detey-dlya-teraktov-i-narkotorgovli.html>; Afghanistan: Taliban Child Soldier Recruitment Surges // HUMAN RIGHTS WATCH: [сайт]. URL: <https://www.hrw.org/news/2016/02/17/afghanistan-taliban-child-soldier-recruitment-surges> (дата обращения: 25.10.2021)

Таблица 4 / Table 4

Пропаганда радикального ислама / Propaganda of radical Islam

Вовлечение в ДАИШ	Вовлечение в Талибан	Сходства	Различия
ДАИШ привлекает молодёжь с помощью пропагандистских видео. В 2015 г. в ДАИШ был вовлечён 321 американец. Равшан из страны СНГ и алжирец Амар были завербованы после просмотра роликов о притеснении мусульман в Сирии	Призыв к «хиджре» нашёл отклик у уральских и поволжских мусульман. Талибан развивает СМИ для привлечения новых членов и сбора пожертвований	1. Хиджра; 2. «мягкая сила»; 3. распространение печатных пропагандистских материалов; 4. Пропаганда в интернете	1. ДАИШ вербует людей в интернете по всему миру. Талибан вербует людей из стран Центральной Азии; 2. ДАИШ использует услуги коммерческих специалистов, не принадлежащих к мусульманской умме

Источник: составлено автором по: [9; 10]; American Media Companies Give Rise to Taliban's Soft Power // The Heritage Foundation: [сайт]. URL: <https://www.heritage.org/terrorism/commentary/american-media-companies-give-rise-talibans-soft-power>; Как вербуют террористов: журналисты RT побывали в сирийской тюрьме для джихадистов // Youtube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bypwb4kDvBc> (дата обращения: 15.09.2021)

4. вербовщики ДАИШ могут находить потенциальных рекрутов в «кружках по интересам», например, в спортивных залах, а также в молельных комнатах и мечетях. В свою очередь, Талибан, ориентируясь на молодёжь, активно вербует детей в школах, на классных часах и университетах;

5. пропаганда ДАИШ представляет собой систему медиацентров производства и распространения контента. Региональные блогеры распространяют контент, рассчитанный на различные сегменты целевой аудитории. Высокое качество контента объясняется использованием услуг специалистов, работающих за гонорар и не являющихся членами ДАИШ. Ресурсы талибов более ограничены, вследствие чего качество производимого контента значительно ниже.

Заключение

Отсутствие работ, целенаправленно рассматривающих информационную политику в интернете ДАИШ и Талибана, а также сравнительных исследований указанного вопроса позволяет говорить

о том, что практики информационного противодействия в интернете указанным организациям изучены недостаточно.

Таким образом, исследование демонстрирует принципиальные различия информационной политики рассматриваемых террористических организаций по следующим критериям:

- идеологическая база;
- конкуренция;
- организация информационной политики.

Также в ходе исследования были выявлены общие черты в деятельности указанных организаций:

- сходства социально-экономических предпосылок;
- территории влияния запрещённых организаций отличает низкий уровень экономического развития, что упрощает вовлечение граждан в террористические ряды;
- инструменты вовлечения.

При вербовке террористические организации опираются на личные мотивы вовлекаемых граждан, а также на фактор институционального влияния.

Дата поступления в редакцию 19.05.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бураева Л. А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 131–134.
2. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 344 с.
3. Галкина Е. С. Сирийская трагедия: власть, общество и гражданская война // Вопросы национализма. 2013. № 2. С. 125–136.
4. Ганиев Т. А., Карякин В. В. Военно-политическая обстановка в Исламской Республике Афганистан и её влияние на безопасность Центрально-Азиатского региона СНГ // Архонт. 2018. № 5. С. 12–20.
5. Крупнов А. Исламское государство. Пропаганда группировки и механизмы ее распространения. М., 2017. 123 с.
6. Малышев Д. В. Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии // Проблемы европейской безопасности. 2017. № 2. С. 66–102.
7. Мuryukina E. V. Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. 2017. № 1. С. 198–212.
8. Пащенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1. С. 12–24.
9. Сулейманов Р. Р. На пути в Талибан: исламисты из Урала в Афганистане // VIII Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. / под ред. Э. З. Ягнаковой. Челябинск, 2019. С. 139–141.
10. Федоров А. П. О некоторых аспектах информационной политики ИГИЛ в социальных сетях // Вестник РМАТ. 2018. № 1. С. 18–24.
11. Хопёрская Л. Л. «Исламское государство 2.0»: новые вызовы в Центральноазиатском регионе // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1-2. С. 212–217.
12. Mahood S., Rane H. Islamist narratives in ISIS recruitment propaganda // The Journal of International Communication 2016. Vol. 23. № 1. P. 15–35.

REFERENCES

1. Buraeva L. A. [World experience in extremism and terrorism counteraction in global informational space]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 18, pp. 131–134.
2. Vajs M., Hasan H. *Islamskoe gosudarstvo: armiya terror* [Islamic State: Army of Terror]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2016. 346 p.
3. Galkina E. S. [Syrian tragedy: power, society and civil war]. In: *Voprosy nacionalizma* [Issues of nationalism], 2013, no. 2, pp. 125–136.
4. Ganiev T. A., Karyakin V. V. [Military-political situation in the Islamic Republic of Afghanistan and its influence on the security of the Central Asian region of the CIS]. In: *Arhont* [Archon], 2018, no. 5, pp. 12–20.
5. Krupnov A. *Islamskoe gosudarstvo. Propaganda gruppirovki i mekhanizmy ee rasprostraneniya* [Islamic State. Propaganda of the group and mechanisms for its distribution]. Moscow, 2017. 123 p.
6. Malyshev D. V. [Syrian crisis and the threat of radicalization of Central Asia]. In: *Problemy evropejskoj bezopasnosti* [Problems of European security], 2017, no. 2, pp. 66–102.
7. Muryukina E. V. [Media educational analysis of terrorist sites for young people]. In: *Mediaobrazovanie* [Media education], 2017, no. 1, pp. 198–212.
8. Pashchenko I. V. [The Ideology of terrorist communities on the Internet: the dissemination technologies and the specificity of counteracting]. In: *Caucasian Science Bridge*, 2018, no. 1, pp. 12–24.
9. Sulejmanov R. R. [On the way to the Taliban: Islamists from the Urals in Afghanistan]. In: Yagnakova E. Z., ed. *VIII Rasulevskie chteniya: Islam v istorii i sovremennoj zhizni Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [8th Rasulev readings: Islam in the history and modern life of Russia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk, 2019, pp. 139–141.
10. Fedorov A. P. [On some aspects of ISIS information policy on social networks]. In: *Vestnik RMAT* [RMAT Bulletin], 2018, no. 1, pp. 18–24.

11. Нопыorskaya L. L. ["Islamic State 2.0": new challenges in the Central Asian region]. In: *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: development, security, cooperation], 2018, no. 1-2, pp. 212–217.
 12. Mahood S., Rane H. Islamist narratives in ISIS recruitment propaganda. In: *The Journal of International Communication*, 2016, vol. 23, no. 1, pp. 15–35.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Капустин Арсений Севастьянович – аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: kapustin.info@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arseniy S. Kapustin – Postgraduate student, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: kapustin.info@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Капустин А. С. Компаративный анализ вовлечения в террористические организации на примере ДАИШ и Талибан, запрещённых в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 138–144.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-138-144

FOR CITATION

Kapustin A. S. Comparative analysis of involvement in terrorist organizations on the example of DAESH and the Taliban, prohibited in the Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 2, pp. 138–144.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-138-144

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным педагогическим университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru) и Вестника Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки (www.istpolitmgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru

Сайты:

www.istpolitmgou.ru;
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,25, уч.-изд. л. 11.

Подписано в печать: 28.04.2023. Выход в свет: 03.05.2023. Заказ № 2023/04-02.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А